

ПО ТУ СТОРОНУ РЕКИ

ПУСТЫЕ ХОЛМЫ

Марина Козинаки

Софи Авдюхина

По ту сторону реки (сборники)

Марина Козинаки

Пустые Холмы

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Козинаки М.

Пустые Холмы / М. Козинаки — «Издательство АСТ»,
2020 — (По ту сторону реки (сборники))

ISBN 978-5-17-127381-1

Светлые маги решают, что опасность слишком велика и теперь им необходим Союз Стихий. Еще ни разу его не собирали специально, однако нет времени ждать знака свыше. Воспитанники Заречья, Китежа и Дивноморья должны встретиться и найти тех самых магов, которым удастся сработать. Маргариту, Полину, Митю, Севу ждет большое путешествие, полное тайн и новых знаний, но вот приведет ли оно их к Союзу Стихий? Тем временем Темные маги выходят на связь и предлагают объединение, отказ от которого грозит Ирвингу бедой. Это заключительная часть саги. Героини дождутся своего посвящения, герои обретут то, что искали; судьба свяжет все ниточки воедино. И каждый читатель в конце концов сможет перешагнуть реку и очутиться по ту ее сторону.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127381-1

© Козинаки М., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Словарь	5
Глава первая	8
Глава вторая	25
Глава третья	38
Глава четвертая	52
Глава пятая	74
Глава шестая	97
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Марина Козинаки, Софи Авдюхина

Пустые Холмы

Словарь

Привет, потусторонний! Если ты еще не бывал в Росенике, то тебе стоит ознакомиться с некоторыми терминами, которые мы часто используем. Возможно, часть из них тебе знакома, но в вашем мире они наверняка имеют другое значение.

Этот словарь исправлен и дополнен историком, исследователем магических культур всего мира и действующим наставником Заречья – Нестором Ивановичем.

Амагиль – небольшой стеклянный или хрустальный сосуд, используемый для смешивания и хранения снадобий.

Анчутка – чертик ростом до полуметра. Официально относится к классу нечисти, но в отличие от других представителей этого класса не опасен для колдунов и не агрессивен. Если вы встретитесь с нашим Нестором Ивановичем, он вам, конечно, расскажет много научных фактов об этих существах: о классификации анчуток, о строении их тела и о принципах работы их магии. Ну а пока что вам просто надо знать, что анчутка может неожиданно запрыгнуть вам на колени, если вы будете болтать ногами под столом.

Белун – существо, которое может жить в избушке на курьих ножках вместо домового или шушеры. Ходит как на двух, так и на четырех ногах – исходя из ситуации. Покрыт длинной белой или светло-серой шерстью. Не любит холод, сквозняки и сырость. Часто простужается.

Вече, или **Вече Старейшин** – официальное название организации, призванной облегчить управление сообществом Светлых магов. В Вече входят представители двенадцати самых древних и уважаемых родов. Само слово «вече» пришло к нам из далекой древности, а у нас в Росенике все просто обожают древность!

Волхв – по одной легенде, старинное название любого мага. А по другой – также название для колдуна, тесно связанного с природой, – понимающего голоса зверей и птиц, умеющего хорошо работать с растениями. Термин перестал широко использоваться, после того как возник спор, кого же именно можно именовать волхвом. В Росенике употребляется реже, а вот в северном Зорнике состоит в обиходе почти всех горожан.

Домовой – представитель маленького разумного народа. Чаще всего один домовый берет под покровительство один дом или одну конкретную семью. Требует уважения и почитания, взамен устанавливает очень сильное защитное колдовство, оберегающее жилище. Может помогать по хозяйству, а может вообще ни разу не показаться на глаза в течение десятка лет – такому домовому достаточно, чтобы о нем просто лестно отзывались. Состоит в далекой родственной связи со скандинавскими ниссе.

Друид – термин, заимствованный у кельтских собратьев еще много веков назад. Колдун, чаще всего Земляной, имеющий особую связь с миром растений и животных. Может понимать язык зверей и птиц, слышать растения, перенимать от них знания. Нередко является перевертышем. Этот термин не является официальным, он попал в наш язык случайно. Вы частенько

можете услышать, как чей-нибудь дедушка продолжает по старинке называть подобных колдунов волхвами.

Зеркальник, или **зеркальный коммуникатор** – складное карманное зеркало, используемое колдунами для связи друг с другом. Зеркальники настраиваются под каждого конкретного мага в зависимости от его стихии. Эффективны только тогда, когда магический фон окружающего пространства не очень сильный. В остальных случаях сбоят и ломаются. В Заречье почти не работают.

Мерек – водяной черт. Бывает до метра в высоту. Не слишком агрессивное, но в меру опасное существо, получающее заметную силу на русалью неделю.

Морянка – существо, обитающее в реках, озерах и больших прудах. Не любят маленькие водоемы со стоячей и теплой водой. Имеют сросшиеся задние конечности с двумя большими плавниками вместо ступней, что внешне напоминает рыбий хвост. Живут морянки большими семьями, с себе подобными враждуют редко. Хищные, опасные как для потусторонних, так и для колдунов. Питаются свежим мясом. На русалью неделю их хвосты превращаются в ноги (хотя и достаточно слабые), из-за чего бродить возле рек и по лесам в темное время суток становится опасно. Их магия частично схожа с силой Воздушных колдунов: они легко затуманивают сознание своими песнями, лишают воли, путают мысли, обманывают.

Наяда – международный термин. Был принят на 167 мировой конференции магов для обозначения любой нечисти, имеющей внешне полное сходство с человеком. Этим словом мы чаще всего называем морянок, которые на русалью неделю меняют свой рыбий хвост на ноги и становятся поразительно похожими на нас.

Пегас – существо, напоминающее большого коня с крыльями. На самом деле пегас имеет своими предками драконов, это хорошо заметно по строению его черепа и зубам. Тем не менее мы держим их вместе с лошадьми.

Перевертыш – колдун, способный трансформировать свое тело в тело какого-либо животного.

Световик – кристалл-светильник, начинающий излучать свет от прикосновения колдуна.

Шушера – существо, которое может жить в вашей избушке на куриных ножках вместо домового. Имеет принципиально иное происхождение – некоторые ученые до сих пор относят шушера к классу духов.

Глава первая

Звездопад

Татьяна не понимала, почему тревога не отступает.

Вечер опускался медленно, как всегда бывает летом. Сначала он расправил покрывало сумерек, потом за клубился сизым туманом. Туман выползал из оврагов и плавно стелился вдоль поля, покрывая головки цветов пегой старческой сединой. И хоть солнце еще золотилось у горизонта, неотвратимо наступало колдовское время, которым в детстве ее пугала бабушка.

Тень от дома уже не казалась длинной – она просто слилась с почерневшим лесом, зато порожек все еще сверкал веселыми красными бликами. В следующий миг из щелей меж досками просочилась тьма и стало ясно, что солнце проиграло битву надвигающейся ночи.

Татьяна не любила деревню. В душе еще хранились теплые детские воспоминания об этом месте, но кроме них оставались еще и воспоминания Тани-подростка, которой здесь было нестерпимо скучно каждое лето. К тому же бабушка, в один день выжившая из ума, не щадила внуков и нагружала такой неинтересной, утомительной работой, что Таня твердо пообещала себе никогда не возвращаться в деревню.

Вернулась, конечно же. Вернулась, когда родители, чувствуя приближение старости, вдруг решили отремонтировать бабушкин дом и приезжать сюда хотя бы на выходные. Таня сама везла их, помогала разгружать коробки, разбирать сумки с продуктами. А потом... потом случилось странное и страшное, о чем вспоминать совсем не хотелось.

Она нахмурилась и опустила на лавку. Произошло это давно, лет десять назад. Мать с отцом как раз проводили отпуск в деревне, когда в соседнем селе приняли решение восстановить еще до войны разрушенную церковь. Про церковь ходили странные слухи – это было первое, о чем вспомнила тогда Татьяна. Молодую девчонку гораздо больше интересовали сказки соседа, чем причина, по которой местные вдруг взялись за реконструкцию. Поговаривали, будто два раза в год из церкви показывалась женщина с длинными седыми волосами. У тех, кто ее видел, немели ноги и руки и на время пропадал голос, так что никого позвать они не могли. Женщина сворачивала на кладбище, а там исчезала. Мальчишки утверждали, что по ночам в церкви светилось окно, будто кто-то зажег свечи. Они же сказали Татьяне, что, если церковь восстановить и привести в порядок, нечистая сила сгинет.

Откуда ни возьмись понаехали паломники, вызвавшие помочь со строительством. Некоторые из них устроились прямо в деревне, попросились пожить в домах местных, вот и Татьянины родители – умные, современные и насквозь городские – приютили у себя одного такого мужичка. Тот быстро подружился с отцом, вместе они удили рыбу, а потом и таскали от станции материал для церковной крыши. Отец был в восторге от постояльца, особенно от его карточных фокусов и трюков с исчезновением яблока из-под перевернутой миски, которыми тот развлекал всю деревню. Тане история эта не нравилась. Конечно, мать обвиняла ее в излишней подозрительности – ну что сделает щуплый незнакомец, работага, божий человек? Только вот сделал. Прошел месяц, паломники закончили строительство и засобирались в дорогу. Прихватили с собой и Таниного отца. Слово заколдованный, пришел он утром и объявил, что навсегда уходит. С тех пор никто его не видел. Вот уже десять лет Татьянина мать старела в этой малолюдной деревушке, наотрез отказываясь возвращаться в город. И вот уже десять лет как ненавидела и боялась Татьяна всех чужаков да божьих людей. И теперь ей показалось, что история повторяется.

Утром ее разбудил звонок. Звонила мама, бодрым голосом пересказывала последние новости: в деревню прислали детишек, подростков из воскресной школы на помощь старикам. Распределили по двое – трое на каждый дом, оплатили добрым жителям пропитание, взяли

со стариков обещание раздавать подросткам работу по дому и саду. Мама восхищалась, без устали описывая и милую девчущку, и приятного паренька, поселившихся у нее. Она рассыпалась в комплиментах, раза три упомянула об их скромности и даже не насторожилась, слыша в ответ лишь молчание. Татьяна бледнела с каждым ее словом. В тот же день она отпросилась с работы, собрала сумку и рванула в деревню.

Встречали ее накрытым столом да таким пиром, на который мать отродясь не была способна.

– Доченька! Мы тебя заждались!

– Но я же не предупреждала, что приеду! – ответила Татьяна, застыв в дверях. – Почему вы меня ждали? С какой стати все это готовили?

Взгляд ее уцепился за двух незнакомцев. За столом сидела девушка – на вид лет пятнадцать – шестнадцать – рыжие волосы на прямой пробор заплетены в косу, платье простое, из небеленого льна, похожее на рабочую рубаху; на груди болтается подвеска – должно быть, крест. Девчонка выглядела так, будто и впрямь выросла в монастыре. Парень казался старше ее, улыбался смиренно, даже дружелюбно.

Татьяна хотела повторить вопрос, но вдруг забыла его суть. Спина взмокла, в горле встал ком... Что-то было не так... Что-то не сходилось в этой идеальной картинке... Но мама – все та же привычная мама в брюках и легком свитере – уже вела ее к стулу и предлагала присесть с дороги.

– Познакомься, это мои помощники. Лан. – Она указала на парня, тот протянул над столом руку и уверенно пожал Танину ладонь.

– Лан? Это настоящее имя?

– А это Василисушка. Посмотри, какая душенька! – Мама заботливо погладила по голове рыжую девицу, которая скромно потупила глаза.

– Выходит, вы оба из церковной школы?

– Да. – Лан принялся раскладывать по тарелкам салат. – Нас отправили сюда, к потусторонним. Отрабатывать нака...

– Помогать! – спохватилась Василиса и вдруг рассмеялась. Щеки ее то ли сами зарделись, то ли угасающее солнце скользнуло через окно и оставило красный блик на тонкой коже. – На лето. Знаете, вместо лагеря.

Татьянина мама тоже засмеялась, Лан подмигнул и растянулся в улыбке, и только Татьяна не могла взять в толк, что происходит. Она хотела спросить о чем-то, задать такой вопрос, который все расставил бы по местам, но нужная мысль все время ускользала. Тогда она решила сдаться, принялась за салат и снова взглянула на девушку: та вернулась из сеней с кувшином компота. Платье ее и впрямь было сшито из серого льна, но теперь вовсе не походило на бесформенную монастырскую рубаху. Разве ходят послушницы в таких? Разве их юбки, пусть и льняные, пусть длинные, должны перекатываться такими игривыми складками, а лиф – так обтягивать грудь? Слишком хорошенькой выглядела эта улыбчивая Василиса. Может, конечно, воскресная школа – это и не монастырь, но надо же соблюдать приличия!

– Сколько вам лет, Василиса? – спросила Татьяна.

– В октябре будет восемнадцать.

– А вы... – Она не договорила. Взгляд ее упал на подвеску, что болталась у рыжей на груди. Никакой это был не крест, а самый настоящий драгоценный камень на тяжелой золотой цепи: огромный, гладкий, переливающийся.

«Ведьмовской», – вдруг пришло в голову слово, и в глубине драгоценного камня закрутился тонкий зеленый дымок. Татьяна быстро перевела взгляд на Лана: у того на шее тоже красовалась подвеска, и она тоже не имела ничего общего с крестом. На плетеном шнурке белел самый настоящий птичий череп с сизыми тенями в бороздках кости.

– Что тут... – снова начала она, ухватившись за обрывок давно мучившей ее мысли.

Но ее прервали. Хлопнула дверь, мама вскочила со стула и ввела в комнату пожилую женщину. Незнакомка была низенькой, тонкой, но спину держала прямо. От нее исходило ощущение странной силы. Татьяна никогда раньше не видела у старых дам таких длинных волос, да еще и уложенных столь причудливо.

При ее появлении Василиса с Ланом мигом поднялись на ноги и замерли у стола.

– Танюша, познакомься! – Мать Татьяны воодушевленно кивнула на гостью. – Это Вера Николаевна. Настоятельница воскресной школы. Она приходит по средам проведать подопечных. – Вера Николаевна, это моя дочь.

– Как приятно!

– И мне, – пробормотала Татьяна, непроизвольно сжимаясь под взглядом странной гостьи. В теле разлилась нега, будто кто-то разом отключил все волнения и подозрения, нажав на таинственную кнопку.

– Вы так устали, Таня, – ласково проговорила настоятельница, и ее рука – почему-то совсем молодая, крепкая рука без старческих морщин и скрюченных пальцев – мягко коснулась ее плеча. – Город вас совсем вымотал. Вы ведь живете в городе? Надеюсь, вы не будете против, если мои воспитанники немного погостят в вашем доме?

Припомнив каждую деталь этого вечера, Татьяна встрепенулась. Лавка под ней больше не была нагрета дневным солнцем, все погрузилось в тень, лишь рдяная полоска заката растянулась над лесом. Купол неба почернел, на нем замерцали первые звезды. С березы сорвалась стая воронов, рваные крылья понесли их в сторону деревенского кладбища. Татьяна поежилась и пошла в дом. Все готовились ко сну, ходили тихо, разговаривали вкрадчивым полусшепотом. Василису так и хотелось уличить в чем-то нехорошем, слишком уж милой и покладистой она казалась. Да и Лан этот был тоже чересчур хорош! Но сколько Татьяна ни наблюдала, ни разу не заметила, к чему можно придаться. Парень с девушкой вели себя скромно, знаков внимания друг другу не оказывали, хотя и бросались помогать по первому зову. Заподозрить их в связи, которая не приветствовалась бы среди воспитанников воскресной школы, оказалось невозможно. Но Татьяна не сдавалась. Интуиция заставляла ее все время быть начеку.

Когда солнце окончательно село и сеанс новостей по телевизору закончился, мама принялась убирать со стола. Лан вызвался помыть посуду, Василиса попрощалась и ушла в сени. Только лишь комната опустела, Татьянина тревога отступила, в нос ударили запахи деревенского дома, молока и блинов. В теплую тишину ворвалась песенка сверчка за стеной. Татьяна улеглась на пуховые подушки. На деревню опускалась ночь. Туман стал плотнее: он закручивался вокруг изогнутых яблоневых стволов, лип к окнам, что-то прятал от глаз ночных птиц... Татьяна провалилась в сон, но сон этот не был глубоким. Туман пробрался и туда, он втек прямо через окно, укрыл призрачной скатертью стол, застрял в кувшине из-под молока. Татьяна бродила по дому и не узнавала его, лишь чувствовала, как за ней наблюдают чьи-то глаза. В дверном проеме мелькнула фигура умершей бабушки, но стоило Татьяне приглядеться, как бабушка растворилась в туманной пелене, рассыпалась не то в пыль, не то на тысячи влажных капель. Ноги сводило от холода, сердце выстукивало нечеловеческую дробь. Резкое движение заставило Татьяну вскрикнуть в полный голос. Она обернулась, всплеснув руками – руки во сне казались чужими, – и едва не онемела от ужаса: на столе сидела белка. Ее глазки-смородинки остро блестели, делая ее похожей на бездушную игрушку. Это показалось самым жутким. Татьяна не выдержала и открыла глаза.

Она сразу поняла, что заснуть больше не сможет. Дом погрузился во тьму, и Татьяна с трудом различила собственные пальцы, вытянутые перед глазами. Да, теперь это были ее руки. Она старалась не глядеть в сторону стола, мысленно ругая себя за трусость. Встала, нащупала халат и тапки и бесшумно выскользнула из комнаты. В сенях тоже было темно и тихо, гости спали по своим кроватям, рассмотреть удавалось только бесформенные коконы из подушек и одеял. Татьяна подтолкнула плечом дверь и вышла на улицу.

Ночь оказалась на удивление теплой. Подумать только, она почти никогда не гуляла здесь по ночам! Лишь в далеком детстве отец выходил с ней посмотреть на звезды, да спустя несколько лет после того она сбежала в клуб в соседнее село и вернулась к утру. Но она не помнила ни такого душного воздуха, ни отчетливого запаха цветов.

За забором раскинулось поле. В ее детстве его засевали овсом, а теперь оно заросло лохматыми спутанными травами и тонкими березками. Сквозь него вела едва заметная тропка, которую протоптали рыбаки: так они срезали дорогу до затянутого ряской прудика, где ставили сети в те дни, когда дома заканчивались всякая еда, водка и последние деньги, – тогда и самая мелкая рыбешка казалась желанным угощением.

Татьяна прислушалась. Показалось, что над полем просквозила песня. Несколько минут Татьяна стояла почти не дыша – ветерок и впрямь доносил звуки, похожие на голоса, но поверить в это было трудно. Или страшно. Кто тут может петь? Да еще и среди ночи?

Она потопталась на месте: не идти же за забор, в этот травостой, в темную, неизвестно что скрывавшую ночь? Да одной, без фонаря... и вдруг звуки утихли. Резкая тишина оглушила пустотой. Татьяна продолжала жадно прислушиваться, но молчали и птицы, и деревья. Небо безмолвно глядело на нее сверху вниз, моргая звездами: тишина лилась прямо оттуда.

Она не выдержала и толкнула калитку. Роса просыпалась прозрачным бисером на голые ноги, намочила подол халата. Татьяна помнила эту тропинку более хоженной: когда она ступала по ней в последний раз, травы не стояли ей по плечо.

Вдали прокричала кукушка, блеснула на востоке светлая полосочка неба. Тишину вновь прорезали голоса, повторявшие неразборчивые слова. По спине пробежал мороз: голоса звучали не мелодично, будто хором читали стихотворение со скачущим, рваным ритмом.

Надо вернуться домой! Но едва она это представила, как поняла, что будет бежать сломя голову, путаться в крапиве и тимopheевке, изрежет осокой кожу и от ужаса станет надрывно, истерично хватать ртом воздух. Воображение напугало ее, и Татьяна пошла вперед, стараясь ступать тише и пригибаться, чтобы стать незаметнее. Так она подкралась почти к самому пруду. Страх немного отступил. Вокруг пруда, с одной стороны прямо по топкому берегу, с другой – по мягкой траве скользили девушки. Их было шестеро, и все они были раздеты догола, лишь длинные волосы укрывали их спины. Через каждые несколько шагов они останавливались, поднимали над водой руки и продолжали свою завораживающую песню. Кусты на противоположном берегу раздвинулись, и показалась еще одна девушка – седьмая. Она скинула светлый сарафан и присоединилась к остальным.

Татьяна пыталась понять, что же они делают. Еще совсем недавно мама по телефону рассказывала ей, что в конце июня три девушки, приехавшие погостить в деревню к родне, вдруг среди ночи пошли на пруд купаться. И все три семьи описывали их поведение одинаково: девушки, хоть и знакомые друг с другом, но не дружившие, вместо того, чтобы готовиться ко сну, принялись искать полотенца и твердить, что им надо окунуться в воду, ведь наступила Купальская ночь. Они повторяли это в ответ на любые расспросы, словно загипнотизированные.

– Деточка, но ведь Иван Купала только в июле, – охала соседка, пересказывая все Таниной матери. – А она мне, мол, сегодня Солнцестояние, мне надо на пруд.

Трава зашуршала совсем близко. Татьяна затаилась, холодея, прислушалась к шагам: они были прерывистые, неравномерные, словно идущий несколько раз замер, тоже вслушиваясь в звуки ночи или оглядываясь. Наконец, томительное ожидание увенчалось успехом: трескучий камыш задрожал, и из него вынырнуло знакомое льняное платье, туго облегающее грудь и расходящееся складками на крутых бедрах. Василиса! Девчонка, что должна была спать сейчас в их сених! Вот она, умница и скромница! Божье дитя! Татьяна едва не хлопнула в ладоши, мысленно благодаря свой внутренний голос, который все эти дни не давал ей покоя. То-то же

мама удивится, когда узнает, чем занимается их юная гостья по ночам! «Но... и чем же?» – спросила Татьяна сама себя.

Василиса увидела девушек у пруда, сделала два шага по направлению к ним, но вдруг вопросительно оглянулась. Светлые брови ее сошлись у переносицы, она задышала часто, прихихиваясь, потом тряхнула головой. Татьяна заметила что-то боковым зрением. Движение. Пятно. Белую тень. Стусток тумана из ее сна. Но туман не плыл, а бесшумно трусил по тропинке. Глаза Василисы впились в кота и недовольно сощурились. Несколько секунд девушка и зверь сверлили друг друга взглядами, наконец, рыжая не выдержала:

– Прошу тебя. – Ее голос чуть дрожал. – Прекрати меня преследовать. Думаешь, я не замечаю, что ты повсюду за мной ходишь? Зачем, скажи?! Ты делаешь только хуже!

Татьянины глаза расширились от изумления. Девица сумасшедшая! Повернутая на всю голову! Вот же хитрая настоятельница воскресной школы! Подсунула им в дом чокнутую, разговаривающую с животными! Да и этот здоровенный белоснежный котик сам по себе был не из числа обычных вещей. Незнамо как и когда появился в деревне, то и дело куда-то исчезал, не ел то, что ему оставляли у порога добрые люди. Но все же он был котом! И преследовал девицу, разве что надеясь получить от нее лакомство. Татьяна усмехнулась, недоверчиво покачав головой. Надо же было приютить у себя такую девчонку! И куда это она собралась идти среди ночи? Бродить голышом вокруг пруда вместе с остальными «воспитанницами»? Шептать слова, совсем не похожие на молитвы? Надо сейчас же положить этому конец! А завтра утром позвонить в полицию.

Тут она наконец осознала, что несколько секунд и кот, и рыжая Василиса с некоторым удивлением рассматривают ее саму. И будто бы без слов договариваются, что делать.

«Ну все, доигралась, девчонка!» – хотелось победно выкрикнуть Татьяне. «За дуру мою мать держите? Прикидываетесь святошами?» – хотелось сказать ей еще злее и рассмеяться. «Сейчас же пойдешь со мной в дом и все объяснишь». Татьяна собралась протянуть руку и схватить рыжую за плечо.

Но вместо этого лишь перекатилась на другой бок, пружины старой кровати жалобно скрипнули, а пальцы цепко сомкнулись на одеяле. Татьяна резко села на постели и открыла глаза.

– Что... – пробормотала она. – Что происходит, черт возьми?

В окна било веселое утреннее солнце, мир за стенами наполнился звуками: кудахтаньем куриц, стуком топора, смехом, рокотом пролетавшего в высоком небе самолета.

– Проснулась! – принялась ворковать мама, осторожно проходя мимо кровати. – Я так боялась тебя разбудить! Видно, устала ты в городе, видишь, как сладко спала. Сейчас почти полдень!

– Сладко? – прошипела Татьяна, и голова ее налилась тяжестью. – Полдень, говоришь? А где эти твои... – Она замялась, подбирая слово. – Помощники?

– Во дворе. Оба встали около восьми и сразу принялись за работу. А что?

Татьяна не ответила. Она откинула одеяло, схватила халат и выбежала на крыльцо. Как и сказала мама, Лан и Василиса были тут. Парень колот толстые березовые чурки, а Василиса носила их в дровню.

– Доброе утро, – кивнула она, с поразительной легкостью удерживая в руках слишком большую охапку поленьев.

– Доброе... – многозначительно ответила Татьяна, но девушка не замедлила шага и не обратила никакого внимания на ее тон.

– Доброе утро! – крикнул ей Лан и, вытерев со лба пот, расплылся в широкой улыбке.

* * *

Александр огляделся. Навстречу спешили прохожие. Городское солнце золотило их макушки и было так же ласково, как и в Росенике, но при этом казалось далеким – словно магия его лучей не долетала до этих мест. Несколько секунд он вглядывался в лица. Людей пока было немного: только вечером, когда кончится их рабочий день, поток заполнит улицы. Александр помнил главные особенности потусторонних – когда приходится проникать в их города, жить там или что-то искать, нужно уметь растворяться в толпе, подстраиваться под ее ритм и умело врать, если вступаешь с одним из жителей в разговор. То, что потусторонние работают каждый день в определенные часы, всегда его удивляло. Сейчас стрелки почти доползли до отметки «пять», и редкие прохожие больше обычного привлекали внимание: куда они шли? Зачем?

Стараясь не оборачиваться и не смотреть им вслед, Александр ускорил шаг и свернул в переулок, восстанавливая в памяти карту: тот путь, который он знал еще с юности, оказался закрыт. Дорога никуда не вела. Заветная дверь не появлялась. Но он ни за что бы не поверил, что само место исчезло.

Прошло больше месяца с тех пор, как он покинул Заречье. Когда-то он уже делал так – думая, что навсегда. Сейчас же отчаянно хотел вернуться и старался не допускать мыслей о том, что этого может не произойти. Судьба ведь любит подшутить! Невидимая нить крепко связала его с миром, в котором воспитанники готовились пройти Посвящение, Розалия Павловна пекла колобки – и почему в детстве он не понимал, какие они вкусные? – раскосые глаза цвета гречишного меда на совсем юном лице заставляли его чувствовать себя живее, чем когда-либо, и он пытался убедить других – а на самом деле себя, – что прошлое можно оставить позади. Но он заблуждался. Прошлое не преследовало – оно всегда было внутри него. Прошлое привело его на эту улицу, в этот город, подарило это тело и магические способности, которыми он обладал. Но любой поворот мысли выведет его в новое завтра.

Много лет назад он уходил спокойнее. Тогда самые близкие люди дали понять, что он свободен – все нити оборвались. Остались шрамы: на лице и где-то внутри, но со временем они зарубцевались. Сейчас же он ушел с ворохом вопросов. Куда направился Дима Велес? Какие цели преследует? И почему он, наставник, ничего не заметил, ведь Дима был его неофитом?

Первое время он пытался дергать за веревочки старых знакомств, но никто ничего не слышал. Дима словно в омут провалился.

Он остановился перед одним из домов и недоверчиво огляделся. Светлая пятиэтажка встречала прохожих опрятным кафе со столами на веранде. Полосатый козырек, горшки с голубой гортензией, лоток с мороженым у входа... Это не могло быть то место, которое он искал. Он свернул под крону старого дерева и обошел дом вокруг – но с обратной стороны оказались только подъезды и обычный двор спального района.

Он вернулся и снова уставился на кафе, прочитал вывеску, выполненную изящным шрифтом с завитками, пробежал глазами по золотистым перилам. Здесь явно недавно сделали ремонт: покрасили стены, поставили новые окна. Но где же был вход до ремонта?

– Что-нибудь ищете? – вдруг раздался голос за его спиной.

Македонов обернулся: мужчина курил, опершись плечом на выступ стены. На нем был фартук официанта с названием кафе, вышитым золотой нитью, но по сравнению с остальными официантами – молодыми ребятами, сновавшими вокруг столиков, – он выглядел странно. Серьезное, расчерченное морщинами лицо, проседь в бровях и бороде, и курил он внушительную старую трубку.

– Да, – кивнул Македонов.

Его пояс с кинжалом был надежно спрятан в рюкзаке. Остались только пара браслетов с бусинами-оберегами да неотделимый след магии, который и учуял незнакомец. Перед ним был колдун – Македонов не сомневался.

– Тогда за мной. – Мужчина оторвался от стены и направился к ступенькам.

Вместе они насквозь прошли прохладный зал с красными диванчиками. Людей здесь не было, в воздухе стоял аромат шоколада и кофе, в дальнем углу висел прямоугольный экран, на котором мелькали девичьи лица. Незнакомец миновал барную стойку, остановился под табличкой «Вход только для персонала» и пропустил Александра вперед. Они очутились в длинном коридоре.

– В конце налево, – произнес незнакомец, пожав Македонову руку.

Дверь могла бы показаться обычной, ведущей в подсобку, если бы не начерченный вокруг нее мелом прямоугольник. Вот он – ход между мирами. Самое простое и в то же время самое сложное колдовство. Македонов только недавно смог разобраться, как оно работает. Такими перемещениями занимались Воздушные маги-инженеры да еще Велес.

Он толкнул дверь и оказался в полутемной комнате, чем-то напоминавшей «Медвежий угол». В груди екнуло – в памяти всплыл эпизод, когда он оказался здесь с братом. Именно той дорогой, которую когда-то показал ему Игорь, Александр пытался добраться сюда неделю назад. Она вела через лес за Росеником и упиралась в дупло мертвого дуба. Но ни этого дуба, ни мелового контура хоть на каком-нибудь из ближайших деревьев он не нашел. Теперь же Македонов вошел с другой стороны, совершенно по-новому увидел и комнату с низкими потолками, и столы с лавками. Противоположная стена выглядела гладкой и цельной, словно никаких дверей на ней и в помине не было.

– Стакан жженки. – Македонов опустился на скамью, на противоположном конце которой сидели двое колдунов в дорожных куколях.

Эта забегаловка с излишне романтическим названием – «Путевая денница» – была частым пристанищем странников. Здесь всегда можно было найти горячую еду и кров, а хозяин Гарип никогда не задавал лишних вопросов.

Именно здесь оказался Македонов, когда покинул Росеник, не зная, что когда-нибудь вернется обратно. Здесь же прощался со стариком Аркудой, который подобрал его совсем юнцом и помог совершить переход, – ведь каждому, кто оказался в темноте неведения, нужен проводник. На прощание Аркуда подарил ему заколдованный мешочек из кожи дракона. «Для самого ценного», – сказал он. Долгое время Александр носил в нем редкие травы, просто чтобы мешок не пустовал. Это была попытка создать иллюзию, что есть в его жизни что-то настолько ценное, что хочется уберечь.

Перед Македоновым появилась кружка, над которой поднимался пряный пар. Он сделал глоток и еще раз огляделся. Сегодня было пусто – если не считать тех двоих в куколях да самого Гарипа. Оставалось ждать. «Путевую денницу» любили не только за еду и крепкие напитки – сюда приходили за ответами на вопросы. И ответы находились – в разговоре ли с незнакомцем или в одиночестве за стаканом чего-нибудь горячительного, – но уйти отсюда прежним было невозможно.

– Давно ты у нас не появлялся. – Хозяин трактира опустился напротив Македонова. – Мы уж подумали, что совсем сгинул.

– Можно и так сказать, – медленно ответил Александр, делая очередной глоток.

– А вернулся зачем? – Гарип с интересом оглядел его рубашку и неприметный серый рюкзак, купленные в потустороннем магазине, чтобы не привлекать внимание жителей города.

– Ищу Грека. Надеялся встретить его у тебя.

– Хм. Он тоже давно не появлялся. Раньше часто заглядывал, а потом, видимо, помещался на своих сокровищах. – Гарип усмехнулся.

– Сокровищах?

– Дары Богов. Ты разве не слышал? Старая сказочка, но есть те, кто в нее верит.

Македонов вспомнил о последней встрече с Греком, когда тот говорил о Ярилиной рукописи. Неужели он охотился и за другими сокровищами?

Гарип вернулся за стойку, потому что на стене вдруг вспыхнул белый прямоугольник, в его пределах нарисовалась дверь с витой ручкой, и в следующий миг в зал вошел еще один посетитель. Александр старался не поднимать глаза на очередную фигуру в куколи – он и так привлекал внимание своим потусторонним внешним видом. Он продолжал сидеть за недопитым стаканом жженки, пока не услышал знакомый голос:

– Неужели это правда ты, Македонов?

Не было сомнений, что голос принадлежал Греку, но звучал он отчего-то враждебно.

– Какими судьбами? – Грек сел на место Гарипа. Прищуренные глаза на смуглом лице глядели с подозрением и настороженностью. В облике было что-то звериное, словно он принюхивался, пытаясь учуять неладное, и готовился к нападению.

– Зашел промочить горло, – ответил Македонов.

– Хороший выбор. – Грек одобрительно кивнул на стакан с янтарным напитком. Он подал знак, и на стол опустилась еще одна порция жженки. Пару минут они сидели молча. Все это время Александр ощущал на себе изучающий взгляд.

– Так это действительно ты, – произнес наконец Грек.

– А ты ожидал встретить кого-то другого? – Александр старался вести себя спокойно, словно ничего не изменилось с их давней встречи в лесу.

– Странное дело, но не так давно я виделся с колдуном, как две капли воды похожим на тебя. Но, – Грек наклонился к Македонову почти вплотную, – внутри того бушевали ледяные ветра, а не пламя.

Александр не удивился. До него уже доходили слухи, что Грек активно помогает Старобрядцам, поэтому их встреча с Игорем была предсказуема.

– Это мой брат.

– Ты никогда не говорил, что у тебя есть брат, – фыркнул Грек.

– Тебе ли не знать, что странники отказываются от прошлого, когда выбирают путь отшельничества?

Перед глазами всплыло воспоминание, словно старая фотография, найденная в книге, которую уже много лет никто не открывал. Они с Игорем были в лесу – это Игорь предложил такое странное место для встречи. «Чтобы никто не помешал», – объяснил он. Александр не помнил деталей разговора, словно память, сжалившись, стерла все то, что могло причинить боль. Только едва слышные фразы доносились до слуха сквозь время: «Между Темными и Светлыми нет большой разницы. И те и другие убивают, только Светлые оправдывают убийство правосудием. Так не лучше ли быть на стороне тех, кто сильнее?» Александр, конечно же, не соглашался с братом – тот не был похож сам на себя, его горячий взгляд и срывающийся голос словно принадлежали чужому человеку. Беседа довольно быстро превратилась в спор, а потом – в настоящую ссору. Они переругивались на повышенных тонах. Александр помнил, что говорил о Лисе и Поле – так они звали дочку в семье, – но Игорь словно не слышал его. Воспоминание обрывалось внезапно – яркая вспышка, резкая боль, словно упругая ветка хлестнула его по лицу. Позднее Аркуда, нашедший его в том лесу, скажет, что шрамы, оставленные кровными родственниками, заживают долго – порой на исцеление уходит целая жизнь.

– Но ты так и не смог отказаться от прошлого, Македонов. – Тонкие губы Грека расползлись в елейной улыбке.

– Потому что без прошлого не было бы меня, – оборвал его Странник. – О прошлом я и хотел поговорить.

– Хотел поговорить? Так значит, не зря меня с самого утра не покидало желание выпить стакан хорошей жженки? – рассмеялся Грек. От бывшего напряжения не осталось и следа. Когда

он убедился, что перед ним Александр, а не Игорь, он словно почувствовал себя хозяином положения.

– Мне нужна информация о Старообрядцах. – Македонов увидел, как изменилось лицо Грека при упоминании Темных, и добавил: – И я готов за нее заплатить.

– Почему ты решил, что я смогу тебе помочь?

– Если ты встречался с моим братом, значит, поддерживаешь контакты с той стороной.

– Я поддерживаю контакты со всеми – в этом привилегия странников, – ответил Грек.

– Я думал, их привилегия в независимости от обеих сторон.

Грек снисходительно улыбнулся, словно взрослый, который умиляется наивности ребенка.

– Почему тогда тебя так заинтересовали Старообрядцы? – спросил он. – Тем более ты можешь обратиться к ним напрямую – через своего брата.

По телу Александра разлилось неприятное беспокойство. Ему не хотелось, чтобы Грек узнал что-нибудь об их отношениях с Игорем – иначе он мог воспользоваться этим во вред. Он медлил с ответом, но не сводил глаз с Грека, лицо которого светилось от удовольствия – тот понимал, что попал в уязвимое место. У Александра не осталось другого выбора.

– Мне нужна информация о том, что происходит сейчас у Темных. И я могу предложить тебе кое-что действительно ценное – намного ценнее нескольких самоцветов или амагии с кровью. – Он сделал небольшую паузу и продолжил: – Я могу дать тебе информацию, которая есть только у того, кто вырос в Росенике.

– При чем здесь это?

– Насколько мне известно, – он наклонился к Греку и перешел на шепот, – именно в Росенике боги оставили свои дары.

Выражение лица Грека переменялось. Он выглядел растерянным, но в глазах зажглась искра интереса, которая не укрылась от внимания Александра.

– Странная история с этими дарами, – протянул Грек. – Многие десятилетия никто не говорил о них, словно их никогда и не было. А потом... Помнишь нашу последнюю встречу? Со мной был молодой колдун – Алексей. Он-то и рассказал мне про Ярилину рукопись – тогда Темные начали искать ее. «Дары проснулись», – сказал он. Это было три года назад, как раз когда Светлые нашли Водяную колдунью.

Да, то же самое говорил и Звягинов, когда Александр проник к нему в дом и они вдвоем изобразили похищение. Дары проснулись. Звягинов рассуждал, почему так произошло, и не спешил связывать это с появлением в Заречье Полины Феншо. Он не понимал, какое влияние Водяная может оказывать на древние сокровища. Но увеличивающуюся силу, что исходила от той же Ярилиной рукописи, невозможно было не заметить. Именно поэтому Велес поручила своему мужу изготовить для надежности третье кольцо, защищающее книгу, и отдать его самому сильному и преданному дружиннику Ирвинга.

– Так ты знаешь что-то про Ярилину рукопись? – спросил Грек, не сводя с Македонова глаз.

– Не о ней. Есть и другие дары.

– Какие?

– Я обязательно расскажу после того, как узнаю немного новостей с той стороны. – От напряжения Александр почти перестал дышать, словно боясь, что рыба, заинтересовавшаяся приманкой на крючке, все-таки проплывет мимо.

– Нет у меня никаких новостей, – разочарованно протянул Грек. – Я слушал бы их внимательно и запоминал, если бы ожидал, что встречу того, для кого они могут стать разменной монетой!

– А дружинники и бессловники?

– Им не требуются «новости» из уст странников.

– Что ж, жаль, – вздохнул Македонов и сделал вид, будто вот-вот подхватит рюкзак и встанет.

Грек тут же суетливо затеребил край куколи и воскликнул:

– Да и какие тут могут быть новости, когда влияние Берендея падает!

– Почему? – Александр замер и прислушался.

– Ха, да и ребенку понятно почему. Он упустил Водяную колдунью. Позволил выкрасть ее прямо во время мощнейшего обряда. Слухи просочились далеко, многим пришлось не по нраву, что Берендей использовал девчонку для своих целей. Каких – конечно, мало кто знает. Люди наслышаны только об обряде и толкуют всякие глупости. Ты и сам знаешь, каких чудовищ могут породить подобные разговоры. Берендей хочет лишь собственного величия – так они думают. Жажда власти завладела им, он стал слеп, потерял бдительность и позволил Светлым похитить Водяную. К тому же осведомитель Берендея – тот, что из Светлых, разумеется, – сейчас под подозрением у Ирвинга, так что помощи от него мало.

«Вот оно!» – подумал Александр, уцепившись за последнюю фразу. Осведомитель из наших... Неужели Дима? Возможно, сбежал, чтобы не быть раскрытым...

– Что ты знаешь об осведомителе? – тут же спросил он.

– Ничего, – пожал плечами Грек. – Такое держится в строжайшем секрете. Многие ломают головы, кто это может быть и почему его до сих пор не обнаружили Светлые. Они хвалятся своей проницательностью и считают Старообрядцев отбросами. А сами допускают, чтобы прямо у них под носом сидел предатель.

Он рассмеялся, отпил из кружки жженки и вдруг, словно вспомнив еще что-то, вскинул голову.

– Но, может быть, тебе будет интересно, что растет важность другого клана Старообрядцев? Возможно, они обзавелись осведомителем получше... И, кажется, давно вынашивают какой-то план.

– Еще один осведомитель? – Вопросов становилось больше, а вот ответов все не находилось. Кто же из них внук Велес? Где он сейчас? К кому примкнул? И, главное, зачем?

– Что ж, вижу, ты не знал и этого! Теперь твой черед делиться новостями. Что там слышно про Дары богов?

Александр на секунду задумался. Идея продать Греку такую информацию пришла после слов Гарипа, и он не успел решить, о чем именно расскажет. Самой безобидной казалась история про внезапно наполнившийся и вновь опустевший источник Трех вод в подземельях Горынычей. Грек, возможно, даже мог пролить свет на этот необъяснимый всплеск жизни. И попытайся он проникнуть туда после его наводки, он найдет там лишь три сухих русла. Хотя маловероятно и это – птицы, что стерегут подземелья под особняками древних родов, не пропустят Грека. А о птицах совершенно необязательно его предупреждать.

Он открыл было рот, но в последний миг другая идея пришла ему в голову, и он произнес:

– Серп Мары проснулся.

Грек в ответ скривился, выражение лица его стало неясным.

– Первым это почувствовал Вещий Олег. Говорят, раньше Серп принадлежал его роду, но уже давно сгинул, – продолжил Александр, вспоминая, как доброжелательно, даже по-дружески Олег общался с ним в «Медвежьем углу», а потом сам привел к старейшинам на допрос. – Олег ищет его. По слухам, даже прибегая к запрещенным методам. Серп проснулся и не дает ему покоя. Если ты немного знаешь об этом даре...

– Конечно, я знаю об этом даре, – разочарованно фыркнул Грек. – И его след тянется по всей Долине Гремящих ветров.

– Что? – Македонов понизил голос.

– Не удивлюсь, если там специально возвели этот жалкий городишко. Хотя кто знает... Возможно, серп, а точнее, его обладатель появился там позже – на все готовенькое.

– Ты хочешь сказать, что владелец Серпа Мары живет в Долине? – уточнил Македонов.

– О, это же ты обещал поделиться со мной информацией о дарах, а не я – с тобой! – разочарованно выплюнул Грек и встал. – Хотел одурачить меня, да, Македонов? Рассказал байку, которую все уже перетерли на каждом углу, и доволен?

– Нет, я и не думал, – честно признался Македонов.

Но было поздно: Грек накинул на голову капюшон и шагнул к стене. На ней блеснули тонкие полосы, появилась дверь, и в следующий миг фигура в куколи скрылась за ней.

Македонов потер виски. Ему вспомнилось нападение на пожилую колдунью – бабушку Маргариты, и то, как яростно Черная Курица бросилась расследовать это происшествие, как допрашивала наставников и соседей Мариетты Юрьевны – и ничего не выяснила.

Но откуда Грек знал про Долину Гремящих ветров? Почему говорил о ней так, словно бывал там? Что, если это он рыскал по городу, наткнулся на колдунью и атаковал ее? Она утверждала, что нападавший поджидал ее в доме. Мог ли Грек сделать это? И не полез же он к старушке в поисках Серпа Мары?

«У меня есть тайна, но я расскажу вам, только когда вернетесь», – прозвучал в воспоминаниях голос Маргариты. Он не придал тогда особого значения ее словам – его больше волновало то, что она сама рождала в нем: чувство сбивало все его планы, заставляло бояться потерять место наставника в Заречье, придавало сил и одновременно лишало их. Но что имела в виду Маргарита, говоря о тайне? О чем она могла рассказать ему и не рассказала? Было ли это как-то связано с ее бабушкой? Или сейчас ему просто хотелось найти объяснение словам Грека и он притягивал за уши разрозненные факты?

Он пошарил рукой в рюкзаке, достал небольшой кусочек бумаги и ручку и, сам не зная, зачем это делает, принялся писать.

* * *

В это лето Заречье опустело лишь наполовину. Июль стоял жаркий, цветистый и богатый на ягоды. Полина и Маргарита, которых оставили здесь после Купальской ночи и исчезновения Димы Велеса, только поначалу не находили себе места, но уже скоро летний месяц взял свое: наполнил сердца легкостью, раскрасил глаза колдовским блеском. Ранним утром подруги ходили в лес и приносили Розалии Павловне по целой корзине грибов. Запах чащи надолго запутывался в косах, к платьям липли шелковые волосинки трав, божьи коровки совершали долгие переезды на рукавах кофт и рубашек. В зарослях малинника гуляли и другие воспитанники. Ягодный сок растекался по ладоням, повсюду слышались песни. Порой среди тонких берез мелькал Илья Пророк, и если раньше от него убегали или начинали над ним подшучивать, то теперь почтенно замирали, здоровались за руку и желали здоровья. Пророк все так же смешно шамкал и выдавал одну поговорку за другой, но ребята уже не отмахивались от его предсказаний, а старательно запоминали.

Днем Полина и Маргарита проводили время у реки: читали, практиковали что-то из бытового колдовства, тщательно зарисовывали лекарственные травы. Когда жара спадала, они отправлялись в дом Нестора Ивановича помогать его жене с ужином, а ближе к ночи шли на костер вместе со старшими Огненными.

Это было странное лето. Веселились чересчур много, пели чересчур громко и костры складывали самые высокие, словно Заречьем овладело предчувствие того, что подобное может больше не повториться. Диму Велеса в разговорах старательно обходили стороной даже на вечерницах, которые еженедельно собирались в избушке Василия. Веру Николаевну вслух никто не жалел, словно Дима не был с ней связан. Вместо этого стучали ложками о бока кружек и мисок, раздавливая в каше землянику, сочиняли стихи и заклинания, танцевали под гусли и барабаны. Кто-то принес слух, будто Заиграй-Овражкин обзавелся гусями-само-

гудами. Девушки, конечно же, хихикали и перешептывались, а Полина с Маргаритой лишь вопросительно переглянулись и пропустили новость мимо ушей.

Весь июль с ними не было Василисы – ее, как и остальных работников «Тридесятого вестника», внезапно оказавшихся раскрытыми, отправили в деревню к потусторонним отработывать долг. Воспитанники были уверены, что это случилось после публикации статьи о предательстве Димы. Сама Вера Николаевна не выказывала недовольства, никто даже не видел «Вестника» у нее в руках. Да и статья вышла вовсе не скандальная, а грустная и красивая, словно печальная песня по ушедшему герою. Девушки знали, что по настоянию Лана – главного редактора – написала ее именно Василиса, но работники «Вестника» ее не сдали и отправились к потусторонним всей командой.

Анисья вернулась в Заречье раньше обычного: уже к первому августа ее сумка с вещами появилась на крылечке избышки. Соскучившиеся подружки помогали ей развешивать одежду в шкаф, примеряли ее новые платья и грозились уйти прямо в них. Как обычно, Анисья привезла с собой не только наряды, но и новости, да вдобавок три старинные книги из библиотеки Муромцев, где несколько раз упоминался Серп Мары и были записаны легенды о самой богине.

По словам Анисьи, в жизни древних богатых семей наступило небывалое затишье, будто все представители старинных родов затаились, перестав понимать, кому можно доверять. Оно было и понятно, ведь даже подруги давно запутались, кого и в чем они подозревают.

Митя и Сева в эти дни тоже появлялись в Заречье, хотя и не жили тут постоянно. Казалось, что среди воспитанников прибавилось ведарей. В деревне появились коровы, козы, овцы и гуси с необычными способностями и умениями, и ведари несколько раз в неделю собирались на общую практику, спорили, выгуливали своих питомцев и вели записи. Митин теленок, которого он когда-то заприметил в потусторонней деревне, гулял теперь по зареченским полям. Он давно вырос в красивую рыжую с белыми пятнами корову Гречку. И когда Гречка узнавала Полину с Маргаритой, она бежала к ним и лизала им щеки.

Полина с Маргаритой то встречали Муромца и Заиграй-Овражкина у костра в компании Арсения, Василия и Ульяны, то видели их, когда те выгуливали вороного пегаса и молодую пятнистую корову, а иногда ощущали их незримое присутствие на вечерницах. Пару раз даже столкнулись с ними в лесу. Об одной такой встрече Полина умолчала, не рассказав даже Маргарите, не то что Анисье. Водяная колдунья брела по березовой опушке, всматриваясь в разноцветье трав и мурлыкая незамысловатую песенку себе под нос. По бедру стучала пустая корзина, на дне ее приплясывал маленький ножик с тупым концом. Светлая косынка, завязанная тюрбаном, чуть съехала назад. Полина невольно вздрогнула, когда на краю опушки появились два силуэта. Сева шел с девушкой, имени которой Полина не знала. Это была еще одна целительница, приехавшая в Заречье после Посвящения в Зорнике. Красавица льнула плечом к равнодушно-вежливой сирене и, как показалось Полине, шутовливо пыталась выхватить что-то из его ладоней.

Водяная колдунья помахала и удивилась, когда Сева направился напрямик к ней. Он приблизился слишком неожиданно, взял ее за руку и что-то вложил в ладонь: она почувствовала несколько прохладных прикосновений к коже, а когда догадалась, что это горсть малины, Сева уже протягивал одну из ягод к ее губам.

Она послушно открыла рот и съела малину, но осознала это, только когда Сева все так же невозмутимо удалился и вернулся к разговору с целительницей. Через пару мгновений эти двое уже скрылись среди зачистивших берез. Птицы чирикали на разный лад: кто заливался веселой трелью, а кто протяжно тянул одну ноту; большая муха прорезала утренний воздух прямо возле уха. Полина опустила на колени, раскрыла ладонь и по очереди съела все ягоды.

«Не думай, – приказала она себе. – Просто ешь».

В своих мыслях она боялась убрести в дальние дали, где этот странный Севин поступок мог что-то значить, и значил бы он непременно что-то романтическое. Обманываться не хоте-

лось. И чем решительнее она запрещала себе вспоминать эту сцену, тем нелепее становились ее сны и отчетливее проскальзывала в них малиновая тема.

Полина рассказала Анисье про другую встречу, когда в малинник неожиданно забрел медведь, но рядом, к счастью, оказался Митя. Его способностей хватило на то, чтобы убедить медведя не обращать внимания на переполошившихся Огненных, которые в общении с животными мало чем отличались от потусторонних. Полина помнила плавные Митины движения, изгиб его поднятой руки и золотисто-зеленый блеск глаз, которые стали похожими на кошачьи. Медведь в ответ совершенно по-цирковому закивал, развернулся и побрел прочь по тропинке. Он умильно переваливался с лапы на лапу, бурая шерсть ходила волнами и сверкала на солнце.

За это лето с Заиграй-Овражским и Муромцем сдружилась Маргарита. После того как парни раскрыли историю ее серпа, они оказались словно связаны общей тайной. Сева в подобном дружелюбии был просто сам не свой – так, по крайней мере, казалось Полине. Да и тесное общение с Муромцем шло вразрез с ее принципами: она оставалась на стороне Василисы, а той вряд ли приятно было бы узнать, что подружки проводят с ним время.

Она сказала об этом Маргарите после одной из вечеринок у Огненных. Тогда Маргарита заплетала из Митиных кудрей сложную короткую косу и рассказывала, что лишь немногие потусторонние мужчины носят длинные волосы. Под конец Полина не выдержала и утащила Маргариту в тень.

– Ты считаешь, я не готова защищать Василису? – удивилась Маргарита и рассмеялась, потрепав нахмурившуюся подружку по плечу. – Мы должны установить мир. Понимаешь? Неужели ты не веришь, что в конце концов Муромец и Василиса будут вместе?

– Я сильно в этом сомневаюсь!

– Посмотрим!

Сегодня же в сборе были почти все воспитанники Заречья. Опускалась ночь, и от предвкушения чуда внутри все ныло. Полина накинула шаль, Маргарита хлопнула по кристаллу-световику, гася свет, и пробежала взглядом по серебристой лунной кромке на оконной раме. Наступило двенадцатое августа, и звездный дождь застал жителей деревушки на полянке в Экспериментальном саду. Все рассаживались на подушки и одеяла, кочки и пеньки, клали головы на плечи и колени друг друга. Подружки устроились ближе к краю, Анисья уже ждала их, и в подоле ее юбки лежало несколько горстей гороховых стручков. Иногда со спины подкрадывались посыльные Василия и предлагали отведать какую-нибудь настойку всего лишь за маленький самоцвет.

– Давай я просто передам Василию самоцвет, и вы больше не будете прерывать наш разговор? – не выдержала Анисья, когда предложение поступило в третий раз. Полина с Маргаритой весело рассмеялись.

По этому смеху их заметила Марьяна, идущая под руку с Митей. За ними семенили верные Нюночка и Настенька, все четверо уселись рядом и бесцеремонно растащили принесенный Анисьей горох. Вскоре к ним присоединились Арсений и Аленка. Пришли они с разных сторон и друг с другом общались отстраненно, будто бы отношения их окончательно разладились.

Ущербную луну затягивало в темноту, однако дальше облака не ползли, и небосвод все больше походил на драгоценную ткань из сокровищниц Муромцев. Небо тяжело от звезд, наливалось сиянием, готовое прорваться сверкающим дождем.

Сева пришел в компании той девушки, которую Полина повстречала в лесу. Девушку звали Катей, своим добрым и простым лицом она сильно отличалась от всех предыдущих Севиных избранниц.

«Может, она ему и не девушка?» – подумала Полина, но тут же отбросила эту мысль, чтобы не напоминать самой себе ревнивую Анисью, которая до последнего отказывалась признавать чувства Севы к какой-нибудь колдунье.

Сам Сева не обратил на Полину никакого внимания, ничто в его движениях или взгляде не напоминало о той случайной сцене в лесу. Он придвинулся к Муромцу и принялся что-то ему рассказывать.

Так Полине было гораздо спокойнее. Лучше бы он не замечал ее, как она привыкла, и не делал ничего странного. Она давно во всем разобралась и объяснила себе, почему каждый раз Севины слова или действия ее волнуют. Оба они оказались связаны несколькими важными событиями: сначала Овражкин нашел ее на Купальскую ночь, потом она стала хранить его перо и помогать в обряде превращения в коршуна, после он участвовал в ее спасении из плена Старообрядцев. И каждый раз все происходило с легкой руки Муромца или по велению Ирвинга. Но не по собственному Севиному желанию и не по воле самой Полины. И это могло бы их сблизить, даже сдружить, но они слишком расходились характерами, да и говорить им было особо не о чем.

Все эти выводы прекрасно жили у Полины в голове, когда Сева скользил по ней равнодушным взглядом или молча проходил мимо. Но его редкие фразы, сказанные ей... То, как он нежно провел по ее руке, прежде чем вложить записку когда-то на балу в особняке Муромцев... То, как близко подошел к ней и положил ей в рот ягоду... Это выбивало из равновесия, не давало уснуть, а сны все были – сплошь патока да тягучий мед, наутро от них оставались ощущение горячего дыхания на коже, стук крови в висках и сладкая боль в животе.

Так пусть он лучше не глядит на нее. Пусть обнимает и целует эту Катю с милым, добрым лицом. Пусть влюбится в нее так, что всем это станет видно.

Но Сева не обращал внимания и на Катю. Казалось, он забыл о ее присутствии, как только пришел.

Над поляной поплыл аметистовый туман. Полина закуталась в шаль поплотнее. Пальцы стянули тонкую полоску кожи с последнего горохового стручка, горошинки одна за одной высыпались в ладонь. Давно переспевшие, потерявшие сочность и налившиеся кисловатой твердостью, на вкус они напоминали об уходящем лете.

Маргарита дотронулась до серпа. Вот уже больше месяца она носила его на поясе каждый день. Серп и кожаный мешочек, подаренный Странником, стали ее постоянными талисманами. Серп Мары молчал. На прикосновения он никак не отзывался. Маргарита по совету Севы вновь замотала ручку плотной лентой из драконьей кожи, но символы, выгравированные на рукоятке, жгли ей руку, заставляли снова и снова тянуться к ним или вызывать в памяти их тускло-алое свечение.

Возможно, Маргарита оказалась лишь родственницей Мары, но не ее новым воплощением. И хоть бабушка говорила, что до Посвящения к серпу прикасаться бессмысленно, Маргарита ждала, что оружие отзовется, запульсирует в ее пальцах древней силой, подаст хоть какой-то признак жизни. Но этого не происходило. Ей захотелось с кем-нибудь еще раз все обсудить, но смотрела на нее только Марьяна Долгорукая, остальные же были заняты болтовней. Поймав Маргаритин взгляд, Марьяна тут же отвернулась.

Маргарита усмехнулась. В последнее время Марьяна часто таскалась за Митей. Возможно, он сам ее приглашал, хотя в это верилось с трудом. Представлялось, что маленькая Долгорукая решила показать всему свету, какая хорошая они все-таки пара. Сейчас они сидели рядом, но не тесно прижавшись, а даже не прикасаясь друг к другу. Митя и вовсе повернулся к друзьям и сидел к невесте почти спиной. Ей же оставалось только вести разговоры с верными подругами.

Маргарита разглядывала Муромца и Марьяну, думала об их предстоящем браке не по любви. Отчего эти союзы так ценились среди старинных родов? Раньше, едва Маргарита воображала себя на месте Мити или Марьяны, ее сердце рвалось из груди, как дикая птица. Никто не имел права вынуждать ее выходить замуж за нелюбимого человека. Эмоции застилали глаза, и она даже помыслить не могла, что хоть раз попытается понять эти странные традиции. Однако

сейчас она будто бы смирилась с ходом вещей, глядя на безучастного, спокойного Муромца и щебечущую Марьяну Долгорукую. Что-то вынудило Митю отступить от своей любви. Что же это было? Он ведь был не глуп и не слаб. Маргарита не верила, что он просто боялся противостоять семье. Во взгляде его появилась какая-то особенная печаль, но вместе с ней и глубина. Что-то позволило ему смириться с судьбой, смириться с этой юной девушкой, которая поселится в их огромном доме и когда-нибудь родит ему детей. Будто Митя знал что-то такое, чего не знала и не могла понять Маргарита.

Может, стоит еще раз обсудить эту тему с девочками? Или поговорить с самим Митей? Конечно, сначала он будет отшучиваться и юлить, но в конце концов должен все объяснить. Главное, выбрать для этого правильный момент.

– Ну вот вы где, я еле вас нашла! – послышался голос Василисы, и Маргарита обернулась.

Она тут же заметила, как Василиса ступевалась при виде Долгорукой и Муромца, как улыбка ее на секунду погасла, а глаза растерянно забегали в поисках места подальше. Маргарита потянула ее за руку в самую середину их компании.

– А ну-ка двигаемся, – приказала она со смехом и усадила колдунью ровно напротив Мити. – Боже, Вася, ты выглядишь как богиня! Специально надела это платье, чтобы мы померкли на твоём фоне?

Василиса робко оглядела свой наряд: ее светлое платье было отделано кружевом на груди и подоле, больше ничего особенного в нем не было. Волосы она скрутила в два узла на макушке. Они были похожи на беличьи уши и вид ей придавали скорее забавный, чем красивый.

– Ох, Марго... – смутившись и покраснев, пробормотала она.

– Поддерживаю вариант с богиней, – неожиданно воскликнул Сева, будто вступив в Маргаритину игру.

– И я! – тут же отозвалась Анисья. – Но Вася, конечно же, сейчас начнет отнекиваться. Не знаю, что такого в том, чтобы признать себя богиней?!

Полина с Маргаритой снова засмеялись, им вторила даже Севина спутница, и только Марьяна с подружками, прослушавшие разговор, вопросительно обернулись.

– Как же долго я тебя не видела. – Маргарита обняла Василису за плечо. – Теперь тебе придется рассказать нам все, что ты узнала у потусторонних. Как отнеслись снежинки к такой работе? И не съели живьем Лана, запретившего болтать, кто на самом деле написал злосчастную статью?

– Все прошло хорошо. – Василиса улыбнулась. – Я жила у милой, доброй женщины, работы по дому было совсем немного. Думаю, статья из «Вестника» стала лишь удачным поводом для того, что отправить несколько сильных колдуний в эту деревню. Вы знаете, там ведь находится небольшое озеро – будущий источник живой воды.

– Тот, из которого Заиграй-Овражкин не смог выжать ни капли? – подал голос Митя.

– Ну... да... – смутившись, пробормотала Василиса.

– Сплоховал. – Сева равнодушно пожал плечами. – Что тут поделаешь? И нечего тыкать меня в это, Муромец. Надеюсь, снежинки восстановили силу источника?

– Подождите! Получается, в этом году Росеник остался без живой воды?! – прервала их Аленка.

– Именно так, – важно ответила Марьяна Долгорукая. – Дима ведь и не собирался животворить воду! Он использовал эту ночь для побега!

– Интересно, почему он сделал это именно в ночь на Купалу? – спросила Полина больше себе под нос.

– Купальская ночь – время перемирия между всеми колдунами, – ответил Митя. – Совершается много обрядовых чар, и Светлые даже могут случайно пересечься со Старообрядцами на нейтральных территориях. Они не имеют права мешать друг другу. Все виды магии перемешиваются, отследить, где кто был и кто что делал, очень тяжело.

– Ты думаешь, Дима воспользовался тем, что половина Росеника отправилась на обряды? – встрял Арсений. – Получается, так было больше шансов пробраться незамеченным в темницу, выпустить пленника и исчезнуть вместе с ним...

– К тому же в эту ночь он мог приблизиться к Темным, войти с ними в контакт...

– Возможно, он заранее разведаль, где их найти. Или ему помог пленник.

– Страшно представить, что предатель так долго был среди нас, – поежилась Марьяна от предположений Севы и Мити.

– Кто знает, сколько предателей все еще среди нас, – мрачно проговорил Арсений.

– Я... – робко встала Василиса, – я вовсе не думаю, что Дима предатель.

– Что? – хором воскликнули Ниночка с Настенькой.

– А кто же он тогда? – вскинула голову Марьяна.

– Ты можешь как-то объяснить его поступок? – спросила Анисья.

– Нет, конечно, – сказал Василиса. – Я не так уж хорошо знала Диму. Точнее, не знала вообще... Но мне все-таки кажется, что такое совсем не в его натуре. Я согласна, что он сделал ужасную вещь... Но вдруг на это его толкнуло отчаяние или что-то подобное?

– О да, добрая душа, если бы я была наследником одного из самых древних, богатых и влиятельных родов, я бы тоже была в отчаянии! – рассмеялась Маргарита. – Особенно если бы, как Дима, была свободна от обязательств и никто не вынуждал бы меня жениться не по любви!

Тут она осеклась и взглянула на Митю. Ляпнуть такое при Марьяне! Вот же черт!

Полина предательски расхохоталась.

Небо сверкало, словно его черное полотно расшили серебряной нитью, проложив посередине узор Млечного Пути. Из оврагов тянулся горьковатый запах ночной сырости, в дальнем лесу не унималась кукушка. Внезапно небосвод прочертила яркая белая полоса, и сердце Водяной колдуньи зашлось радостной дробью.

– Звезда упала! – воскликнула Полина.

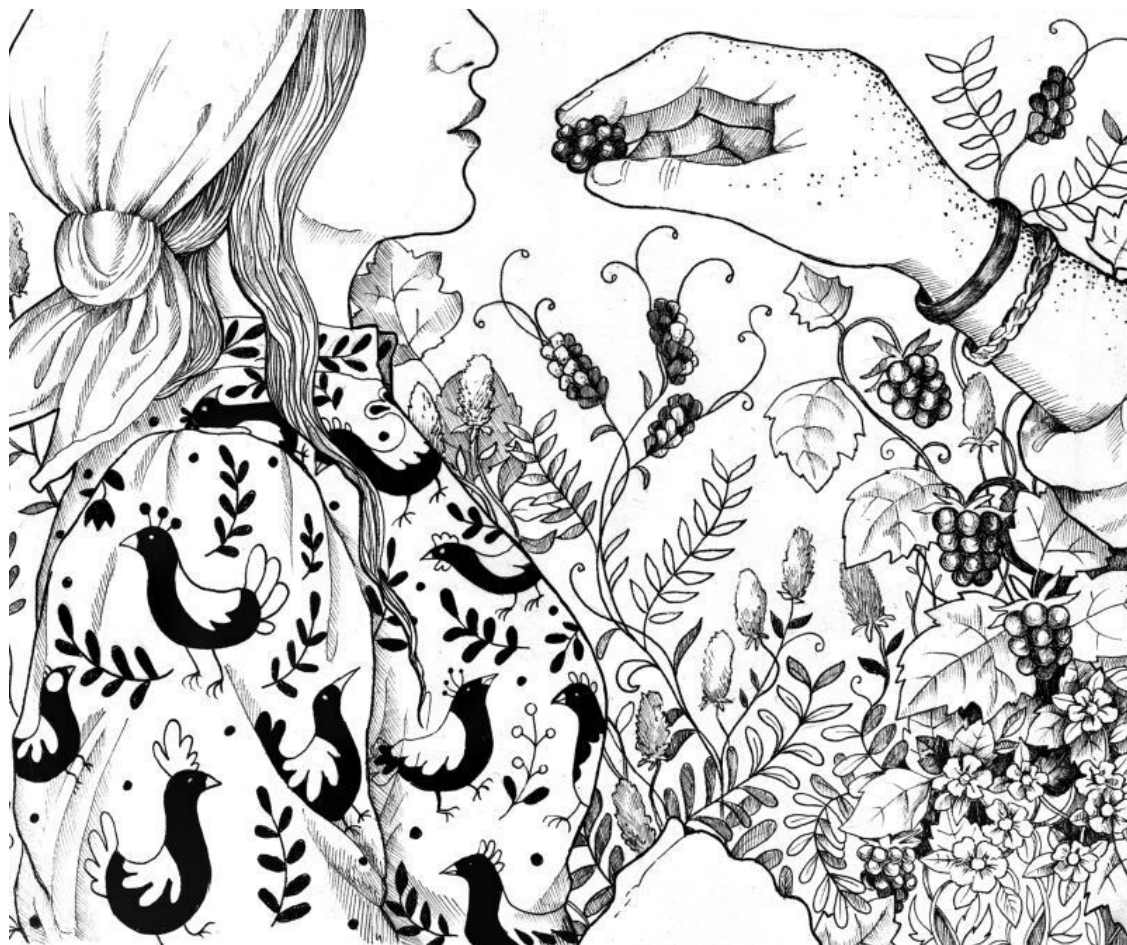
Друзья отвлеклись от разговора и запрокинули головы.

– Еще одна! – донеслось с другого края поляны.

– И еще! – раздалось откуда-то сзади.

– Началось! Началось! – Анисья хлопнула в ладоши и улеглась на спину, головой пристроившись на коленях у Севы.

Хвост сгорающего в атмосфере метеора мелькнул и погас прямо над ней.

Глава вторая Медовый спас

Птицы Рарог раскинули крылья прямо на воротах особняка Велесов. Но яркое пламя их перьев можно было только вообразить – сейчас оно застыло тяжелым, холодным чугуном. Ирвинг вошел в сад, и ворота бесшумно сомкнулись за его спиной. Янтарные глаза птиц остались неподвижными и безжизненными. Дом главной наставницы Заречья располагался в самом центре города, но редко видел гостей и почти не знал грандиозных приемов. Исключения составляли свадьбы его обитателей и иногда – их дни рождения. В дни же равноденствий и солнцестояний самой хозяйки никогда здесь не было, дом пустовал, и безмолвные птицы охраняли покой его одинокого обитателя – Эдуарда Звягинова. Теперь он тихо посапывал в кресле, в то время как Вера Николаевна гостеприимно указала Ирвингу на диван у камина. В ее глазах пылал огонь – или же это было отражение пламени очага?

Ирвинг улыбнулся и молча сел, выдерживая паузу перед тем, как начать разговор. Иногда важнее было просто вместе помолчать, чем облекать мысли в слова и отпускать их на волю. Как часто мысль озвученная становится неправдой!

Все это время огонь пожирал поленья. Безжалостно уничтожал их, совершал убийство. «Разве в природе есть справедливость? – подумал Ирвинг. – Разве это Светлая магия?» Он вспомнил себя в юности, когда задавался теми же вопросами, что и нынешние колдуны, готовящиеся к Посвящению. Самое страшное, что вопросы о добре и зле непрестанно мучали только по-настоящему одаренных – остальные интересовались ими лишь в самом начале пути. Но ответов не существовало. Множились теории, споры, выводы и точки зрения. А еще сомнения. Оттого эти размышления и были так опасны: чаша весов могла качнуться, Светлый маг мог запутаться и выбрать не ту тропку в дремучем лесу. Вот и с Димой Велесом это случилось – Светлая магия для него больше не имела нужного веса. И как иронично, что в будущем именно Дима должен был занять место Старейшины-судьи или главного наставника в Заречье...

Наконец Ирвинг поднял глаза на Веру Николаевну. Она сидела напротив, не притрагиваясь к травяному чаю, который остывал на столике у дивана. Ее лицо было бесстрастным, как маска, и одновременно с этим наполненным жизнью. «Хотя нет, – мысленно поправил себя Ирвинг. – Не жизнью – мудростью. А мудрость как раз отбирает простую человеческую жизнь, отдаляет от людей и приближает час расплаты».

Ирвинг не раз отмечал, что при Велес ход времени замедлялся. Кровь начинала течь неспешнее, и стихия Огня не так бушевала внутри. Но в этот раз все было иначе: слишком много вопросов крутилось в его голове.

Что бы он делал на ее месте? Но нет – в эту игру играть нельзя! Не имеет никакого смысла примерять на себя чужую шкуру. И из каких соображений действует главная наставница, он никогда не сможет осознать. Правильнее всего было пустить их разговор в привычное русло: так оставался единственный шанс получить хоть какие-то ответы.

– Вы злитесь на меня? – Ирвинг нарушил теплую вечернюю тишину.

– За что мне на вас злиться? – удивилась Вера Николаевна, и вместо пламени в ее глазах промелькнул густой лес. – Разве что вы снова навязали мне наставника по Огненной магии, даже не подумав посоветоваться со мной? Но знаете, это происходит уже в третий раз. Кажется, я начала привыкать.

– А у вас были другие кандидаты? – рассмеялся Ирвинг, переводя взгляд на спящего Эдуарда.

– Что вы! Я даже не утруждала себя поисками – знала же, что вы лишите меня выбора.

Пока их с Велес разговоры строились по такой схеме, хоть на какую-то стабильность в этой жизни еще можно надеяться. Он взял со стола чашку и сделал глоток. Травяной напиток успокаивал.

– Давно хотел спросить... – Он кивнул на связку украшений, оттененных тканью платья. – Коготь. Почему вы носите его, словно оберег?

– С каждым годом вы становитесь все проницательнее. Скоро наши приятные беседы станут для меня опасными. – Вера Николаевна улыбнулась, глядя в разгорающееся пламя. – Это действительно оберег, который защищает меня от заблуждений.

– От заблуждений? – удивился Ирвинг и покачал головой. История приобретала интересный оборот.

– Да, мне иногда свойственно заблуждаться в том, что возраст и приходящая с ним мудрость... – На этом слове она взглянула на него внимательно и лукаво. – Оберегают от ошибок.

– Но разве хоть кто-то может избежать ошибок?

– Да, вы правы. И можно ли называть ошибкой то, что было предопределено?

– Все предопределено, дорогая Вера Николаевна.

– И вы снова правы. Все, что нам остается, – учить уроки, которые преподносит судьба.

И вот тут-то и наступает время ошибок – когда мы не усваиваем уроки: приходим к неверным выводам или не делаем выводов вовсе.

– Что ж, было приятно об этом поговорить.

– О когте? – уточнила Велес. – Я ждала, когда вы спросите. Уверена, вы давно знаете его историю.

– Так же, как были уверены, что Дима покинет ваш мир?

Велес вздрогнула и отвернулась к камину.

– Не совсем. Я ограничивала этот мир помещьем, а не всем Светлым сообществом. Видите ли... у него было много интересов, которые связывали его с... нашей стороной. Он всем сердцем привязывается к тому, что любит, – так было всегда. И эти связи крепче всего остального: по крайней мере, так я думала.

– Понимаю. Это обмануло вашу бдительность.

Она не ответила и задумчиво повертела в руках медвежий коготь.

– В конце концов, мы приходим в этот мир выучить собственный урок и совершить собственные ошибки, – продолжил Ирвинг. – Вот и Дима сделал лишь то, что должен был. Мы все заблуждались насчет его роли в этой игре. Но я бы хотел кое-что уточнить... Он ваш внук, он не может считаться обычным воспитанником, верно? Он знает о Заречье намного больше, чем все остальные?

– Понимаю, куда вы клоните. И предпочла бы, чтобы вы спросили прямо, а не ходили вокруг да около.

– Хорошо, будь по-вашему. Что Дима знает о Заречье?

– Он знает о входах и выходах. И я не могу этого изменить. Заречье связано с нашим родом, это знание рождается вместе с первым вдохом наших детей. Дима знает, где находится деревня. Знает, как пройти лес. И что скрывают наставники, готовящие Посвящение.

– Значит, мы должны быть готовы к любому исходу. – Ирвинг поднялся на ноги. – То, что случится, тоже было предопределено. Но хочу думать, что мне суждено встретить трудности в полной готовности.

* * *

Сегодняшний полдень был похож на тот, когда Маргарита впервые попала на собрание с главной наставницей. Солнце палило, заставляя щуриться и мечтать о купании. Река – ледяная, звонкая – так и манила сквозь гущу леса и бархат трав. Тогда Маргарита еще не знала о ее

существовании, теперь же считала минуты до встречи. Она шла к Велес и в этот раз надеялась услышать что-то такое, что осветит ее путь и подскажет верное направление, – нельзя упустить ни слова из речи наставницы!

Повсюду уже сновали новенькие – четырнадцатилетние, смешные, шумные. Многие из них были ниже Маргариты ростом, некоторые же, наоборот, казались крупнее и старше. Маргарита проводила их взглядом и внезапно наткнулась на что-то непривычное: мальчишка топтался на краю поляны, испуганно рассматривая остальных. Он резко выбивался из пульсирующего магического фона.

«Потусторонний!» – осенило Маргариту, и глаза их внезапно встретились.

Мальчик приосанился, будто понадеявшись, что заметившая его взрослая девушка сейчас подойдет и все разъяснит. Во взгляде его мелькнула надежда. Но Маргарита, помедлив секунду, отвернулась. Это удивило и ее саму.

«Потусторонний... Как странно... Ведь когда-то, наверное, Арсений Птицын точно так же стоял за нашими спинами, смотрел на нас с Полиной и не подошел, ничего не сказал... Но как он мог помочь нам? Что объяснить?»

Как теперь сама Маргарита могла что-то разъяснить этому напуганному новичку? Он потусторонний, а значит, будет ждать точных инструкций. Простых и понятных объяснений, не теряющих двойного дна и особенного опыта, нужного для понимания. Тогда как же с ее слов он поймет, каково это – быть магом? Как поверит, что между той Маргаритой, что стоит перед ним, и той, что была на его месте несколько лет назад, – пропасть пропастей, целая череда озарений, ни с чем не сравнимых переживаний и будто бы сотни жизней? Верно, он не поймет. Так зачем что-то объяснять сейчас, когда его время все равно придет?

Маргарита постаралась не думать о несчастном потустороннем. Остальные новички уверенно сгрудились в центре поляны. Они вертели головами, в их взглядах читалось веселое любопытство. Особенно заинтересованно они глазели на Водяную колдунью. Полина держалась невозмутимо, ее бледность под таким солнцем казалась неестественной. Лишь небольшие розовые пятна на острых плечах и кончике носа говорили о том, что она живой человек, на которого действуют солнечные лучи. Ее длинные волосы пепельного оттенка были собраны в свободный пучок прямо у основания шеи, а многослойное платье цвета морских пучин делало ее похожей на водяного духа. Маргарита невольно улыбнулась, представив, какие слухи могли ходить о Полине среди ничего толком не знавших новичков.

Маргарита вновь – как и все три года до этого – не заметила, когда на поляне появилась Велес. Что-то изменилось в шелесте листвы, смолкли голоса, и из-за спин показалась пожилая колдунья с лунно-седыми волосами. Сегодня вместо трав в них были вплетены сухоцветы. Маргарите показалось, что взгляд наставницы особенно пронзителен и колок. За считанные секунды она умудрялась заглянуть в душу каждому.

– Добрый день! – начала наставница негромким голосом, который – Маргарита никак не могла найти для этого подходящих слов – словно раздавался внутри головы. – Присядьте-ка.

Ребята в первых рядах взволнованно заозирались. Остальные тем временем без раздумий опустили на траву.

– Рада приветствовать вас в Заречье. Меня зовут Вера Николаевна Велес, и я ваша главная наставница.

Конечно, все и так это знали. Все, кроме того потустороннего, которого заприметила Маргарита. Да, Велес обращалась именно к нему. Как когда-то обращалась к ней и к Полине, хотя, казалось, говорила со всеми собравшимися. Никого не выделяя и тем самым поддерживая двоих перепуганных, изумленных девочек.

Маргарита поплыла на волне воспоминаний, голос наставницы убаюкивал, как весенний ручеек. Она замороженно изучала орнамент на длинных одеждах Велес, тот неуловимо менял узор. Велес рассказала про Посвящение и наставников, предупредила, что некоторые из них

могут показаться странными («Это правда», – усмехнулась Анисья), и напомнила, как важно набираться знаний отовсюду. Ветерок, облетевший поляну, подал Маргарите знак, что Велес перешла к описанию стихий.

– Наставник Огненных магов... – сказала Вера Николаевна и сделала паузу. Маргарита вытянулась, замерла. Умиротворяющее журчание ручья вмиг превратилось в человеческий голос. Ладони сделались липкими. Непослушные пальцы робко пробежались по рукоятке серпа, убранного в ножны. За эту секунду она успела увидеть себя со стороны – как непохожа она на ту, какой была в первый день в Заречье: ни платьем, ни прической, ни выражением лица. Тогда ей было все равно, что скажет Вера Николаевна. Теперь же она надеялась услышать заветное имя.

С момента прощания со Странником на Кудыкиной горе она старалась отогнать от себя любые мысли о нем. Но не думать не получалось. Первое время в голове снова и снова звучало его обещание вернуться. Но чем больше проходило времени, тем отчетливее проступали подозрения: Странник просто хотел ее успокоить. Ничто не связывало его с Заречьем. Ничто не заполнило пустоту, которая зияла внутри после давней истории с Лисой и Игорем. Словно тогда, много лет назад, оборвалась не только нить, связывавшая его со Светлыми, но сломалось и что-то еще.

Маргарита тряхнула головой и коснулась кожаного мешочка на ремне.

– Егор Маливиничок, – шепотом закончила Анисья, вырвав Маргариту из потока воспоминаний.

– Звягинов Эдуард Юрьевич, – произнесла Велес.

Маргарита выдохнула и бросила быстрый взгляд на потустороннего паренька. Нет, он не Огненный. Земляной, скорее всего. Поэтому не удивится, не порадует и не расстроится от того, что в Заречье больше нет Македонова. Да и чему удивляться, если на то пошло? Неужели она все же лелеяла надежду, что Македонов вернулся? Неужели он и вправду мог оказаться тут и не сказать ей?

Речь подходила к концу. Маргарита помнила, что сказала Велес на их первом с Полиной собрании. «Ваше главное оружие – знание». Чего же ждать сегодня?

– Наверняка в ваших головах роится множество вопросов, – после паузы продолжила Велес. – И вы рассчитываете, что я дам вам мудрые ответы: расскажу, как пройти Посвящение, как обрести настоящих друзей, как справиться с соблазном и не поддаться тьме. – Все замерли, казалось, даже птицы в ветвях прекратили болтовню. – Но ответы уже есть внутри вас. Главное – научиться правильно задавать вопрос.

* * *

Они забежали в столовую, чтобы прихватить парочку бутербродов – бутерброды, разумеется, уже ждали их на одном из ярусов круглого обеденного стола, – и пошли купаться. На это у них был ровно час, а потом предстояло явиться на встречу с Розалией Павловной, которая собирала воспитанников в Говорящем саду.

– Какое совпадение, в Медовый Спас будем готовиться к Яблочному, – улыбнулась Василиса, высунув из воды порозовевшее лицо.

Они нашли у берега пустую лодку, заплыли под сень раскидистых ив подальше от пляжа, поскидывали платья и одна за другой скользнули в реку.

– К чему эта поспешность? – спросила Маргарита. – Еще ни разу не собирали яблоки так рано!

– Из-за дождя, который лил всю прошлую осень, у Говорящих яблонь сбился режим. Теперь яблок слишком много, и появились они рано. Слышала, что они кислые и мелкие.

– Сдается, Розалия Павловна в этот раз хочет поучаствовать со своими кулинарными шедеврами в городском празднике! – отозвалась Анисья и добавила, обернувшись к Полине с Маргаритой: – В Росенике на Яблочный Спас устраивают ярмарки и благотворительные ужины. Основой всех блюд служат, конечно, яблоки.

– Мама с бабушкой тоже хотят участвовать, – ответила Василиса, ловко взобравшись на лодку и выжав воду из длинной косы. – Ой, следует поторопиться.

– Да брось, это же не встреча с Жабой, – отмахнулась Маргарита. – Подумаешь, опоздаем немного на сбор яблок или давку яблочного сока. Что-то не горю я желанием в такую жару работать в саду.

– Не ворчи, Марго, – улыбнулась Полина, подавая ей руку. – Успеем занять места в теньке.

Говорящий сад был залит солнцем, но под старыми яблонями и впрямь можно было укрыться. Длинный стол вырастал из пушистой травы и делил сад на две равные части. Возле калитки собралась толпа, и к тому времени, как Василисе удалось протиснуться, она потеряла из виду подруг. К счастью, Анисья сама заметила ее и потащила за руку к столу.

– Емеля, привет, не подвинешься? – пропела она сладким голосом.

Емеля отсел и похлопал по лавке рядом с собой. Но это место Анисья приберегла для Василисы, а сама обошла стол и устроилась напротив, бесцеремонно отпихнув в сторону своего брата.

Митя недовольно глянул на сестру и вернулся к разговору с Мастером – тот демонстрировал бесформенные тусклые кристаллы, Митя выбирал некоторые, смотрел на просвет и откладывал в сторону. Василиса отметила, что Марьяна Долгорукая снова сидит поблизости, будто теперь они с Митей стали неразлучны.

– Привет! – Забава втиснулась между Василисой и Емелей и водрузила на стол корзину яблок. – Слышала, вы тоже будете участвовать в празднике на Ярилином торге?

– Да, – откликнулась Василиса. – Мама с бабушкой выкупили место на центральной ярмарке. Даже представить не могу, зачем. Что они собираются там продавать? – Она рассмеялась, вспомнив воодушевление родных. Обычно они ограничивались небольшим праздником, который устраивали в Небывалом тупике, но в этом году решили побыть в эпицентре событий. – Можно подумать, у нас какие-то огромные запасы. Есть немного пастилы, и она вкусная, но этого недостаточно. Можно, конечно, напечь пирогов, тем более что наша старая ворчливая печь умеет здорово их украшать...

Тут она запнулась и подняла глаза на Муромца. Он тоже смотрел на нее.

– Ты будешь им помогать? – спросила Забава, увлеченная чисткой яблок и не заметившая, что настроение собеседницы изменилось.

– Не уверена, что Велес отпустит.

– Ты серьезно? Отпустит, конечно! – воскликнула Забава.

– Даже если и так... у меня уже другие планы, – пробормотала Василиса, опуская взгляд.

Конечно, она не пойдет помогать маме и бабушке! Всем известно, что главные покупатели в этот день – представители древних богатых семей. Они прогуливаются по торговым рядам, придирчиво выбирают яства, а у счастливиц могут скупить с прилавка все. Никогда Василисе не виделось в этом ничего плохого, но именно теперь захотелось избежать подобного сборища. Что, если возле их неказистого столика с пастилой и пирогами возникнет Евдокия Рюриковна? Василиса вспомнила ее вьедливый и властный взгляд. А если это будет Василий Ильич? Наверняка он узнает ее, не удержится от шутки, пусть и добродушной. Мама с бабушкой будут умиляться весь следующий год, даже если он ничего не купит. Они даже не заметят, как быстро мимо них пройдет Митя, чтобы не быть втянутым в разговор... и как старательно сама Василиса будет пытаться провалиться сквозь землю... о Ярило, а если это будут не Муромцы, а Долгорукие? Марьянина разговорчивая мать в каком-нибудь изысканном наряде,

снисходительно-вежливый отец? Василиса уже сейчас видела их равнодушный взгляд, скользящий по застиранной белой скатерти, на которой горой высятся пирожки. Ох, если бы только знать, что Муромцы и Долгорукие не собираются на ярмарку! Тогда, конечно, можно помочь родне...

– Анисья, а у тебя какие планы? – спросила Забава.

– Я обожаю Яблочный Спас! – отозвалась Анисья и, переглянувшись с Марьяной, добавила: – Мы обязательно заглянем на ярмарку, верно? Обычно там весело.

– Главное, не налегай на сидр, – вставил Митя, но шутка его получилась какой-то кислой. Однако это не помешало Марьяне рассмеяться.

Анисья бросила в Митю узловатую веточку с парой листьев, только что оторванную от яблока. Тот в ответ погрозил уродливым кристаллом.

– Прошу всех собраться! – Громкий голос Розалии Павловны волшебным эхом разнесся по всему Говорящему саду, и к бесконечно длинному столу потянулись воспитанники: кто с корзинами, полными яблок, кто налегке.

Сама наставница продолжила ворковать с мальчишкой, испуганно жавшимся на краю лавки и вздрагивавшим каждый раз, когда мимо проплывало по воздуху яблоко.

– Вот ты где, Овражкин! – воскликнул Муромец и отодвинул от себя сестру, освобождая Севе место. – Что это у тебя за вид?

Сева выглядел растрепанным, на груди красовался подтек от гнилого яблока, в волосах торчали обломки веток. За ним появились Полина с Маргаритой, и, хоть пришли они с другого конца Говорящего сада, вид их мало отличался от Севиного. Полина потирала порозовевшее плечо, неудачно подвернувшееся под летящее яблоко, Маргарита же прямо на ходу оттирала с юбки пятно.

– У вас была перестрелка? – спросила Забава.

– Мы не собирались в ней участвовать! – отозвалась Маргарита. – Так что придется подумать, как отомстить нахалам, испортившим мне платье!

– Рассаживаемся! – напомнила Розалия Павловна, выстроив в длинный ряд миски. Следом за мисками последовали разделочные доски и остро наточенные ножи. Мите, Севе и Арсению было велено чистить яблоки и передавать дальше, где Анисья и Марьяна с подружками должны были резать их на кубики. Василиса с Маргаритой, Полиной и Забавой брали яблоки прямо из корзины и нарезали тонкими кружками, чтобы потом выставить на солнце сушиться. Кто-то ожидал указаний от наставницы и готовился давить сок.

Среди толпы показалась Ася Звездинка. Маргарита попыталась разглядеть в ней хоть какие-то изменения, но Ася оставалась Асей: невысокой, темноволосой, все с тем же хитрым белочьим лицом и внимательным взглядом. Так и не скажешь, что она вышла замуж за наставника и живет теперь в угрюмом особняке рядом с кладбищем. «Будто замужество может как-то изменить внешность!» – одернула себя Маргарита.

Волновало не столько Асино замужество, сколько разница в возрасте между ней и Вещим Олегом. И пусть он выглядел свежо и молодо, был подтянут, симпатичен и хорошо одет, Ася по сравнению с ним все равно казалась глупым подростком, капризной нескладной девицей, едва вышедшей из детского возраста. Зато в характере ее было столько спеси и уверенности в себе, что хватило бы на десятерых богатых наследниц. Маргарита не пыталась отрицать, что во время этих размышлений где-то на самом краешке ее сознания опять маячил образ Александра Владимировича. Он был моложе Вещего Олега и еще несколько раз назвал ее на «ты»... и именно о нем ей хотелось постоянно думать, но мешало смутное беспокойство. По ночам ее мучила тревога, в глазах застывали беспричинные слезы. Она становилась не похожа сама на себя. Странно было вспоминать тот вечер, когда она по собственной глупости угодила в болото с мавками; Купальскую ночь, когда наставник бросился в воду спасать Лису и запретил

Маргарите приближаться к берегу – какая строгость была в его голосе... Как он на прощание поцеловал ее в лоб и провел рукой по волосам...

А теперь она даже не знала, жив ли он. Что он делает, кого ищет, а кого уже нашел. Вернется ли. Станет ли опять наставником. Мысли сделали еще один круг, почти не отличавшийся от прежнего. Да что же это за наваждение!

Вещий Олег покровительственно кивнул юной жене, будто спрашивая, все ли у нее в порядке, и вернулся к разговору с непосвященными, рассеянными вокруг него. Маргарита уставилась ему в спину. Он искал Серп Мары. Возможно, даже на Звездинке женился, желая добраться до древнего оружия богини. Он чувствовал, что Серп проснулся, но не догадывался просто обернуться и взглянуть на то, что прицеплено к поясу одной из сотни воспитанниц. Нет, Маргарита Руян была для него лишь бывшей потусторонней, в которой открылся магический дар. А стоило-то всего обратить внимание на деталь, и вот он – желанный Серп, почти в руках. Но для Вещего Олега понятнее и правильнее было разработать хитроумный план и даже связать свою судьбу с семейством, которое только при небольшой вероятности могло владеть Серпом Мары. Маргарита усмехнулась. Возможно, это был отличный урок и для нее самой.

Розалия Павловна умолкла на полуслове: к столу приближались Вера Николаевна с Дарьей Сергеевной, но перед ними решительно шагала Черная Курица, привычно хмурая брови. Она была затянута в черное платье с коротким рукавом, густые волосы вились за ней тяжелым плащом.

– Ого! – удивленно воскликнула Анисья. – Что тут делает глава Ирвинговой дружины?

– Может, Ирвинг что-то хотел сказать нам, но не смог прибыть сам? – предположила Василиса, поевшись. Беспечный солнечный день вдруг наполнился зыбкой тревогой.

Все это действительно выглядело необычно. Тридешатое государство изменилось за последние несколько месяцев. Старообрядцы сумели похитить из-под носа Светлых Водяную колдунью, кто-то напал на Маргаритину бабушку, сама Маргарита из обыкновенной непосвященной едва не превратилась в преемницу древней богини, Дима Велес предал их и сбежал на Темную сторону, Александр Владимирович ушел вслед за ним... Сколько удивительных, тяжелых и непонятных событий!

– Я слышала, – сказала Анисья, – что Черная Курица намерена взять в свои руки расследование случившегося в Долине Гремящих Ветров. Некоторые из древних семей уже начали сетовать на ее напористость.

– Она выглядит сурово. Вряд ли станет церемониться, – согласилась Полина.

– Да, а представителям таких семейств обидно оказываться под подозрением. – Анисья улыбнулась, будто говорила о малознакомых людях.

– Розалия Павловна, Олег. – Черная Курица тем временем уже здоровалась с наставниками и пробежала глазами по рядам воспитанников, выискивая знакомые лица.

Головокружительно и сладко пахло яблоками, соком, выступавшим на каждой новой дольке, которая выскользывала из-под ножа. Над столом кружили осы, яблони перешептывались и качали ветками.

– Надеюсь, все в сборе? – уточнила Черная Курица. – Приветствую вас, жители Заречья. Я глава дружины Ирвинга, и у меня есть для вас важное объявление.

Внутри у Маргариты похолодело. Важные объявления в этом месте звучали несколько раз. Правда, чаще из уст главной наставницы, но причина у них всегда была одна: произошло что-то плохое. Маргарита снова подумала об Александре Владимировиче, но на этот раз даже не попыталась стереть его образ. Что-то случилось с Македоновым, определенно. Или же с Димой Велесом...

Она оглядела соседей по столу: на встревоженных лицах легко читались страхи, так похожие на ее собственные. Возможно, Дима вспомнился не ей одной.

– Старейшины во главе с Ирвингом приняли решение о том, что каждый воспитанник – даже не прошедший Посвящение – должен обучаться Боевой магии.

Маргарита удивилась воцарившейся тишине.

– Все мы соберемся вместе и попытаемся научиться атаке и защите.

– Все «мы»? – прошептала Анисья. – Черная Курица останется с нами?

– Наверное, подбирает себе будущих дружинников, – отшутилась Маргарита и снова вся обратилась в слух.

– Начнем прямо завтра. Вера Николаевна составит расписание встреч и передаст его вашим домовым.

Велес не подавала виду, что слышит. Она застыла, похожая на одну из яблонь, неподвижная и спокойная.

– Они что, серьезно хотят сделать из нас боевых магов? – спросила Полина, продолжая стучать ножом по разделочной доске и множить яблочные кругляши. – Решили собрать армию?

– Мы явно не годимся для того, чтобы сражаться с Темными, если идея состоит в этом, – заметила Василиса.

– Вы не поняли? – встрял Митя и нагнулся к столу. – Они ищут Союз Стихий!

– Оу, будет посерьезнее армии... – встревоженно проговорила Анисья.

Маргарита услышала тяжелый Полинин вздох. Если Митя прав, то ее волнения обоснованы. Союз, скорее всего, подразумевает все четыре стихии, и без единственной Водяной колдуньи здесь не обойтись. Несколько взглядов стрельнули в их с Полиной сторону, но больше всего тревожил один – пристальнее всех смотрел Сева. Руки его продолжали механически брать одно яблоко за другим и срезать тонкой спиралью кожицу, но черные глаза неотрывно глядели на Водяную. Маргарита не знала, что в голове его уже возникла догадка, которая озарит ее саму лишь через несколько секунд, так что сначала она просто удивилась столь открытому вниманию со стороны Заиграй-Овражка.

«Полина едва ли способна к коммуникативной магии, – вспыхнула первая мысль, потянув за собой целую цепочку. – Лишь немногим удастся колдовать с ней. Лучше всего у нее получается со мной. Со мной...»

Она встрепенулась.

«Ох...»

Ей и самой стоило поволноваться. Если и впрямь наставники решили во что бы то ни стало собрать Союз Стихий из воспитанников Заречья, то Огонь в нем будет представлять сама Маргарита... Хотя бы на первых порах. Ведь больше ни с каким Огненным Полина колдовать не умеет. Или? На ум пришло испытание с Русальего круга, над которым Полина работала вместе с Александром Владимировичем. Опять Македонов! Но если все же допустить, что она сама и Полина – это уже половина Союза, кто же тогда составит вторую его часть? Она огляделась. Земля и Воздух. Возможно, что Земля – это Анисья с ее редкой каменной магией и окрепшей силой? Или Василиса с ее умением понимать растительный мир? Маргарита никогда не колдовала ни с одной, ни со второй по отдельности, но зато вместе они точно что-то делали.

Но кто же тогда Воздух?

Мастер и Елисей Вилкин – Воздушный и Земляной маги. Но рядом с ними она могла представить себя с трудом. Сразу захотелось улыбнуться от нелепости картинки. Ася Звездинка и Синеглазка. Тоже интересный вариант. Она повернула голову, и лицо ее едва не вытянулось от изумления. Вот уже она сама, как Вещий Олег, придумывала заковыристый план по созданию Союза Стихий, а его недостающие элементы все это время сидели рядом. Нет, не так. Они сидели рядом уже не первый год. Митя и Сева! Земляной и Воздушный. Но почему она подумала об этом только сейчас? Что мешало ей еще пару лет назад начать практиковаться вместе с ними?

Снежинки, которые окружили Черную Курицу так, что за их белыми нарядами не было видно ни ее черного платья, ни даже прядки волос, начали наконец расходиться.

Полина бросила нож на разделочную доску, вытерла руки о полотенце и решительно направилась к главе Ирвинговой дружины. Маргарита поспешила за ней.

– Я ведь могу задать вам один вопрос? – начала Полина, встретившись взглядом с Черной Курицей.

– Да, разумеется. – Екатерина Юрьевна взяла ее за локоть и отвела в сторону, так что Маргарите пришлось остаться в рядах новичков, которые окружили Лису и наперебой тараторили что-то о Посвящении.

– Это ведь не просто Боевая магия для всех, так? – спросила Полина.

– Что вы имеете в виду?

– Меня волнует, какие у вас планы насчет моей стихии. Если на Боевой магии будут просто защитные заклинания – это одно. А если все превратится в попытки найти три стихии в компанию к Воде, то это – совсем другое.

– Разве вам не хотелось бы оказаться в Союзе?

– Мне не дается коммуникативная магия. А усиленное колдовство провоцирует приступы. Еще одного приступа я не хочу точно, даже если от этого будет зависеть судьба будущего Союза.

Черная Курица разочарованно вздохнула, взгляд ее сделался колким.

– Хорошо, я учту. Но помните, что иногда дар, посланный судьбой, к чему-то нас обязывает.

– Когда целители смогут избавить меня от проклятия, тогда мы поговорим о моих обязательствах. Я не отказываюсь обучаться Боевой магии. Просто предупреждаю, что надеяться особо не на что. Я действительно мало что умею, а потеря силы приводит к приступам. Густав Вениаминович говорил, что я смогу перенести лишь несколько таких. Он не знал, что я все слышу...

Маргарита с тревогой смотрела на Полину и Черную Курицу, но отсюда не слышала их слов, потому что младшие колдуны гомонили и наперебой делились с Лисой мыслями. Теперь речь зашла о волшебных помощниках. Маргарита попыталась сконцентрироваться. «Так вот, значит, как узнают об этих помощниках. Нормальный наставник сразу все рассказывает...» Да, Маливиничок в свое время об этом забыл. Или вовсе не знал. Да и был ли у него самого волшебный помощник?!

– Моим будет кот! – заявил мальчишка с вытянутым лицом и всклокоченными волосами. – Он прибил к нашему дому, когда я был маленьким, и всегда ходил за мной по пятам. Правда, в избушке ему пока не нравится. Он побаивается ее ног.

– С чего ты взял, что кот станет помогать? – возразила девочка. Маргарите бросился в глаза необычный ореховый оттенок ее волос и слегка оттопыренные ушки.

– Если колдун утверждает, что это его помощник, стоит поверить. Обычно это чувствуешь сердцем, – сказала Лиса.

– У меня нет помощника, – надувшись, пробубнил другой паренек.

– Просто присматривайся, кто крутится возле тебя, как часто ты видишь разных зверей, как они откликаются, – успокоила его Дарья Сергеевна.

– Да. – Еще один мальчишка хлопнул ворчуна по плечу. – Может, это мышь, которую мы сегодня заметили под крыльцом? Ну, что вы смеетесь? По-моему, мышь – лучший помощник. Вот придется тебе на Посвящении пролезть в таку-у-усенькую дырочку, как ты это сделаешь? А мышь сможет!

– Тогда пусть она будет твоим помощником!

Лиса улыбнулась и велела им расходиться. Когда все разбежались по саду, она обернулась и посмотрела прямо на Маргариту.

– У тебя до сих пор нет помощника?

– Нет. – Лгать Лисе было бессмысленно. Маргарита попыталась вспомнить только что услышанный совет присматриваться к существам вокруг. Кто сопровождал ее все эти годы в Заречье? Афанасий? Но домовые не становятся помощниками. А домашних животных или ходивших за ней диких не было. Разве что паук Семен. При мысли о нем Маргарита едва не рассмеялась.

– Александр объяснял важность помощника на Посвящении?

– Да, он говорил об этом, – кивнула Маргарита. – Но я не знаю, как искать.

– Что ж. – Дарья скользнула взглядом по серпу, прицепленному к ее поясу. – Возможно, он найдет тебя сам. Еще есть время. А пока...

Она опустила руку в карман накидки и вынула конверт.

– Это тебе. Никто не должен знать, надеюсь, ты понимаешь, – сказала Лиса и, больше ничего не добавив, зашагала вглубь сада.

Маргарита смотрела на конверт, пытаясь унять сердцебиение. От кого? От бабушки? От семьи? Нет, как тогда письмо оказалось у Лисы? Или это не письмо? Дрожащими пальцами Маргарита надорвала конверт и вынула листок бумаги.

«Здравствуй, Маргарита. Я надеюсь, ты в порядке. Не унываешь и готова к новым открытиям в Огненной магии. Звягинов – лучший наставник, который только бывал в Заречье. Так что настройся на работу. Остальное неважно».

* * *

Стояла жара, по земле бежали трещинки. Тропинку вытоптала сотня ног, на повороте ждала печка, но привычный пейзаж расплывался в волнах зноя и становился похожим на сон. Маргарита замедлила шаг и осмотрелась.

– Доброе утро, барышня! Ну что, пирожок с брусникой? С грибами? С щавелем? – раздался бодрый скрипучий голос.

– Что это за магия? – спросила Маргарита сама себя.

Она обошла печь кругом, вынула из сумки самоцвет и положила в небольшую выемку. Создания вроде этой печи – существами назвать их не поворачивался язык, но и простыми предметами они точно не были – заинтересовали Маргариту только недавно. Она читала о том периоде истории, когда распространилось подобное «оживляющее» колдовство. Когда оно достигло расцвета, на свет появилось множество странных, а потом и страшных, нелепых изобретений. Тогда Светлое сообщество приняло решение ограничить подобные эксперименты. Но через века следы бывшего увлечения все-таки дошли.

Из печурки высунулся противень, на нем лежал румяный пирожок с брусникой.

– Печка только имитирует поведение живого существа? – размышляла Маргарита, чтобы отвлечься от других мыслей. – Или... это заколдованный живой человек? А что, если она просто перевертыш? Колдунья, которая превращается не в животное, а в предмет? Про такие как-то писали в «Тридесятom вестнике». – В памяти всплыло что-то про клубки и стога сена, над которыми шутила Василиса.

Печка стояла молча. Маргарита потопталась возле нее еще немного и двинулась дальше. Впереди ждала поляна, где Огненные всегда встречались с наставником. На этот раз на ней никого не оказалось – Маргарита пришла первой.

Она села на одно из бревен и снова принялась задавать себе вопросы.

– Что значило это письмо?

Со вчерашнего дня она не могла выкинуть из головы записку Александра Владимировича. Когда она думала о ней, в животе змеей сворачивалась неясная боль, и что-то темное, неприятное вставало перед глазами. Она понимала, где крылся корень всего этого: сначала

послание ее обрадовало, но уже к вечеру Маргарита начала читать его иначе. Да, было все еще приятно, что он вспомнил про нее, что передал ей весточку, но... Была тысяча разных но. Маргарита запомнила последнюю встречу с ним совсем иной по настроению, по степени близости и теперь с невыносимым стыдом признавала, что, возможно, все это выдумала. Память окрашивала каждый жест в те краски, которые ей нравились, а каждое сказанное слово наполняла надеждой и смыслом, которых на самом деле там не было. Иначе почему он написал такую записку? Такую короткую и сухую, словно она предназначалась не только ей, но и всем его воспитанникам?

Ее осенило. Что, если Александр Владимирович и впрямь передал послания всем Огненным? С чего она взяла, что записку получила только она? В груди застрял вдох. Она поднялась с бревна как раз в тот миг, когда ветви с одной стороны поляны зашевелились и оттуда выбрались Емеля с Мишей. Отступать было поздно, да и пропускать встречу со Звягиновым только из-за того, что пропало настроение, казалось глупым.

Емеля уже давно не был тем пухлым мальчишкой, каким она его запомнила с первой встречи. Он вырос в мускулистого парня и отрастил волосы, хотя его щеки были все такими же румяными. Миша теперь был выше его почти на голову, а стригся, наоборот, коротко. На его затылке, ближе к шее, был выбрит замысловатый узор, а на голой коже чуть ниже роста волос виднелись нарисованные руны.

– Как дела, Марго? – первым спросил Емеля, картинно падая на бревно с видом такой усталости, будто всю ночь практиковался в колдовстве.

Она пожала плечами и спросила в ответ:

– Никаких новостей от Македонова?

Ей хотелось выяснить, получили ли остальные воспитанники записки и если да, то что там было сказано. Оставалось только спросить их прямо. Почти прямо.

– Да какие новости, – отмахнулся Емеля. – Откуда же нам знать, что там у него?

– Интересно, вернется ли он вообще, – задумчиво произнес Миша.

– Вот бы... – начала Маргарита, покосившись на парней. – Вот бы он передал нам какое-нибудь послание, да? Чтобы мы точно знали, что он жив.

– Это было бы здорово, но как он сможет это сделать, если ушел к Старообрядцам? – сказал Емеля. – Через кого передавать?

– Это точно, – согласился Миша.

Наконец подтянулись остальные Огненные, но Маргарита больше не собирались спрашивать про Македонова. Ей было достаточно и того, что Миша с Емелей ничего от него не получали. Похоже, послание предназначалось только ей. Но почему? Хотел ли он сказать что-то еще, кроме того, что было написано в записке? Следовало ли воспринимать это как знак внимания с его стороны или он проявлял о ней заботу как о потусторонней и не до конца владеющей своей силой колдунье? Напомнил о себе, потому что знал, что она будет волноваться за его жизнь? Или у него этого и в мыслях не было?

Да что ж такое...

Ветви раздвинулись в последний раз и пропустили Эдуарда Юрьевича. Он затрусил через поляну с миролюбивой улыбкой на лице.

– Доброе утро, доброе утро! – дружелюбно махал он рукой, в которой была зажата большая чашка. В другой руке Звягинов держал надкусанный пирожок. – Извините, опоздал. Неожиданное собрание наставников спутало все мои планы. Но, надеюсь, мне удастся порадовать вас кое-чем интересным.

Маргарита поерзала, усаживаясь поудобнее. Ей хотелось спать после целой ночи терзаний, слепящее солнце заставляло жмуриться, и, едва веки смыкались, мысли снова уносились далеко, дыхание тяжелело.

– Ох, ну и где же мое кресло? – воскликнул Звягинов, оглядываясь. Взгляд его задержался на дальнем краю полянки. – Надо же, вон оно!

Маргарита, последовав примеру остальных, обернулась. Вдалеке и впрямь стояло пухлое кресло с витыми ножками. Кто-то из ребят засмеялся.

– Фадей, будьте добры, принесите старику его стул.

Звягинов вовсе не был похож на старика. Возраст, несомненно, оставил отпечаток на его облике, но по той живой и веселой энергии, что была из него, он воспринимался как полный сил мужчина. Тем более сегодня он был одет в обычную льняную рубашку и свободные штаны, а не в строгий костюм, и на его голове красовалась смешная шляпа из серой соломы. Он пришел босиком и уселся в кресло, сложив ноги по-турецки.

– Знаю-знаю, что вчера вас огорошили обязательной Боевой магией, но должен признаться: почти все практики Огненных перед Посвящением напоминают боевое колдовство. Вот поэтому мы начнем новый круг встреч с разговора об эмоциях, о ваших силах и способностях и, конечно, вашем предназначении. Вы уже сотню раз слышали, что контроль – полный контроль над эмоциями и беспокойным умом – позволяет вам совершенствовать колдовство, оттачивать его грани, использовать силу правильно и точно. Но ведь Александр Владимирович – ваш предыдущий наставник – наверняка упоминал о том, что у Огненных не всегда это работает столь четко, верно? Мы можем усилить свое колдовство с помощью эмоций...

– Как можем и потерять все силы за один раз, если позволим эмоциям завладеть нами, – усмехнулась Оля.

– Верно, – кивнул Звягинов. – Что именно рассказывал вам Александр?

– Мы увеличивали или уменьшали огонь, распалая эмоцию или, наоборот, успокаиваясь, – ответил Миша.

– Прекрасно! Теперь же мы вспомним все приемы, которые вы уже знаете и которые можно использовать как боевые. И ненадолго забудем про контроль над эмоциями.

– Но... как же, – попыталась возразить Оля. – Мы ведь столько учились их сдерживать...

– Для того чтобы заполучить контроль над эмоцией, нужно сначала узнать ее глубину.

Он взмахнул руками, и ветви, плотной стеной обвившие поляну, вспыхнули... Маргарита вздрогнула от резкой волны жара.

– Узнай, чувство какой силы ты способна испытывать, девочка. И только когда ты изучишь себя, только когда примешь то, что способна разрушать и уничтожать, ты получишь полный контроль. Вы должны исследовать себя. – Теперь он обращался ко всем собравшимся. – Изучить каждый потаенный уголок души, вынуть и рассмотреть каждую обиду, каждый оттенок боли, грусти, раздражения... Только тогда вы обретете силу, которой не будет равных. Не ту силу, что может разрушить и уничтожить, но ту, что может создать новое из пепла.

Звягинов опустил руки, и огонь на ветвях успокоился, перестав получать подпитку. Через секунду он и вовсе исчез, оставив за собой полосу почерневших крон.

– На новых тренировках вы столкнетесь не только с посвященными, но и с младшими, совсем неопытными ребятами, с теми, кто еще почти ничего не умеет. Вам нужно научиться атаковать, никого не покалечив и тем более – не убив. Да-да, ваша магия на это способна. Многие переживут падение с высоты или удар, смогут выплыть с глубины, но встречу с открытым огнем вынесут далеко не все. Вы не должны причинять вред своим собратьям. На вас будут возлагать самые большие надежды, но и ответственность вы будете нести большую. Таков порядок. Наверняка колдуны других стихий подшучивали над нашей вспыльчивостью. Не держите зла. Помните, что в случае настоящей опасности они придут к вам, потому что только Огненные способны преобразовать волну эмоций в волну магии – и этот ресурс неистощим. Так перейдем же к практике! Выберите эмоцию, дойдите до обоих ее полюсов, напитайте ею свое колдовство. Не думайте о том, что поляна пострадает, – она видела и не такое. Поверьте, завтра все здесь будет выглядеть так, будто ничего не произошло.

Маргарита постаралась сконцентрироваться. Она перебирала названия эмоций, надеясь зацепить какую-нибудь и вытянуть на свет. Злость, ярость, раздражение... Эти были сильными. В них билась жизнь. Они и впрямь могли сделать колдовство опасным, разрушающим. Но вот странность: все они проплывали мимо бессмысленными словами. Мысль о записке выбила из равновесия, не давала сосредоточиться на нужном. Маргарита открыла глаза и почему-то совсем не удивилась внимательному взгляду Звягинова.

– Вы ищете эмоцию, которую не испытываете. Нужно учиться преобразовывать любую эмоцию в магию, даже если эта эмоция не ассоциируется с боевым колдовством.

Он подошел ближе.

– Печаль... я понимаю, на первый взгляд она не кажется подходящей. Но, поверьте, в печали может быть больше силы, чем в ярости. Разберитесь, что именно чувствуете сейчас. Тревогу? Недовольство? Разочарование? Уныние? Все вместе? Проживите это с помощью магии. – Звягинов ободряюще кивнул и обернулся к остальным. – Ах да, я же обещал поделиться новостью! На собрании наставников выносился вопрос о том, чтобы перемешать воспитанников Заречья, Дивноморья и Китежа для более эффективной коммуникации. Так что кому-то из вас выпадет возможность пожить в Зорнике или Небыли, а ваше место здесь займут другие колдуны.

* * *

Я могу притвориться холмом, могу обернуться внезапным каменистым взгорьем, выросшим на пути. Я прячусь под прошлогодней листвой, и затянувшая песнь ведьма не чувствует, как я медленно вздыхаю под ее легкими шагами. Я могу сжаться до двуногого существа, покрытого розовой кожей и редкой шерстью, и никто не поймет, кто я... что я на самом деле. А в час тишины перед самым рассветом, когда все живое спит, я наконец-то могу расправить крылья и взлететь.

Кажется, что мне дарована абсолютная свобода, но эта картинка обманлива. Я жду, когда придет та, кто сможет меня освободить. Кто захочет освободить... и день за днем я вижу ключ, что смог бы разомкнуть мои оковы, но я не в силах ни дотянуться, ни попросить о нем...

Глава третья

Яблочный бал

Двери разомкнулись и впустили утренний свет в холл Белой усадьбы. Вера Николаевна вышла на крыльцо первой, за ней выскользнули Василиса и Забава. Сосны парка нахохлились и казались непроснувшимися, но солнце уже пробивалось сквозь их мохнатые лапы и проливалось прямо на дорожку.

– Жду вас после ярмарки, – предупредила Велес. – Я знаю, что праздник у Муромцев затянется до полуночи, но, надеюсь, вы вспомните о нашем договоре.

– Мы туда и не собираемся, – пожалала плечами Забава.

– Что ж, передавайте привет домочадцам.

Василиса толкнула створку ворот, но та не поддалась.

– Не получается? – хихикнула Забава.

Василиса изумилась своей неловкости и снова толкнула. И опять ничего не произошло.

– Дай-ка я. – Забава легонько уперлась плечом, ворота скрипнули и наконец отворились. – Кажется, кто-то сегодня плохо позавтракал.

– Если честно, я не съела ни крошки, – ответила Василиса и обернулась, чтобы попрощаться с Велес.

Станный взгляд наставницы заставил ее опустить руку. Та смотрела так, будто история с воротами оказалась не простой случайностью.

– Василиса, дорогая, – начала она и замялась, будто подыскивая слова. На этот раз ее взгляд задержался на Василисином медальоне, и выражение ее лица вновь переменилось. – Я бы... я бы не советовала тебе носить этот камень. По крайней мере, сегодня.

Василиса удивилась: при чем здесь камень? Забава, только вышедшая за ворота, нетерпеливо замерла.

– Ты знаешь... Сегодня для него не лучший день. – Пальцы Велес дотронулись до кельтского бриллианта. – Влияние планет... Да и вообще. Такая драгоценность на ярмарке привлечет ненужное внимание.

– О, это вовсе не драгоценность, это просто стекло, – проговорила Василиса, и ладони ее стали влажными. Камень налился синевой. Что, если Велес что-то узнала про нее и Митю Муромца? Но нет... Откуда же? Это просто невозможно.

– Ну, разумеется, – согласилась Вера Николаевна и все же протянула руку ладонью вверх. «Она точно знает! – сокрушенно подумала Василиса. – Она все поняла! Но как?»

Она сняла кулон. Казалось, что Вера Николаевна хотела сказать ей вовсе не про украшение и только в последний миг передумала.

– Я отдам Белуну. Заберешь, когда вернешься.

Что же произошло с Велес? Почему так печально изогнулись ее брови? Почему взгляд стал цепким и внимательным? И что ей было известно о кельтском бриллианте?

– Все верно, не надо идти с такой подвеской, если камень в ней не сулит сегодня ничего хорошего! – заметила Забава. – Вдруг он навредит продажам на ярмарке?

Василиса кивнула и улыбнулась, чтобы скрыть тревогу.

– Хотя сегодня и так не ожидается хорошей торговли! – На этот раз голосок Забавы наполнился возмущенными нотками. – И подумать только, все испортили Муромцы! Зачем они, спрашивается, устроили Яблочный бал и пригласили туда горожан? И ведь те пойдут! Всем захочется отведать бесплатных угощений, потанцевать среди статуй и розовых кустов, чтобы потом хвастаться перед внуками, что побывали в гостях у самого знаменитого семейства.

«Зато Муромцы не приедут на ярмарку», – возразила Василиса, правда, мысленно.

– Неужели Муромцы не понимают, что из-за этого половина города просто не явится на Ярлин торг и такие семьи, как наши с тобой, останутся ни с чем?

«Но зато не придут и Долгорукие!» – продолжала беззвучно возражать Василиса.

За два дня до Яблочного Спаса Муромцы действительно объявили о благотворительном бале, чем обрадовали одних горожан и напрочь испортили настроение другим. Они заплатили нескольким семьям за угощения и напитки, и теперь посетители могли отведать их бесплатно. Другие должны были продавать свои товары, тщательно отобранные самой Евдокией Рюриковной, в саду. В такие праздники богатые роды жертвовали средства на благоустройство улиц вроде Небывалого тупика, но еще ни разу не устраивали открытых приемов. Газеты пестрели новостью о Яблочном бале в особняке Муромцев. Анисья настаивала, чтобы Василисина семья тоже приехала, но Василиса даже не рассказала своим о ее предложении.

Ярмарка в этот час еще не была похожа сама на себя. Прилавки пустовали. Забава увидела отца в ближайшем торговом ряду и побежала ему навстречу, Василиса же двинулась к центру площади, приметив там единственную компанию. Она узнала звучный смех Валерия Павловича, бабушкиного знакомого, вызвавшегося подбросить Василисину родню до ярмарки и помочь обустроить прилавок. Сбоку от него уже встряхивала вышитую скатерть тетушка Малуша – еще одна подруга семьи. Ее прилавок был завален стопками льняных салфеток, столовых дорожек и полотенец. Рядом с Валерием Павловичем маячил его старший внук. Он открывал сундуки, доставал из них коробки и передавал все это Василисиной маме.

– Батюшки! Василиса! – воскликнула тетушка Малуша и, бросив в сторону полотенце, потянулась обниматься.

– Ой, внученька! Неужто ты? – Бабушка всплеснула руками.

– Дорогая, как мы рады, что Вера Николаевна тебя отпустила! – воскликнула Ирина Станиславовна.

Василиса чмокнула в щеку Ваню – внука Валерия Павловича – и приняла из его рук поднос, укрытый узорчатой салфеткой.

– Разве может Велес запретить молодежи идти на ярмарку? – спросил Валерий Павлович, натягивая между столбами новый ряд флажков.

– Дело не в ней! У меня были дела, но планы поменялись. – Василиса сдернула с подноса салфетку: под ней оказались круглые пирожки, украшенные ромашками из теста.

– Ох, и чем это ты могла быть так занята, чтобы не прийти помочь своей родне?

– Да мало ли дел у юной красавицы? – одернула соседа Малуша. – И каждое из них, поди, поинтереснее полупустой ярмарки.

Прилавок скрылся под выпечкой и пастилой. Василиса поправила складки скатерти, расставила у ножек стола кувшины, распушила в них полевые цветы. Их закуток смотрелся мило, но пустовато. Сразу бросалось в глаза, что на продажу выставлено немного. И даже несмотря на то, что бабушкины пирожки получились очень вкусными, вид их привлекал гораздо меньше, чем те же вышитые ветвями, белыми цветами и яблоками льняные полотенца мастерицы Малуши.

– Вот вроде бы и все, – подытожила Василиса и постаралась улыбнуться как можно бодрее.

– Все, да не все, – сказала Ирина Станиславовна и вынула из сумки бумажный пакет. Из него появилась связка акварельных рисунков в белых паспарту.

От одного лишь взгляда на первый этюд сердце Василисы сделало кувырок. Пейзаж изображал яблоневый сад в пору цветения. По низу листа были разбросаны насыщенные зеленые пятна, а в кронах деревьев плотность тона почти исчезала. Размытые участки чередовались с несколькими резкими штрихами. Василиса задержала дыхание и отложила пейзаж в сторону. Под ним оказался натюрморт с яблоками, написанный в такой же быстрой манере. Знакомой манере. Она уже видела похожие этюды...

– Откуда это?.. – Голос перестал слушаться и сорвался на шепот.

– От таинственного доброжелателя.

– Доброжелателя? – словно во сне повторила Василиса и отложила второй рисунок. На следующем, образуя причудливый узор, вились голые ветки, а среди потемневших от осенних дождей стволов отчетливо выделялось рыжее пятно волос застывшей вдалеке женской фигурки. Неужели? Не мог же и впрямь Митя Муромец прислать свои акварели? Зачем?!

– Он так подписался, но я-то знаю, кто это.

Василиса застыла, ноги будто приросли к брусчатке, все тело сковал мороз.

– Я с ним знакома?

– Нет-нет. – Ирина Станиславовна встревоженно потрепала дочь по плечу. – Почему у тебя такое лицо? Что-то случилось?

– Зачем этот человек прислал рисунки?

– Вот, посмотри, есть письмо. – Она снова порылась в сумке и подала дочке сложенный в несколько раз листок.

Василиса развернула его и впилась глазами в ровные круглые буквы, выдававшие автора гораздо больше, чем акварельные этюды.

«Дорогая Ирина! Примите от меня этот скромный подарок. Думаю, такой ценительнице искусства мои наброски придутся по вкусу, а если не придутся, то вы смело можете продать их на Яблочной ярмарке. Ваш таинственный доброжелатель».

Василиса снова схватила стопку с рисунками и перелистала их все.

– Давай не будем продавать, они такие красивые!

– Самые красивые я оставила дома, – ответила Ирина Станиславовна и забрала акварели из рук дочери. – Остальные продадим – выручка нам сегодня просто необходима. Я уверена, Матвей для того и прислал их.

– Матвей?

– Это мой коллега. – Она внезапно покраснела. – Выдающийся инженер...

– Мам, а с чего ты взяла, что это его рук дело?

– Он... неплохо рисует. И в последнем нашем разговоре он упоминал... говорил, что у меня хороший вкус и что я, наверное, разбираюсь в искусстве...

– Мама, – Василиса улыбнулась, – он за тобой ухаживает?

– Вряд ли, – отмахнулась колдунья и принялась спешно расставлять рисунки на краю прилавка.

* * *

Из окон доносились звуки привязчивой веселой песенки. День начал сменяться вечером, сад Муромцев наполнился горожанами. Но некоторые жители Росеника предпочли остаться на Ярилином торге, хотя тоже получили приглашение. Утром на ярмарку заглянуло несколько знатных семейств, но остальные ждали, когда же дом Муромцев откроет двери: лучшие мастера сегодня представляли свои шедевры именно здесь. Евдокия Рюриковна и Василий Ильич собрали в оркестр нескольких зареченских музыкантов, те играли в просторной беседке, увитой розами. Из Митинога окна виднелась площадка для танцев и фонтан, но он не смотрел в окно и не видел, танцует ли там хоть кто-нибудь. Несколько раз мама пыталась вытащить его на улицу, но он снизошел только до встречи родственников, а все остальное время старался быть подальше от толпы. Митю не покидало ощущение, что все вокруг идет совершенно не так, как должно. Он пытался представить себя вместе с Василисой на ярмарке, но этот образ себя казался ему чужим. Он должен был хотя бы навестить ее семью, но от этого становилось неловко, даже больно. Вдруг сама Василиса тоже на Ярилином торге? Стоит за

прилавком и раздает пирожки? Нет-нет, она говорила, что не придет... а значит, можно было не волноваться, он бы там с ней точно не встретился... Но что за дела ее отвлекли?

Он вспомнил о Боевой магии, о которой теперь только и говорили воспитанники Заречья. Черная Курица явно присматривалась к каждому, словно что-то искала. Рублев передал Анисье, что в Китеже зреет самый настоящий Союз Стихий – состоящий, разумеется, из трех человек. Но тогда для чего Ирвинг решил продолжать поиски? Не проще ли было отправить к ним Водяную колдунью? Но эта мысль Мите тоже не нравилась. Он понимал, что Полина не собственность Заречья, но ощущал беспокойство, едва представлял, что ее отделият от них, и увезут в Зорник, и она станет частью Союза Стихий с совершенно незнакомыми людьми. Это казалось таким же странным, как если бы его разделили с сестрой: они были двумя воплощениями одной и той же силы, и их нельзя было разлучать. И Василиса...

Нет, снова Василиса.

В памяти всплыл давний разговор с отцом, случившийся за час до официальной помолвки. Отец застал его у зеркала, Митя безучастно пялился в отражение на темные круги под глазами и складку между бровей.

– Не выспался? – спросил Василий Ильич.

Отец нарочно бодрился: ему было проще натянуть маску жизнелюбивого шутника, чем говорить серьезно. Правда ли он понял, что в эту ночь Митя не смыкал глаз? Ощущал ли груз огромной ошибки, которую сын то ли совершил, проведя ночь с Василисой Умновой, то ли собирался совершить сегодня, вступив в законные отношения с Долгорукой?

– Это просто условность... – как бы невзначай бросил Василий Ильич.

– Что именно?

– Помолвка... Не воспринимай так близко к сердцу. Я вижу, ты сопротивляешься.

– Естественно! Потому что не хочу участвовать в этой условности.

– Мы все через это проходим, – вздохнул Василий Ильич. – Малютка Марьяна, скорее всего, тоже этому не рада, и сейчас...

– Мне совершенно плевать, что сейчас с Марьяной.

Отец покачал головой и ненадолго замолчал.

– Послушай, – начал он вновь через минуту. – Я знаю, как тебе трудно. Надо об этом поговорить. Ты родился Муромцем, а значит, сразу же получил обязанности, которых нет у других. Мы, Муромцы, Романовы, Велесы, Рублевы, Долгорукие, не просто так держимся особняком. Не зря чтим традиции, которые в глазах иных колдунов устарели. Когда-то мы договорились защищать наше хрупкое сообщество, беречь нашу магию и нести свет. Мы видели, что делают самые сильные человеческие чувства с великими магами, в кого они превращают богов... и мы решили от них отказаться. Мы решили строить семьи на взаимном уважении и уважении к традициям, на доверии между древними родами, чтобы в опасный миг страсть или боль от предательства не заглушили голос древнего обещания. Если ты влюбишься, чувство не должно встать между тобой и твоей будущей семьей. Вы с Марьяной пришли в этот мир, чтобы хранить Светлое сообщество. Чтобы простые колдуны, которые злятся из-за нашей обособленности и богатства, смогли любить друг друга и создавать совершенно другие семьи. Нам же приходится жить с холодными сердцами и охранять их от тьмы. Там, где правит любовь, всегда найдется место боли и разочарованию. Одни пары живут в ладу всю жизнь, другие – нет. И когда любовь одного из супругов проходит, второй вряд ли захочет поддерживать его, оставаться с ним под одной крышей. Но те союзы, что построены на договоре – когда оба сознают свой долг и великую цель – крепкие и нерушимые, и никакие увлечения их не пошатнут.

Тогда это помогло. Слова отца вселили в Митю уверенность, и в празднично украшенный зал он выходил с выражением полного спокойствия на лице. Прошедшая ночь казалась сном. Прекрасным, но все-таки сном – лишь едва уловимая волна будоражащего запаха поднималась от случайного движения, будто Василиса проросла прямо на его коже. Марьяна виделась при-

ятным на вид созданием, переносящим непростые обязанности с гордо поднятой головой. И она как будто вовсе ничем не пахла.

Его настрой хватил примерно на час, а потом все заполнила пустота. Но заветные слова помолвки уже были произнесены, и гости воодушевленно поздравляли его с невестой. Тогда-то и определили дату будущей свадьбы. Митя никому о ней не сказал и был благодарен сестре за то, что она тоже молчала.

Теперь же помочь уже ничто не могло. Вчерашним вечером в Заречье готовились к Яблочной ярмарке, расписывали подносы, украшали корзины и рисовали плакаты, чтобы утром отправиться на помощь своей родне и провести день в праздничной суматохе. Кучка девчонок, сидевших в столовой неподалеку от Мити, спорили, сколько удастся заработать. Присоединившаяся к ним Василиса объяснила, где искать прилавок ее бабушки, и снова сказала, что сама туда не придет.

Что-то изменилось. Пропала легкость в общении, легкость всей обстановки. Он слышал разговор девушек, но не мог повернуться к ним, посмеяться с ними вместе, подмигнуть Василисе и спросить, что она будет делать вместо похода на Ярилин торг. Теперь он знал свой путь, понимал, для чего рожден. Легко представлялось, как он бродит по ярмарке с Анисьей, оставившись поболтать с Василисой, здороваются с ее матерью. Они с Овражкиным ведь могли бы помочь им сделать красивый прилавок и донести все до места. Но реальность оказалась иной, и громкий праздник уже гремел не на Ярилином торге, а в саду Муромцев. Василиса отказалась идти на ярмарку, сославшись на таинственные дела. Дом переполнился людьми. Казалось, что гости съехались со всех уголков страны, хотя Яблочный Спас никогда не был таким уж популярным праздником. Виктор – дворецкий – передал, что Митю искали Полина Феншо и Маргарита Руян, но их вид тотчас же напомнил бы ему о Василисе, поэтому он не вышел из комнаты, чтобы не натолкнуться ни на них, ни на Марьяну.

Митя вдруг понял, что отец был с ним не до конца честен. Союз его родителей строился не только на взаимном договоре. Нет. И если о чувствах матери он не знал, то про отца понимал все предельно отчетливо. Василий Ильич любил жену и, скорее всего, был влюблен в нее еще до свадьбы. Это читалось по его взглядам, по каждому его движению, по реакции на ее слова. В ее присутствии отец становился похожим на огромного нелепого щенка, который бежит за любимой хозяйкой и требует ласки. Если на заседании Вече он казался грозным, серьезным и внушающим трепет, то дома превращался в добродушного и покорного.

Внезапно в коридоре за дверью послышались шаги. Это отвлекло его. До последней секунды он ждал, что шаги прекратятся: человек повернет и направится в обратную сторону, однако кто-то дернул за ручку. И кто это посмел без разрешения и стука заявиться в его комнату? Дверь приоткрылась, впуслав сначала ворох струящихся юбок, а потом и молодую вдову Рубцову целиком.

– Прости, что врываюсь, – произнесла она, заметив негодование на Митином лице.

Муромец вопросительно взглянул на гостью.

– Я видела, как ты улизнул, и сразу поняла, что ты захотел спрятаться. Я не буду тебя тревожить. – Она подошла и села прямо на письменный стол, возле которого он стоял. В ее движениях и тоне было что-то непривычное. – Мне тоже было нужно сбежать. Дай мне десять минут, и я уйду.

Митя кивнул и отвернулся. Присутствие постороннего человека мешало вернуться к размышлениям. Он видел отражение колдуньи в оконном стекле: Рубцова сидела, ссутулив обнаженные плечи, и задумчиво глядела на свои колени, укрытые темными складками ткани.

– Что случилось?

– Не бери в голову. – Она воспрянула и взмахнула ресницами. – Так, небольшие глупости.

– Я могу помочь? – Он попытался выдавить участливую улыбку, но, к счастью, этой неудачной попытки Елена не заметила.

– Нет... Просто не самый радужный период.

– У меня тоже.

– Всем бывает непросто. – Рубцова вдруг протянула руку и погладила его по плечу. – С каждым годом мы только обрастаем обязательствами, но что получаем взамен? Не представляешь, сколько обязательств общество накладывает на женщин! Оно превозносит силу колдуний, но тут же связывает по рукам и ногам. Запутавшись во всех этих традициях и обязанностях, я чувствую себя такой одинокой. Я же еще молода... – Она рассмеялась. – Да, звучит так, будто мне немного за пятьдесят, а я пытаюсь убедить себя, что впереди еще целая жизнь.

– Сколько тебе? Двадцать пять? – спросил Муромец. Он не понял, что именно испортило ей настроение, но вещи, о которых она рассуждала, были отлично ему знакомы.

– Двадцать шесть. В твоём понимании, наверное, уже слишком много, чтобы сидеть тут и страдать? – Она смахнула слезу, едва не скатившуюся по щеке.

– Ты выглядишь не старше меня, – отозвался Митя, внимательно оглядев ее. – Если честно, я даже не задумывался, что у нас есть разница в возрасте.

– Спасибо. Только ты так юн и свободен...

– Это ты свободна! – воскликнул он. – А уж никак не я!

– Это иллюзия. Ах, было бы у меня хотя бы дитя... Ты не можешь себе вообразить, как тоскливо и одиноко живется в моем доме. Знаешь, чего мне не хватает? Простых дружеских объятий. Ты можешь рассчитывать хотя бы на них! А я?

Митя обернулся и заметил, что она сидит совсем близко и светло-карие глаза трогательно блестят слезами, ресницы чуть вздрагивают. Ее руки легонько коснулись его плеч, и он, даже не успев подумать, обнял ее в ответ.

– Ну вот, уже немного лучше. – Она уткнулась лбом ему в грудь. – О Ярило, как же иногда хочется делать все назло этим древним традициям, идти наперекор семьям, заботящимся о богатствах и власти...

Ее слова отзывались у него внутри, он был готов подписаться под каждым. Казалось, он зашел в тупик, вырваться из которого можно было, только оборвав все связи, разрушив все отношения, разметав по камушку все стены.

– Хочется быть свободной. Любить того, кого выбрало сердце... – Она подняла голову и заглянула ему в глаза. От ее волос невинно пахло вербеной, маленькие цветы, вставленные в прическу, делали ее похожей на совсем юных воспитанниц Заречья. – Я разделяю твои страдания. Меня выдали замуж совсем девчонкой. За старика, Митя!

– Разве ты была против? – спросил он, не в силах отвернуться, будто попал под власть неведомых чар.

– Конечно, нет. Рубцов слыл богатым и уважаемым человеком. Я полагала, что так и получаются образцовые семьи, хранящие мир Светлого сообщества. Я свято в это верила, пока не полюбила по-настоящему... другого! Любовь меняет все! Я была замужем, а мое сердце внезапно предало меня. Признаюсь, тот человек тоже был немолод, но он отвечал мне взаимностью. О боги, сколько глупостей я наделала, сколько ошибок совершила из-за этого проклятого чувства!

Митя кивнул, ощущая, как в груди все отчетливее трепещет свободолобивая птица. Жар поднимался, приливал к лицу. Рубцова стояла слишком близко, прижималась слишком тесно, говорила вещи, слишком волновавшие его душу. Она выглядела несчастной и похожей на него самого.

– Но меня ведь можно простить, правда? – растерянно прошептала она. – Я просто хотела любви. Выходя замуж, я и не подозревала, что это чувство приходит так внезапно, никого не спрашивая и не предупреждая. И что оно способно разрушить самый крепкий союз, пойти против самой старой традиции...

Она не договорила.

Митя закрыл глаза и почувствовал прикосновение ее губ. Сопротивляться он не стал. Сердце сбилось с ритма. Кто-то направил его руки, и вот они уже скользили по мягким волосам, украшенным нежными белыми цветами.

* * *

Сева обернулся и увидел Марьяну Долгорукую. Она редко обращалась к нему, но если оказывалась рядом, то неумолимо попадала под чары.

– Ты что-то хотела? – спросил он.

– Я искала Дмитрия... Подумала, может, ты знаешь, где он?

– Успела соскучиться?

– Я... – замялась Марьяна, краснея.

– Я шучу. – Сева улыбнулся.

– Просто... мне надо с ним поговорить. Лучше прямо сейчас.

Что-то в выражении ее лица заставило его поверить. Мало ли что эта кроха хотела сообщить Муромцу? Вдруг это было что-нибудь важное?

– Ладно, раз так, то давай его поищем.

Он взял кусок яблочного пирога, отправил его в рот и направился к стеклянным дверям, которые вели прямо в особняк. Марьяна молча семенила за ним и остановилась на втором этаже у входа в длинный коридор.

– Ты думаешь, он может быть здесь? Что за комнаты на этом этаже?

Сева дернул бровью: неужели она и впрямь не знала, что Митина спальня находится здесь, в отличие от комнат всех остальных членов семьи? Значит, Муромец даже ни разу не приглашал ее сюда... Интересно, он и после свадьбы будет от нее прятаться?

– Хм, – выдал Сева, понимая, что уже слишком затянул с ответом. – У меня есть некоторые догадки. Просто проверим.

Сева уставился на стену с картинами, стараясь Всепроникающим взором пробраться сквозь толстую каменную кладку. Если Муромец внутри, то надо будет... Он резко развернулся, ухватив Марьяну под локоть, так что ей тоже пришлось изменить направление.

– Что? – воскликнула она. – Мы туда больше не идем?

– Нет! – ответил Сева, избегая ее взгляда. Марьяна не знала, что стояли они почти напротив входа в спальню ее жениха и то, что там сейчас происходило, ей видеть точно не требовалось. – Муромца здесь нет.

– Но мне показалось, что оттуда доносятся какие-то звуки...

«Она же Земляная! Порази меня Перун!» – пронеслось у Севы в голове, и он быстрее потянул Марьяну обратно к лестнице.

– Нет-нет, там кто-то другой. Я же вижу сквозь стены, знаешь? Но Муромец, кажется, этажом выше.

– Ты уверен? – растерянно пробормотала Марьяна.

– Иди-ка наверх и поищи его там, а я попробую посмотреть в саду. – На этот раз их глаза встретились, и Сева постарался вложить в свой взгляд как можно больше убедительности. Голос его стал слаще и вкрадчивее. Ну давай же, девчонка, поддавайся!

Марьяна кивнула и бесшумно двинулась по лестнице вверх. Едва она исчезла, Сева бросился к окну, распахнул створки и вылетел вон, обернувшись коршуном.

Порыв печального, уже почти осеннего ветерка скрипнул ставнями, дверь Митиной спальни хлопнула. Из комнаты стремительно вышла молодая вдова Елена Рубцова. Прическа ее выглядела немного растрепанной, тонкие брови сошлись у переносицы, нижняя губа была чуть обиженно поджата.

* * *

Василиса и представить не могла, что их прилавок на ярмарке привлечет столько людей. Покупателей среди них почти не было, зато друзья, которые прогуливались по Ярилиному торгу, остались вместе с Василисиними домочадцами. Первыми появились Полина и Маргарита. И пока Маргарита уплетала пирожки и рассказывала о наставниках в своей ироничной манере – так, что бабушка и тетка Малуша покатывались со смеху, – Полина не сводила глаз с акварелей.

– Это рисовал тот, о ком я думаю? – шепнула она Василисе.

– Я почти уверена, что да.

– Как это вышло?

Василиса вынула из кармана письмо и протянула Полине.

– Это его почерк, верно?

– Да, как-то под Новый год Митя писал мне. Почерк похож!

– Он прислал рисунки под видом неизвестного доброжелателя. Мама думает, это сделал коллега.

– Он даже не догадался изменить почерк? Неосторожно!

– Я говорила, что меня не будет на ярмарке. Наверное, поэтому он не рассчитывал, что я увижу и догадаюсь.

Внезапно за их спинами вырос Алеша Попов. Полина потупилась, отвечая на его приветствие, но Алеша ничего не заметил, потому что бабушка тут же протянула ему поднос с пирожками, которые она, будучи плохим продавцом, раздавала даром. Маргарита оттащила Полину к прилавку Малуши, и, пока они рассматривали скатерти, Алеша пытался всучить бабушке деньги. Чтобы определиться с выбором, Полине и Маргарите пришлось подкидывать потустороннюю монетку, которая все решила за них: Малуша вынула из закровов бумажный конверт и принялась складывать круглую скатерть, вышитую тонкими зелеными веточками. Никого не удивило, когда она тоже замахала руками в ответ на протянутый самоцвет.

– Что вы, девочки! Еще я буду брать деньги с непосвященных воспитанниц! Да откуда у вас камни вообще?

– Я даю уроки французского, – возразила Полина. – У меня есть небольшие накопления.

– А я несколько раз вышивала на заказ, – подхватила Маргарита. – Только Велес не говорит, что мы ведем активную коммерческую деятельность!

Василиса рассмеялась, а Попов, опередив девушек, сунул Малуше самоцвет.

– Это будет мой подарок.

– Так пирожки тоже были для нас? – нашлась Маргарита, снова всех рассмешив.

– Вот уж нет! – ответил Алеша. – Хватит вам и скатерти.

Потом заглянул Арсений Птицын и тоже остался. Иногда подбегала Забава, чтобы узнать, как идут дела с продажами. Как раз сквозь такую большую компанию молодежи и протиснулся незнакомый мужчина, при виде которого Ирина Станиславовна вдруг заволновалась.

– Здравствуйте, Ирочка. Так и думал вас здесь встретить.

– Матвей, какая неожиданность...

Василиса обернулась с горячим любопытством и улыбнулась колдуну в ответ. Ей подумалось, что такие нравятся сразу же: большие, с веселыми смеющимися глазами и движениями как будто слишком робкими для такого высокого роста. Едва заметная проседь на висках и в короткой бороде делала его лицо только интереснее.

– Это мои дочка и мама, – пролепетала Ирина Станиславовна, вдруг показавшаяся Василисе смущенной и неловкой, словно впервые влюбившаяся девчонка.

– Очень приятно! Ну, хорошо сегодня все продается?

- Неплохо, – отозвалась Ирина Станиславовна, странно хихикнув.
- Ой, да они недоговаривают, – тут же встряла Маргарита. – Они раздают пирожки направо и налево, а деньги брать отказываются.
- Вся компания со смехом закивала.
- Ладно, торговцы из нас так себе.
- Зато утром у них купили два этюда, – нашлась Полина. – Это были какие-то родственницы Романовых, поэтому они даже не стали торговаться.
- Могли бы тогда взять пять, а не два, – тут же добавила Маргарита.
- Верно, – подхватил Матвей, – рисунки-то замечательные!
- Правда нравятся? – Василиса хитро взглянула на мать.
- Я с удовольствием приобрету один из них! Это вы рисовали, Василиса? – Он участливо взглянул на девушку.
- Нет, их нарисовал один доброжелатель. – Василиса все смотрела на мать, и выражение лица той стало совсем растерянным. – Я думаю, это мамин поклонник.
- Ирина Станиславовна ойкнула и покраснела.
- Не говори глупостей, Вася! Нет у меня никаких поклонников.
- Вот так всегда. Она отрицает, что у нее есть поклонники. Но ведь она неправа, верно?
- Конечно же, неправа! – охотно поддержал Матвей.

* * *

Митя остановился и бессильно вздохнул: знал же, что как только ступит на улицу, натолкнется на Марьяну.

- А я как раз искала тебя!
- Зачем?

– Там Вещий Олег и Николай Писарев, тот журналист из «Летописи». Они разговаривают в беседке. Я хотела предложить... послушать или, может быть, прервать их разговор. Но теперь к ним присоединился Звездинка, и они ужасно спорят! Ты знаешь, о чем. Ты можешь пойти и поддержать Анатолия! Я уверена, что он готов выступить против их плана!

– Останься тут, ладно? – Не дождавшись ее кивка, Митя быстро зашагал в другой конец сада.

Следом за раздражением накатил стыд. Марьяна не была виновата в том, что их обручили. В таком юном возрасте она умела исполнять роль соратницы: делилась с ним мыслями и планами – так ведь учили отпрысков древних родов? Случись что, можно было не сомневаться, Марьяна Долгорукая будет с ним рядом и поддержит любое решение. И неясно, чем вызвано такое ее отношение: мудрым принятием древних традиций или искренней приязнью? Вдвойне стыдно становилось от того, что он не мог дать ей того же. Даже в самой трудной ситуации он будет – тайно или открыто – опекать и поддерживать другую девушку. И та не станет смотреть на него с благоговением, ее жизнь не будет зависеть от их совместных решений и старых традиций, она не спросит у него совета, ее вообще не будет рядом...

Он снова одернул себя. Впереди показалась увитая цветами беседка, откуда действительно раздавались громкие голоса и ноты ярости отчетливо разливались по округе. Митю заметили: голоса стихли, и колдуны в беседке обернулись.

- Муромец! – раздался вскрик Звездинки, рука его качнулась в приглашающем жесте.

Митя приблизился. Марьяна ошиблась с тем, чью сторону в этом споре он займет, если, конечно, спор действительно касался главного интереса Вещего Олега и Николая Писарева – открытия тайны существования магического сообщества потусторонним. Она полагала, что ее жених благородно поддержит Звездинку и своего тестя, но Митя все еще испытывал приятное волнение, представляя, что однажды маги и потусторонние смогут жить в мире.

– Ты взял в жены мою дочь! Как ты смеешь теперь... – прошипел Звездинка Олегу и перевел взгляд на Писарева. – Эти ваши разговоры доведут вас до темницы в подземельях!

– В моих же подземельях, я надеюсь? – холодно процедил Вещий Олег.

– Если попытаетесь распространить эту идею, я выложу все, что сейчас слышал, Муромцам. – Звездинка победоносно указал на подошедшего Митю.

– Если вы не прекратите им угрожать, я выложу Олегу и Николаю все, что видел своими глазами чуть больше года назад. Этого будет достаточно – для начала, – нашелся Митя.

Звездинка медленно обернулся. Митя ждал его ответа, но тот молчал. Он мог спросить, что Митя имеет в виду, мог заявить, что не понимает, о чем идет речь, но не делал этого.

Николай Писарев же изменился в лице и с интересом глянул на Муромца. Митя как бы невзначай дотронулся до побледневшего шрама на левой руке – тот виднелся из-под рукава. Журналист не упустит такой детали.

– Ты просто не знаешь, что они задумали! – наконец воскликнул Звездинка.

– Я действительно ничего не слышал. – Митя примирительно поднял обе ладони. – Предпочитаю не влезать в разговоры двух уважаемых людей.

Вещий Олег удивленно дернул бровями.

– Ах ты, мерек! – оскалился Звездинка, делая шаг навстречу Мите. – Ты что, с ними заодно?

– Повторю: я ничего не слышал, а потому никак не могу поддерживать людей, если не знаю, о чем они говорили. И я предпочел бы, чтобы вы не стояли ко мне так близко – в вашем присутствии у меня начинает болеть рука. – Митя снова потер шрам.

Интересно, кто донес Звездинке о том, что обсуждали Олег и Писарев? Неужели они сами пригласили его поболтать о потусторонних? Или же Ася, молодая жена Вещего Олега, теперь выдавала отцу секреты своего мужа? Если верить Анисье, она была вполне на это способна!

– Что ты несешь? При чем здесь рука?

– Не помню, чтобы мы когда-либо переходили на «ты», – сказал Митя, развернулся и зашагал обратно к особняку.

Через несколько метров Звездинка все же нагнал его и, проходя мимо, с ехидной улыбкой прошептал:

– Если попытаешь обвинить меня еще хоть раз, я расскажу всем про тебя то, что сломает тебе жизнь. Или ты не знаешь, что у тебя есть маленькая семейная тайна?

На этих словах он обогнал замершего на месте Митю и скрылся за ближайшей лиственницей.

* * *

Сева возвращался в человеческом облике. Скланка с зельем постоянно выскальзывала из птичьих когтей, и он вряд ли уберег бы ее во время перелета до дома Муромцев. Теперь он нес ее в кармане.

Перед воротами он одернул кафтан, стряхнул с плеча перья и вошел. Солнце клонилось к закату, музыкальная группа только-только затила новую песню. Сева старался ни с кем не встречаться взглядом, но искоса высматривал знакомое лицо. На первом этаже особняка спрятались столы с прохладительными напитками, и горожане могли свободно сюда входить. Сева поздоровался с пожилой парой, дружившей с его отцом, налил лимонада и вновь огляделся. Со стены из-под тонкой вуали на него взирала богиня Мара. Над головой она занесла серп. Картина была написана достаточно поздно, художник изобразил обыкновенный серп, ничем не напоминавший тот, что хранился у Маргариты Руян. Богиня смерти выглядела живой, казалось, в следующий миг она сделает шаг и сойдет с полотна прямо в холл. Он перевел взгляд на следующую картину, на которой мелкими аккуратными мазками была выписана юная Лада. За

ней висело изображение птицы Гамаюн. Сева еще некоторое время созерцал картины и наконец заметил темно-синее платье и локон, небрежно выпавший из прически. Елена Рубцова только что спустилась с лестницы и обменялась приветствиями со знакомыми. Сева, стараясь не привлекать внимания, вынул из кармана амагиль и вылил ее содержимое в лимонад.

Елена Рубцова стояла к нему спиной, но обернулась раньше, чем он успел приблизиться. Очаровать ее оказалось легко: она была растрожена и оттого уязвима перед любым влиянием.

– О, Сева! Какая приятная встреча! Сегодня я вас видела, но мельком и вдалеке. Не было случая поздороваться.

– Как жаль! Вы бы осчастливили меня намного раньше.

Она кокетливо рассмеялась.

– Я принес вам лимонад. – Сева сам слышал, как его голос наполняется медом и тягучей тьмой, но не пытался себя остановить.

– Спасибо. Но на сегодня с меня хватит.

– О нет, вы должны попробовать. Он сделан по старинному рецепту нашей семьи.

– Правда? – Елена Рубцова с любопытством взглянула на протянутый бокал.

– По линии матери, – добавил Сева, зная, что сплетни и скабрзные подробности, которыми обросла история любви его родителей, уничтожат последнюю волю его жертвы.

Рубцова тотчас приняла бокал и сделал глоток.

– Вкусно! И очень необычно, – согласилась она, допив все до конца. – Знаете, есть такой интересный привкус... Будто...

– Да, будто вы оказались в жаркой Греции на берегу моря.

– Это именно то, что я хотела сказать!

* * *

Анисья пошла в дом за платком. Ветер вдруг стал холодным, словно это был первый привет осени. Она обогнула особняк, даже не представляя, что возле этих стен сегодня уже не раз разгорались споры, поэтому когда она услышала злые, но намеренно приглушенные голоса, то замедлила шаг. Голос принадлежал Асе Звездинке! С кем это она умудрилась повздорить прямо в разгар Яблочного Спаса?

Анисья прокралась вдоль стриженных фигурных кустов. Сквозь листву она увидела Анатолия Звездинку и его дочь.

– Я против, чтобы ты жила с ним, – донесся голос Анатолия.

– Поздно уже об этом думать, – ответила Ася гораздо громче, ее усмешка отчетливо застыла в воздухе.

– Мы можем расторгнуть брак! То, что он замышляет...

– Ничего он не замышляет. Если у него и есть какие-то смелые идеи, он никогда не пойдет на то, чтобы навредить нам.

– Так ты знала? Ты знала о его планах и ничего мне не сказала?

– Нет у него никаких планов, – возразила Ася. – И потом, это теперь мое дело. Если ты не помнишь, он мой муж.

Анисья удивленно подняла бровь – она не ожидала от Аси такого благоразумия. Несмотря на то что и Митя с Севой, и она сама еще не списали со счетов Вещего Олега и даже подозревали его в нападении на Маргаритину бабушку, пришлось признать, что Ася повела себя мудро. Она согласилась на брак с Вещим Олегом, а значит, теперь они должны были защищать и поддерживать друг друга, что бы ни происходило. Они это пообещали.

– Ты будешь следить за ним и докладывать мне обо всем, что он...

– Ах, Ася, вот ты где! – Анисья раздвинула листву и вышла на лужайку возле беседки. Анатолий Звездинка обернулся и отступил.

– Что? – переспросила Ася.

– Я тебя искала, – повторила Анисья, едва удержавшись, чтобы не закатить глаза от Асиной несообразительности. – Надо поговорить.

Она протянула руки в дружелюбном приглашающем жесте, и Ася наконец догадалась, в чем дело. Она охотно пошла к Анисье, оставив отца без ответа, и обе колдуньи рука об руку направились к застекленной террасе. Со стороны и впрямь могло показаться, будто встретились две лучшие подруги, которые успели соскучиться друг по другу за четверть часа разлуки. Только у самого крыльца Анисья нарушила тяжелое молчание и отпустила Асину руку.

– Ты молодец, – сказала она.

– Я просто делаю, что должна. – Ася пожалала плечами. – Олег лично мне не враг.

– А твой отец?

– Мой отец? – ощерилась Звездинка. – Конечно, нет! К чему ты клонишь?

– Ни к чему. Но меня возмутило, что он так настойчиво требовал от тебя... в общем...

– Он бывает несдержан, – ответила Ася, пристально глядя на Анисью, будто ожидая подвоха. – А тебе надо отучиться подслушивать.

– Ну... – Анисья развела руками. – Ладно. Кстати, хорошо выглядишь.

– Ты тоже, – усмехнулась Звездинка и пощупала ткань Анисьиного платья.

– О, не притворяйся. Ты же так не думаешь!

– Так не думают только слепые. – Ася ответила почти равнодушно и снова пожалала плечами. – Даже если ты мне не нравишься, я все равно вижу, что ты красивая. Ладно. Спасибо, что выручила. Пойду поищу Олега, пока не случилось чего-нибудь непоправимого.

Анисья выдавила из себя улыбку и вошла в дом. Ею потихоньку завладевало любопытство – о каких планах Вещего Олега говорил Анатолий Звездинка? Что Олег замышлял? И могло ли это быть связано с Маргаритиным серпом?

* * *

– Муромец! – Сева схватил друга за локоть и поволок в сторону.

– Где ты был, Овражкин? Я тебя обыскался!

– Обыскался? До того, как развлекался с Рубцовой, или после?

Митя уставился на друга.

– Не надо так на меня смотреть. Марьяна тебя потеряла, и во время поисков мы едва не вломились в твою комнату, благо, что стены на этом этаже не защищены от Всепроникающего взора!

Митя еле слышно чертыхнулся.

– Ты что вообще делаешь, Муромец?! Чем она тебя опоила?

– Рубцова? Ничем. Но вообще... она сама все это начала.

– Надеюсь, ты осознаешь, что она хитрит? Может, конечно, ты ей и нравишься... Но ведь она затеяла претворить в жизнь свой план!

– План?

– Да, тот, о котором сама тебе рассказала. Обзавестись ребенком от какого-нибудь богатого наследника. Как ловко, правда? Заодно избавит беденького Муромца от Долгорукой. Что, удивлен? Но можешь не волноваться, ее план не работает.

– Конечно, не работает. Говорю же, что ничего не было. Мы с ней просто поцеловались, а потом...

Митя вспомнил, как перед внутренним взором замелькали рыжие блики. Пальцы нащупали маленькое ушко, курносый нос, мешая бесконечному поцелую, пробежались по пухлым губам. Подбородок, тонкая шея, мягкие обнаженные плечи, усыпанные золотистыми веснушками, чуть выступающая ключица... Колдунья пыталась расстегнуть его кафтан. Он открыл

глаза, чтобы помочь ей, и замер, изумленно глядя на девушку, которую сжимал в объятиях. У нее не было рыжих волос, а плечи вовсе не были зацелованы солнцем.

– В общем, у меня случилось какое-то затмение. Но когда я понял, что передо мной Рубцова, а не... в общем, я словно очнулся. Пришлось тут же ее выпроводить.

* * *

Вечер застал Анисью, Митю и Севу на крыше особняка. Они примостились между двумя маковками терема и глядели вниз на движущиеся по саду фигурки. Продавцы медленно сворачивали торговлю и снимали с прилавков украшения, гости еще допивали яблочные наливки и лимонады, но толпа заметно поредела. На крыльцо вышел Виктор: он раздал указания нанятым работникам, и между припозднившимися гостями тут же засновали ребята с подносами, стульями и графинами.

Друзья молчали, вдоволь наговорившись о событиях прошедшего дня. Анисья рассказала о подслушанном разговоре Аси с отцом, Митя же наконец признался, о чем беседуют Вещий Олег и Николай Писарев.

– Почему сегодня ты так печален? – спросила Анисья, заметив, что Митин взгляд даже на мгновение не останавливается на маленькой фигурке невесты, будто среди розовых кустов внизу ходит не она, а совершенно посторонняя девица. – Из-за того, что Звездинка намекал на тайну, которую якобы о тебе знает? Или из-за чего-то другого?

– Я целовался с Рубцовой, но вместо нее представлял Василису, – ответил Митя, и Анисья недоверчиво повернулась к нему, на миг онемев от изумления. Митина откровенность оказалась неожиданной. Даже в детстве, когда она случайно заставала его с какой-нибудь знакомой девчонкой за невинным полудетским поцелуем, он отнекивался и дразнил ее, уверяя, что она все придумала. Личная жизнь Мити всегда оставалась недоступной для обсуждения. Анисья толком не знала, какие на самом деле отношения были у него с Марьяной – говорили ли они об их совместном будущем? Признавались ли в чем-то друг другу?

– С... Рубцовой? – только и смогла пробормотать она. – Но с чего это?

Митя с Севой переглянулись.

– Случайно вышло. Да это и не суть истории.

– Я понимаю, но... – Она снова поглядела на сад, расцвеченный огоньками. Сердце в груди не унималось. Да, наверное, Митя должен был грустить из-за Василисы. Это было, пожалуй, логично. Но при чем тут Рубцова? Она поджала губы и крепче обхватила колени. Она, разумеется, замечала, что Елена заигрывает с ее братом – но то была обычная манера молодой вдовы. Она общалась так со всеми привлекательными мужчинами, и сложно было представить, что это общение могло вылиться во что-то большее. Интересно, все ли Митя рассказал? Действительно ли они только целовались?

– Недавно Марго спрашивала меня, – наконец выдавила Анисья, – могут ли маги из высшего света, заключив брак, открыто заводить любовников и любовниц.

Митя и Сева промолчали, будто чувствовали в вопросе подвох.

– Точнее... – продолжила Анисья. – Она спросила не так. Прямее, конечно, это же Маргарита. – Она усмехнулась своей неудачной попытке скрыть часть правды. – Она спросила, почему Митя не может жениться на Долгорукой, но продолжать отношения с Василисой.

– И что ты ответила? – без выражения спросил ее брат.

– Что в теории это возможно. Но ведь это не способствовало бы укреплению вашей с Марьяной семьи. Да, иногда в нашем обществе люди заводят любовников...

– Иногда? – перебил ее Сева с язвительным смешком.

Анисье вдруг некстати вспомнилось, как Стася Романова именно Севе прочила роль чьего-нибудь любовника, потому как на брак с богатой девицей он рассчитывать не мог.

– Ну, те маги, что не обретают в браке любовь... – попыталась объяснить она.

– Примерно так, – встрял Митя, но тон его все еще был каким-то пустым и равнодушным. – С Василисой это... невозможно. И я больше не хочу это обсуждать.

– Я понимаю! – Анисья робко погладила его по спине. – Я знаю, как это тяжело – остаться с чувствами, которые нельзя показывать...

На этот раз чрезмерной оказалась ее собственная откровенность. Она как-то разом осознала, что оба ее собеседника поняли намек. До ее плеча дотронулся Сева. Она не обернулась: от этого теплого дружеского прикосновения стало только хуже.

Она уже давно не мечтала о нем. Не представляла их свадьбу, на которой все, несомненно, были бы счастливы – и она, и жених, и ее брат, радовавшийся союзу любимой сестры и лучшего друга. Эта картинка из ее наивных детских фантазий успела сильно померкнуть. Она устала ждать, что он обратит на нее внимание, скажет ей о своей любви, теперь она задавала все больше вопросов самой себе: почему она первая с ним не поговорила? Почему ограничивалась только таинственными намеками, не спрашивала прямо, не пыталась рассказать о своих чувствах как-то иначе? Почему она предпочла отдать всю инициативу ему и страдала от того, что ничего не происходит?

Если верить Велес, эти вопросы были заданы не до конца верно, иначе почему ни на один из них она не получила четкого ответа?

Глава четвертая

Хранитель

Сменилось две лунные четверти, и за это время жители Заречья успели привыкнуть к Боевой магии. Для Полины она ничем не отличалась от обычных встреч с Дарьей Сергеевной, поэтому совсем скоро наставница решила снова присоединить ее к группе Воздушных. На первую такую встречу Полина опоздала и, когда пробралась на поляну, увидела, что воспитанники Лисы повисли в воздухе чуть выше земли. Они безмолвно парили на фоне алеющего неба.

От удивления она открыла рот и тут же подавилась залетевшим в него комаром. В этот миг Светослав Рябинин свалился на землю, и между парившими ребятами пробежали смешки.

Первую половину практики Полина проводила в физических упражнениях. Она замирала в разных позах, чувствуя движение энергии по телу. Меняя положение, она ощущала силу Воды, которая стремилась к ней отовсюду, и дребезжащий фон Воздушной магии. Это было еще одним шагом навстречу коммуникативному колдовству: позволить Воде слиться с Воздухом, объединить потенциал, направить свою силу на чужую ворожбу. И раз за разом у нее не получалось, все нутро сопротивлялось такому союзу. Но она не сдавалась. И подопечные Лисы старались ей помочь. Полина удивилась, когда однажды к ней подошла Вера Синеглазка и предложила вместе поработать над заклинанием.

В начале осени Черная Курица объявила о совместных тренировках для всех стихий.

– У меня от страха сводит колени, – пожаловалась Маргарита. – Хорошо, что нас хотя бы не объединили с посвященными. Представляю, какое мы жалкое зрелище по сравнению с ними.

– Рано радоваться... Общая встреча через несколько дней. Вряд ли мы успеем натренироваться, – отозвалась Полина и мрачно добавила: – Моя сила требует времени, сосредоточения и близости воды. Для боевого колдовства это самые бестолковые требования.

– Да брось, неужели никакой Старообрядец не войдет в твое положение, когда ты скажешь ему во время битвы: «Не могли бы мы перенести наше сражение к реке и отложить его на четверть часа? И, пожалуйста, не болтайте, мне надо сконцентрироваться».

Но этой встречи подруги боялись зря. Три часа воспитанники просто тренировались в создании щита по команде, но и это удалось каждому.

Полина, работая над своей чуть видимой в солнечных лучах броней, постоянно хваталась за успокаивающую мысль: коммуникативной магии на этих встречах от нее не ждут. Она могла оставаться наедине с собой и не думать о проклятии постоянно. Может быть, Митя ошибся, и Черная Курица не собиралась искать Союз Стихий? Но тогда зачем некоторых хотят отправить в Китеж и Дивноморье, а магов оттуда привезти в Заречье?

Через неделю приступили к отработке Физического щита. Полина с интересом наблюдала, как перед Анисьей взмывали вверх подножные камни – сразу несколько штук. От взмаха Василисиных рук в траве начинало что-то шевелиться, а Маргарита по щелчку создавала целую полосу огня.

– Не нужно жечь траву, – раздавал рекомендации Звягинов. – Ваша магия не должна причинять природе вред.

– Но как же нам создать огонь? Ведь нужно поджечь что-нибудь! – донеслись возражения Емели. – На нашей поляне мы ведь все сжигаем!

– Раз, два, три – щит! – крикнул Вещий Олег, в группе которого Полина сегодня тренировалась.

Щит вышел слабым: такой не смог бы отразить сложную магическую и тем более физическую атаку... Но от чего-то же он помогал? Она зажмурилась, отгоняя воспоминания о

доме Берендея. Тогда ее щит отвел два заклинания, брошенных стариком-наставником, и вазу, летевшую по команде Шелогии. Но противники к тому времени уже ослабли – один колдовал, корчась от кипятка, а вторая бултыхалась в холодной воде фонтана, пытаясь выкарабкаться на бортик. Однако простое Оцепенение, сотворенное Лисой, несколько раз пробивало ее щит. И что уж говорить об атаках Темных магов, пытавшихся выжать из нее хоть какое-то колдовство? От них не спасала даже ее природная защита. Они надеялись, что боль заставит ее раскрыться, но у Полины не хватало сил сопротивляться, поэтому она сразу теряла сознание.

Сейчас это казалось дурным сном, который надо было поскорее забыть.

На следующей встрече воспитанников разделили. Одни тренировались над щитом, вторые атаковали, а потом все менялись местами. Маргарите в противники достался Святослав, но она все поглядывала на единственного потустороннего новичка, отчаянно пытавшегося выжать из себя хоть что-то, – ей стало его жаль.

Это же надо – попасть в Заречье в самый разгар такой заварушки, когда все настолько заняты обострившейся ситуацией в Тридесятном государстве, что до потустороннего мальчишки никому нет дела!

Она пропустила атаку Светослава и не успела сотворить щит. Воздушное колдовство ударило ее прямо в грудь. По ощущениям это было похоже на Отбрасывание, но она осталась стоять на ногах, согнувшись от внезапной холодной боли.

– Ты мог предупредить, что мы уже начали? – прошипела она сквозь зубы.

– Враг никогда не предупреждает, – самодовольно ответил Светослав и хотел добавить что-то еще, но не успел, потому что внутри нее вспыхнула ярость и она метнула в его сторону самый настоящий огненный шар.

Светослав едва успел опомниться и сплести щит. Но его щит не был Физическим – это Маргарита успела заметить еще на прошлой встрече: Рябинину не давалась Физическая магия, а языки пламени, которые она наколдовала, вышли совершенно настоящими – простой щит не смог бы от них спасти.

Светослав закрыл руками лицо, рукава его рубашки вспыхнули.

– Ох, барышня, поаккуратнее! – В тот же миг Звягинов оказался рядом, и по щелчку его пальцев огонь унялся.

– Но враги не думают об аккуратности, – возразила она, в упор глядя на Светослава. – Правда ведь?

– В этом вы определенно правы. Но все же постарайтесь не калечить приятелей. Не все еще научились обороняться, – добродушно похлопал ее по плечу наставник. – Мы же не зря с вами тренировались.

– Как ты сделала такой шар?! – Едва Звягинов отошел, к Маргарите подскочили Миша и Фадей. – Это выглядело круто! Кто тебя научил?

– Никто не учил, – пожала плечами Маргарита. – Вышло как-то само собой.

– Я про такое читала, – встряла Оля, озабоченно разглядывая руки Светослава. По ее язвительному тону было ясно, что она обижена на Маргариту и вместе с тем сожалеет, что сама не владеет подобным колдовством. – Это происходит, когда Огненный маг не умеет контролировать свою силу. Тогда он может случайно поджечь что-нибудь или вместо привычного колдовства выкинуть вот такой фокус! Как Маливиничок, помните?

Маргарита приготовилась съязвить, но вспомнила, что и впрямь подожгла ковер одним лишь взглядом несколько лет назад. А потом, на встрече со Странником, растратила все силы зараз...

– У Маргариты такая силища, что ее непросто контролировать! – вступился Фадей.

Вдалеке, за плечом Фадея, с травы поднимался перепуганный потусторонний паренек.

– Практикуйтесь без меня, – бросила она Огненным и направилась к этому потустороннему.

– Обиделась, что ли? – со смехом воскликнула Оля ей вслед.

Когда наставники разрешили всем разойтись, стало ясно, что Полина осталась недовольна собственными результатами.

– Я не понимаю, как... и чем атаковать, – устало говорила она.

– Но ты же владеешь Отбрасыванием, – подсказала Анисья.

– Да, и поэтому все три часа я только и делала, что пыталась кого-нибудь «отбросить».

Но это колдовство может обезвредить противника только в одном случае – если я превосхожу его по силе. Я знаю, как лишит силы Воздушного, который решит влезть в мои мысли, но ты попробуй найди такого дурачка в Заречье. Еще мне придает сил близость воды, но на этой поляне нет даже самой противной лужи.

– Может, попробовать техники, которые приписывают другим стихиям? – заметила Василиса.

– Я пробовала кое-что из Огненного, но бесполезно. Не знаю даже, как к этому подступиться... Мало ведь прочесть наговор или встать в правильную позу. Эта энергия ко мне не идет. Вот как можно создать прямо из воздуха Огненный шар, а, Марго?

– О, не спрашивай! У меня все происходит само собой, раньше, чем я успеваю об этом подумать и иногда – остановиться. – Маргарита подняла руки, словно сдаваясь. – Хотела бы я знать, как это работает, но огонь возникает быстрее, чем я успеваю моргнуть. Оля называет это «неконтролируемой силой».

– И как она могла прожить здесь столько времени и до сих пор не избавиться от зависти? – пожала плечами Анисья. – Нравится Маргаритина сила? Тренируйся и развивай такую же!

– Так может, она ей не нравится? – улыбнулась Полина.

– Вздор! Когда человеку что-то не нравится, он старается поскорее с этим расстаться. И уж точно не уделяет этому столько внимания, сколько уделяет Оля.

* * *

Ночь была синяя-синяя, и воздух словно состоял из кристалликов льда. Днем еще стояла жара, солнце золотило листья, но осень все равно знала, что пришел ее черед, и кралась ночными тропами. Выследить ее было просто: по холодному прозрачному туману, паутиной застрявшему в ветвях, по сырому грибному запаху, по дорожке багряных листьев.

Полина шла к реке. В ботинках выше щиколоток, плотных чулках под платьем и в двух кофтах. Осень, конечно, пыталась прятаться за деревьями, но разве настоящую колдунью можно обмануть? Тропинка скоро вывела к нехоженому берегу Нищенки, где лохматые травы и стебли полыни образовывали стену.

Полина заснула около восьми вечера и поднялась в полночь, чтобы отправиться на практику к реке. Ей требовалось побыть наедине со своим колдовством, услышать его и попробовать научиться еще хоть чему-то. В последнее время она чувствовала себя бессильной: не умела атаковать, не могла придумать, как это сделать. Или же просто не хотела?

Она остановилась и поежилась. Заходить в реку она не собиралась, но находиться все равно предстояло рядом с водой. Она нашла пяточок поудобнее, закрыла глаза, дыхание ее замедлилось, выровнялось. Облака открыли кусочек далекой луны, лес притих, и только где-то в глубине его похрустывало, будто кто-то осторожно пробирался меж стволов.

Полина подняла руки. Сила – странная, невесомая, но притом чуть осязаемая – копилась и над поверхностью реки, и во всем мире вокруг. Надо было только уметь найти ее. Полина мысленно потянула. Ей казалось, будто распутывается невидимый клубок, липкие нити тянутся прямо из сырого воздуха. Рядом вспыхнула еще одна нить, и еще... Она тянула силу из головок закрытых цветов, снимала с ветвей туманные клочки. Все вокруг было напол-

нено чем-то, чего не видел обычный человеческий глаз. Через четверть часа между пальцев возник пульсирующий шарик.

– Что делать? – спросила она, обращаясь то ли к реке, то ли к осени.

Она замахнулась и пульнула сгустком энергии наугад. Шарик подлетел к дереву, распался на части и обогнул ствол. Эта сила вела себя точно так же, как и вода. Удар от столкновения с ней хоть и был ощутим, но не мог сойти за полноценную атаку. Вода обволакивала, огибала препятствие. Так действовало и Полинино колдовство.

Она снова поводила руками над бутонами прибрежных цветов и сформировала еще один шарик, на этот раз состоящий из настоящей воды. Пальцы ее продолжали быстро двигаться, легко постукивая по воздуху, и шарик под ними крутился и держал форму.

Полине уже давно удавалось соединить воду и ту силу, которую она стягивала отовсюду. Сила была похожа на водяную тень и оттого хорошо липла к самой воде. Она позволяла нагреть воду или остудить, добавить ей скорости в полете или поднять волну в реке. Волна могла сбить человека с ног, могла утянуть его в водоворот, могла сковать движения. Но этого всего не сделать было без воды.

Полина направила шарик в реку. Бултыхнуло, во все стороны полетели брызги. В тот же миг из воды высунулись два мерека, а у самого берега блеснула хвостом любопытная морянка. Она выскользнула на поверхность и уперла острые локотки в мокрый песок.

Полина привыкла к постоянному присутствию нечисти. Как только она начинала воздействовать на реку, русалки, болотняники и черти вылезали из укрытий. В коряжистых зарослях мелькали их глаза, под водой проносились серебристые хвосты.

Заметив зрителей, Полина сплела нити силы и взмахнула рукой. По реке побежала вереница волн, и чешуйчатый хвост морянки заколыхался. Морянка зашипела и юркнула в глубину, но в следующий миг появилась снова, показав над поверхностью только высокий лоб да темные глаза.

– Нужно добыть воду из земли. Поднять грунтовые воды, – напомнила себе Полина и присела, прижав ладони к траве.

Она уже умела это делать, но приходилось вновь и вновь тренироваться. Пока что уходило слишком много времени, хоть с концентрацией внимания она справлялась намного лучше, чем раньше. Иногда даже придумывала себе испытания и представляла, что кто-то за ней наблюдает. Раньше это сбивало, сейчас лишь проскальзывало малозначащей мыслью.

– Лиса, – перебирала она, воссоздавая в голове образ наставницы с ее пытливым взглядом. Ничего не менялось. – Синеглазка. Светослав. Оля. Ася Звездинка.

Луч внимания оставался прикованным к тому, что творилось под землей, и к призрачной тени реки, которая просачивалась прямо сквозь песок.

– Заиграй-Овражкин, – назвала Полина. Ладони чуть дрогнули, но колдовство не прервалось.

Полина выдохнула и открыла глаза: между ладоней бежал ручеек. Мереки снова подплыли к берегу и заинтересованно прислушивались к журчанию. Она обернулась, посмотрела туманными глазами на речных чертей. Те, кряхтя и хлопая, выползали на сушу и потянулись когтистыми лапами к ручейку.

– А ну, брысь! – строго приказала она.

Мереки бросились к реке и бесшумно нырнули в воду.

В это мгновение в избушке под номером десять резко проснулся и сел на кровати Сева. Ему приснилось что-то ужасное, но он совершенно не мог вспомнить, что именно.

* * *

Маргарита не могла поверить, что уже утро. Казалось, ночь только началась: вот Полина поднимается с кровати за минуту до полуночи и бесшумно выходит из дома, вот она сама остается одна в крошечной темноте, и перед глазами всплывает записка от Странника. Вроде только она придумала, что написала бы ему в ответ – если бы могла, – но в глаза уже бьет солнце.

Полина спала, из-под полога высовывалась ее бледная рука. За окном плыли облака, похожие на тонкий сизый плащ, а на ближайшем дереве не хватало листьев.

Маргарита нашарила под подушкой записку и перечитала, все еще пытаясь отыскать тайный смысл: сердечный привет или намек. Но письма официальнее вообразить было трудно, и это мучило. Вчера она представила, что отвечает: «Спасибо». Не могла же она передать в письме всего того, что творилось в ее душе?! Не могла же спросить, почему он не написал ей чего-то более личного, более важного? Не могла же признаться, что все лето прокручивала в голове их последнюю встречу? Ах да, она ничего не могла написать. Даже «спасибо». Ведь не существовало почты для отправки писем неизвестно куда. Оставалось надеяться, что когда-нибудь наставник сумеет передать ей еще одну записку... И, может быть, она будет чуть более теплой.

* * *

Общая Боевая магия была назначена на третий день растущей луны. Каждому разрешили взять с собой по одному предмету-оберегу. Можно было оставить на себе родовые талисманы, а непосвященным – позвать волшебного помощника. Но у Полины и Маргариты не было ни первого, ни второго, ни третьего.

Перед Боевой магией подруги встречались все на том же перекрестке, который облюбовали еще в самые первые дни знакомства. Маргарита и Полина сжимали в руках по гладкой ветвистой палочке. Они нашли их в лесу и потратили почти всю ночь на то, чтобы самостоятельно зарядить на защиту от Земляной магии. Как именно палочки смогут им помочь, они не представляли. Но такой способ колдовства действительно существовал – Полина вычитала о нем еще давно, в книге, которую давала ей Лиса. Маргарита же еще надеялась на свой серп. Кто знает, может, в момент опасности на рукоятке вспыхнут таинственные красные знаки и оружие оживет, запульсирует колдовской силой, и та полетится от холодного лезвия к пальцам?

– Интересно, что раздобыли Вася с Анисьей? – спросила Полина. – Вася упоминала о зеркальце, которое давно пылится у них дома.

– Да, это сломанный артефакт. – Маргарита кивнула. – И не слишком ценный, раз Ирина Станиславовна смогла забрать его с работы домой.

– Анисья же наверняка отыскала в сокровищнице какой-нибудь кристалл, который... – Полина улыбнулась, придумывая ему подходящее свойство.

– Который защищает сразу от всех стихий! – подсказала Маргарита.

Ее смех оборвался: на перекрестке уже стояли Василиса и Анисья, и Анисьин внешний вид заставил обеих подруг удивленно замолчать. Она была одета в темный обтягивающий костюм.

– Признавайся, этот наряд защищает от силы мужского разума? – спросила Маргарита упавшим голосом. – Ты так оделась, чтобы они все не смогли колдовать и только смотрели на тебя?

– Что? – спросила Анисья.

– Я надеюсь, нас распределят в одну команду, – поддержала шутку Полина. – Тогда всех парней можно сразу считать побежденными, останется только отбиться от твоих завистниц...

– Эта ткань защищает от огня! Я подумала, что ожоги мне сегодня точно не нужны. На моей коже они плохо заживают.

– Аха, ну конечно! – отозвалась Маргарита.

Подруги продолжали шутить, не обращая внимания на отставшую на полшага Василису, которая пыталась смеяться впопад, хотя мысли ее были совершенно безрадостны. Она снова сравнивала себя с ними и приходила к неутешительному выводу, что Боевая магия лишь подчеркнет разницу. Если Черной Курице удастся собрать Союз Стихий, то Полина точно окажется в нем. Судьба сделала ее значимой и ценной, наделив редкой магией. За это Полине приходилось страдать, но от истинного положения вещей никуда не деться: она единственная Водяная, за нее борются Светлые и Темные, и ее имя не сходит с уст. Маргарита – возможно, единственная, кто умеет колдовать с ней вместе. Впрочем, это ведь не удивительно! Никто из подруг не сомневался, что Маргарита не простой потомок Мары. А значит, рано или поздно серп оживет и наполнит хозяйку великой силой. Третьей в Союзе Стихий будет Анисья – в этом не сомневалась уже сама Василиса. Не зря ведь совпало, что Каменная ведьма оказалась ровесницей и подругой Водяной...

Здесь черед доходил до самой Василисы и ее совершенно обыкновенной силы. И нет у нее ни великих предков, ни древней фамилии, ни сокровищ, ни твердого характера. Она восхищалась подругами и в трудные минуты сопереживала им. Знала, что каждому в жизни отведено особое место, которое позволит усвоить нужные уроки и закалить душу. Но все же иногда отчаянно желала не выглядеть такой посредственной на их фоне. Пусть бы на ее долю выпал подвиг. Пусть бы она могла кого-нибудь спасти или сделать что-то трудное. Деревья в лесу – ее любимые деревья – стояли спокойно и торжественно, не рвались к славе, не хотели быть значимее своих соседей. И ей нравилась их глубокая мудрость. Но мир людей был устроен иначе. И возвращаясь к своим прекрасным подружкам, она лишь чувствовала, как все яркое проходит мимо нее, утекает сквозь пальцы, оставляя ей только тихую жизнь в Небывалом тупике.

Девушки прошли под аркой из ветвей и очутились на поляне, переполненной людьми. Воспитанники галдели, тут и там что-то взрывалось, вспыхивал разноцветный свет, волшебные помощники носились друг за другом с шипением, лаем и криками. Сквозь толпу пробирались Митя и Сева.

Полина заметила еще четыре плаща и две куртки с длинным рукавом из ткани, похожей на ткань Анисьиного костюма, пару десятков обручей на головах, всевозможные посохи, свечи и обрядовые ножи. Ей стало не по себе. Воды рядом не было, и она до сих пор не решила, какое колдовство будет использовать для атак. Ее щит выдерживал не все атаки, так что она готовилась к ссадинам и ушибам. Конечно, Жаба быстро это залечит, но сначала предстоит встретиться с болью, а боль – даже самая незначительная – неумолимо напоминала о проклятии.

По всей поляне были расставлены столы, на каждом из которых лежал предмет. Полина покрутила в руках деревянный кругляшок, разделявший стол на две половины. Маргарита встала с другой стороны, а Вещий Олег как раз предложил разбиться на пары – выбрав в партнеры представителя другой стихии.

За столом поблизости показались Сева и Митя. Маргарита несколько дней назад поделилась с Полиной догадкой о том, что если Черная Курица и впрямь задумала собирать союз, то Муромец и Заиграй-Овражкин имеют все шансы в него попасть. С одной стороны, это казалось логичным и было даже странно, что ни самой Полине, ни парням не приходило в голову попробовать колдовать вместе. Но с другой стороны, что-то подсказывало, что все не так просто и Союз Стихий не получается из двух хорошо работающих вместе пар, даже если все четверо – друзья. «Приятели», – поправила себя Полина, подумав о Севе. Однако сейчас Митя и Сева явно неспроста заняли место неподалеку от них.

– Стихии напарников должны отличаться. – Фея ходила между рядами, раздавая указания. – Постарайтесь поработать сегодня со всеми стихиями. Разумеется, с Водяной получится потренироваться не у каждого...

– Первая практика! – возник рядом Вещий Олег. – Перед вами предметы из дерева, стекла, камня и глины или воска. Один из вас силой магии отрывает предмет от стола. Подключается второй и помогает при помощи своей стихии. Первый лишь удерживает предмет в воздухе, второй – тянет его вверх. После поменяйтесь. В конце концов вы должны вместе поднять предмет.

Для Севы с Митей это упражнение было слишком легким, и они выполнили его без потери сил. Тот вид магии, которым владел Муромец, казался Севе чуть ли не родным. Иногда он просил друга помочь ему в работе над очередным целительским обрядом. Муромец легко расставался с силой и быстро восстанавливался. Его магия наполняла колдовство незримой плотностью, делала его почти вещественным.

Вещий Олег одобрительно кивнул Василисе и Арсению и предложил им поменяться напарниками. Он посоветовал то же самое и Мите с Севой. Маргарита позвала Муромца за свой стол. Сева обернулся, ожидая совместной работы с Водяной, но Полина уже исчезла в толпе. Если она продолжит двигаться в том направлении, меняя напарников, то до него сегодня уже не успеет добраться. Эта мысль почему-то неприятно царапнула.

Василиса осмотрелась. Сева кивнул ей, подзывая за свой стол.

– У тебя получилось с Арсением?

– Да, поверить не могу! – воскликнула Василиса, и щеки ее зарделись. Сева никогда не замечал такого живого блеска в ее глазах. – Он чуть поднял свечу, но держал невысоко, а я настроилась на его поток и смогла присоединиться... Получается, я подтолкнула ее сама! Правда, потом долго не могла заставить свечу взлететь... Мы попробуем так же?

– Хорошо. – Сева пожал плечами. – Только дай пару минут, чтобы настроиться.

Она положила ладони на стол, он накрыл ее руки своими. Слышались голоса, но вскоре все утихло, как если бы Сева погрузился под землю. Мир затихал и удалялся. Перед глазами посветлело. Сознание легко погружалось в пучины незнакомой магии, и это путешествие оказалось таким приятным, как если бы вокруг зашелестел приветливый лес. Как если бы море ластилось к босым ступням и мама проводила рукой по его волосам. Он словно плыл по ласковым волнам времени. Иным видом зрения он увидел, как его тяжелая, похожая на щупальца магия сплетается с древесными корнями, но не причиняет вреда. Эти корни не отличали силу черной крови от других сил. Они принимали все, что встречали.

Туманной тенью мелькнули очертания ложки на столе.

«Ах да», – напомнил себе Сева и поднял ложку в воздух.

Пронеслась веселая мысль, что в столовой после практики снова недосчитаются приборов. Вьющиеся корни подхватили ложку. Они не сдавались, толкали ложку все выше и выше, и вот она уже зависла на уровне Севиного лица.

– Отлично! Просто отлично!

Сева открыл глаза, не желая стряхивать с себя неожиданно приятное состояние, в которое впал. Василиса прижала ко рту кулачки, ее веснушчатые щеки пылали, и она принимала комплименты от Звягинова.

– У меня получилось уже второй раз, – смущенно сказала она. – И тоже с Воздушным магом.

– Какая умница! Давайте-ка попробуем поработать с Огнем, – довольно потер руки Эдуард Юрьевич.

– Подождите, – оборвал их Сева. – Мы еще не менялись ролями.

Не хотелось, чтобы Василиса уходила. Но Звягинов только подмигнул ему и повел Василису искать Огненного ей в пару.

Сева посмотрел ей вслед, ловя отголоски ее магии. Василиса была из тех девушек, на которых поначалу даже не глядишь, сразу понимая, что они слишком хорошие, слишком добрые, слишком правильные. И то ли по неопытности, то ли по глупости это кажется неинтересным, непонятным... Но разве есть те, кто на самом деле не хочет доброты, верности, спокойствия и покоя? И если вовремя разглядишь, какая там глубина, какая бездна кроется за этой застенчивой улыбкой, то пути назад уже не будет. Вот Муромец увидел все сразу.

Теперь и он попал в плен ее магии, понял, какая она вся нежная и складная и как, наверное, хочется Муромцу ее обнимать. Ему вдруг стало жалко их обоих. Он нашел Митю глазами. Тот уже тренировался с Водяной колдуньей, но камень между ними не двигался: даже не вздрагивал. Мысли Севы тут же спутались. В груди тревожно дрогнуло.

У Анисьи все шло из рук вон плохо. Оказалось, что колдовать с магами других стихий она почти не может. Как ни пыталась она объединить свои силы с Полиной, Маргаритой, Севой и десятком других магов, у нее ничего не получалось. И чем больше людей следили за ее стараниями, тем быстрее проваливалась каждая попытка. В конце концов Маргарита заставила ее остановиться и увела на дальний край поляны, где можно было выпить Чаровника.

– Я не понимаю... – растерянно твердила Анисья. – Я уверена, что могу колдовать со всеми. Я думала...

– Послушай, если у тебя не получилось сразу, это еще ничего не значит, – успокаивала ее Маргарита. – У Полины тоже не получалось ни с кем, а потом вдруг мы с ней нашли способ. Просто будем чаще тренироваться. Не унывай! Ни у кого не получается с первого раза.

Она кивнула на толпу, но ее взгляд очень некстати остановился на Василисе, и Анисья это заметила. Василиса стала настоящим открытием для наставников. Оказалось, что она без труда плетет колдовство с магами любых стихий. Даже с Полиной им удалось сдвинуть с места самоцвет. Пусть их общая ворожба получилась не такой уж зрелищной, но она возникла. Камушек на столе задрожал и даже подпрыгнул.

После перерыва наставники разбили всех на тройки. Стало понятно, к чему они клонят. Маргарита не удивилась, когда Черная Курица произнесла ее имя и подозвала к столу Полину, Севу и Митю. Никто не знал, как должна выглядеть магия Союза Стихий, но все смотрели на четверку колдунов с толикой зависти и любопытством.

«Я могу колдовать с Полиной и Митей, – перебирала в голове Маргарита. – Митя взаимодействует с Севой. А вот между Севой и мной никакой связи нет, как и между ним с Полиной... Что же делать?»

В этом и состоял главный вопрос. Никто не знал, как работает Союз Стихий, как он появляется. Должны ли все его члены владеть коммуникативной магией или нет? Должны ли они все быть друзьями, любовниками, дальними родственниками или достаточно просто знать друг друга в лицо? Может ли союз появиться обычным перебором?

Ответов не было. Были только надежды.

Митя и Сева выглядели уверенно, но Маргарита предчувствовала: ничего не получится. И когда они вчетвером стали только мешать друг другу, почему-то выдохнула с облегчением.

Черная Курица не собиралась сдаваться. Она заменила Митю на Василису, но чуда не произошло. Что-то изменилось, когда вместо Василисы в их круг встала Анисья, но совместное колдовство все равно не удалось.

С поляны исчезли столы, группы сформировались иначе. С одной стороны несколько Огненных сражались против нескольких Воздушных. С другой Лиса объединила тех, кому хорошо давалась коммуникативная магия. Оставшихся разбили на пары. В ход пошли посохи и обручи, волшебные помощники, куртки и плащи из ткани, способной противостоять огню. Анисья как раз оказалась в смешанной группе, и Полина увидела, как огненный шар, оказавшийся у той на пути, ударился о костюм и просто исчез. Анисья неплохо атаковала. А уж ее

щиты получались просто идеальными. В группе сражающихся она была самой младшей, но не уступала многим по сноровке, будто тоже несколько лет была знакома с боевым колдовством.

Сева оглядывался по сторонам, отмечая шрамы и синяки, грязь на лицах колдунов, порванную одежду. Лиса, вместо того чтобы наконец объявить о конце тренировки, подозвала всех туда, где возвышались два шеста, увенчанных небольшими деревянными дощечками. На дощечках лежало по кристаллу-светильнику.

– Короткая командная игра, – объявила Дарья Сергеевна, пробежав глазами по усталым лицам магов. – Будем проводить ее после каждой тренировки, чтобы поучаствовать удалось всем. Выберем по десять человек в команду. Нужно не пустить соперников на свою половину поля и не отдать им кристалл. И в то же время – заполучить чужой кристалл себе. И все это за полчаса.

Черная Курица выбрала Полину и Маргариту. Водяная колдунья не скрывала досады: к концу тренировки ее щит ослаб. Но казалось, что Черную Курицу это мало волнует.

Дарья Сергеевна вытащила из толпы Славу и Светослава Рябинина. Оставалось надеяться, что это было просто совпадение. Черная Курица остановила свой взгляд на Попове, и Лиса подала знак Анисье. Стало ясно, что соперники подбираются неслучайно.

К команде Черной Курицы присоединилась снежинка Агнешка. Она была по-настоящему сильной боевой колдуньей, и найти ей достойного противника из бывших парней не представлялось возможным – снежинки не заводили отношений.

Лиса озадаченно осмотрелась и указала на Севу. Он встал рядом с Анисьей. Участники команды уже перешептывались, остальные же воспитанники уселись на траву: одни доедали бутерброды, пытались залечить ссадины, кто-то просто приткнул голову к плечу соседа и дремал.

Черная Курица выбрала Муромца и Марьяну Долгорукую, а Лиса подозвала Василису.

Наконец, команды были в сборе. Лиса дала им время на обсуждение стратегии, и ребята сгрудились возле своих столбов. Пока Ася Звездинка, Синеглазка и Елена Трувор знакомились с остальными участниками, а Ярослав подсчитывал на пальцах, сколько магов каких стихий есть в команде, Сева молча поглядывал на соперников. Его внимание снова привлекла Полина. В противоположной команде говорила именно она, поочередно глядя то на Муромца, то на Агнешку, то на Маргариту. Они кивали. Севу прожгло любопытством.

Он повернулся к Светославу и спросил:

– Что умеет Водяная?

Все замолчали.

– А, вы же с ней встречались, да? – заметила Звездинка.

– Ну-у, – протянул Светослав, растерявшись. – В Боевой магии она не сильна.

– Неправда, – возразила Анисья. – Если ты прочтешь ее мысли, то потеряешь силу, и тогда тебе несдобровать.

– Но он же не будет читать ее мысли, – усмехнулась Звездинка.

– Туман... – ответил Светослав, сдаваясь под Севиным взглядом и не обращая внимания на комментарии девушек. – Туман. Неприятное колдовство. Они с Маргаритой это умеют. И наверняка захотят использовать.

Сева вдруг пожалел о том, что спросил. Вместо мыслей о тумане в голову полезли совершенно другие образы. Этот Светослав встречался с Водяной колдуньей. Держал ее за руку. Мог просто подойти к ней и переплести свои пальцы с ее. Мог... до нее дотрагиваться... целовать. И мало ли что еще делать?

– Ты ее боишься? – внезапно спросил Сева, зацепившись за странные ноты в голосе Светослава.

– Что? Нет!

Но Сева вспомнил, как Маргарита жаловалась на этого Рябинина. Говорила, что он стал свидетелем Полининого приступа и его трясло еще несколько дней. Точно! Ведь и сам Сева когда-то нашел его под дверью целительской гостиной именно в таком состоянии.

– А вот Марго нам стоит опасаться, – встрял Слава, грустно дернув бровями.

– Против Марго у меня есть костюм, – тут же улыбнулась Анисья. – Но нам повезло, что у них в команде Огненная только она. А у нас-то целых три Огненных мага.

– Зато у них Водяная, – сказала Василиса. – Не думаю, что Черная Курица выбрала ее просто так.

– Я вам советую быть поосторожнее с Муромцем и с Агнешкой, – вмешался Ярослав.

Лиса подняла руку.

Сева, Светослав и Вера Синеглазка встали прямо перед столбом и приготовились направлять левитирующее колдовство на чужой кристалл. Противоположная команда выстроилась совершенно иначе: десять человек образовывали сильно прореженный клин. Впереди были Муромец, Маргарита и Агнешка. Остальные игроки тянулись от них в разные стороны и назад. Слева их ряд заканчивался Водяной колдуньей, усевшейся на колени и приложившей руки к земле. Справа же стояла Людмила Брюс. Ей не позволили взять с собой Черную книгу, но она уже причудливо сложила пальцы и что-то шептала себе под нос.

Сева не понимал, что они задумали. Откуда вообще у них взялась стратегия? Однако он тут же нащупал ее слабое место: если разогнать в стороны Митю, Агнешку и Марго, столб с кристаллом останется незащищенным. Он нагнулся к Василисе и рассказал об этом.

– Как только это случится, я обернусь белкой и побегу, – отозвалась она.

Игра началась.

Воздушным пришлось сосредоточиться и направить колдовство на кристалл, расположенный высоко на шесте на противоположной стороне поля, но их план быстро разгадали, и Светослава отбросило в сторону чьим-то заклятием. Казалось, Тихон и Елисей Вилкин, игравшие за другую команду, тоже планировали воспользоваться левитацией, но увидев, что произошло с Рябининым, передумали, и переключились на иное колдовство. Муромец и Маргарита то и дело разбегались в стороны, оставляя столб почти без защиты. Сева только удивился тому, что они сами этого не замечают. В один такой миг Василиса перепрыгнула линию, разделявшую поляну на две половины, но ее остановила Агнешка. Сева сообразил, что только его магия сможет затуманить разум снежинке. Он бросился вперед, чтобы установить с ней зрительный контакт, но едва не встретился лицом с огненным шаром, которым так удачно атаковала Маргарита. Пришлось уворачиваться. Время шло, и его команда действительно продвигалась вперед, вынуждая Маргариту, Агнешку, Богдана и Муромца с Марьяной отступать и сдвигаться в стороны. Правда, далеко отодвинуть Митю от центра не удавалось – любые пущенные в него заклятия отражал кто-то невидимый. Во время одной такой атаки Севе померещилась прозрачная фигура, мелькнувшая перед Муромцем. Логическая цепочка тут же привела его к Люде Брюс, которая и без своей книги могла выходить на связь с призраками. Была ли это таинственная мертвая княжна, которая помогала Мите на Посвящении и, по слухам, всячески прислуживала ему? Или Люда Брюс смогла призвать на помощь еще кого-то? И вообще, разве призраки могли выступать щитом от магических атак?! Думать об этом было некогда. Команда сделала еще один рывок, и пара удачных атак окончательно освободила проход к столбу с кристаллом.

Муромец по-птичьи крикнул, но Сева не обратил внимания. Его волновало только, сможет ли Василиса добежать до столба. Следующая секунда тоже стала удачной для его команды – проход расширился настолько, что можно было бежать сразу всем. Справа и слева Зайчик и Елена Трувор создавали щиты и атаковали, но Воздушные уже посылали мысленные сигналы своим участникам кидаться вперед. Команда услышала. Миг, и все десять человек перескочили через условную линию, разделявшую поле. Казалось, что Муромец, Богдан, Маргарита

и Марьяна Долгорукая только теперь поняли, какую совершили оплошность, оставив без присмотра свой кристалл. Они замерли, будто не веря своим глазам. В душе Севы все ликовало, его охватил азарт.

Когда он осознал ошибку, было поздно что-то исправлять. Игроки его команды очутились на чужой территории, и вот тут-то началось все странное. Сначала Севе показалось, что они просто замедлили бег. Потом – что наткнулись на невидимый щит. Но когда его ноги перепрыгнули линию и опустились на траву, его обдало холодными брызгами. Сева видел, как Василиса, почти добежавшая до столба, почти коснувшись его рукой, поскользнулась и упала, разбрызгивая сверкающую воду. Вода! Откуда здесь взялась вода?

За время игры все позабыли о Полине, тихо сидевшей в отдалении под прикрытием Попова. Она была бесполезным участником – так все посчитали. Безобидной и неспособной к Боевой магии. И кто бы мог подумать, что она рассчитала все с самого начала! Подстроила! Она выигрывала время, чтобы поднять грунтовые воды и воспользоваться своей магией. А этот птичий клич Муромца? Сева бы хлопнул себя по лбу, если бы не поскользнулся на траве, пытаясь удержаться на ногах. И как он не догадался, что это был знак? Они намеренно разбежались в стороны!

Сева уже видел, как Митя несется к их столбу с кристаллом, а Василиса все не может подняться – брызги цепями обвивали руки и ноги. Маргарита хохотала, умирали со смеху Марьяна Долгорукая и Агнешка.

Сева позволил тьме затопить его. Обиде и злости – прорваться сквозь сдерживающий их щит. Одиночеству и тоске – наполнить его последними силами.

Водяная колдунья вскинула голову. Он издали увидел ее глаза, различил их серебристый, нечеловеческий блеск, будто в глазницах плескалась роса. И, все-таки падая, он успел сотворить колдовство, чтобы остановить Полину, прервать ее связь с водой. Ему показалось, что из его ладоней на самом деле вырвалась тьма, хотя он даже не успел придумать, какое заклятие использовать. Тоска и злость решили все за него. Ноги больше не держали, удар о землю был неизбежен.

Он упал, ощутив на коже сотни ледяных капель. Сначала было тихо, а потом его накрыли звуки. Вокруг гомонили и охали. Он приподнялся на локтях. Муромец и Василиса стояли каждый у чужого столба, сжимая в пальцах по кристаллу, но смотрели в другую сторону. Сева нехотя обернулся: Водяная колдунья лежала без движения прямо под деревом на границе круга. Она походила на тряпичную куклу, которую в гневе швырнули о стену. Наставники склонялись над ней, а сквозь толпу уже пробирался запыхавшийся Густав Вениаминович с неопитом Матвеем.

* * *

Сева замер на пороге, потому что в гостинной толпились непосвященные. Целитель кивнул, отметив про себя его непривычную бледность.

– Вы по делу? – спросил он над головами воспитанников, и несколько девчонок с интересом обернулись на Севу. – Сегодня помощь не нужна, можете отдохнуть.

Сева указал на вход в лазарет. Целитель прищурился.

– Можете сходить проведать. Но она спит.

Уши вспыхнули от смущения, словно Жаба в чем-то его уличил.

– Жалко бедняжку, – произнес кто-то рядом. Сева оглянулся и увидел за своим плечом совсем юную девчонку. – Но выглядело это эффектно!

Он попятился, уперся спиной в дверь, слегка налег, и она поддалась. Взгляд сразу узнал русский затылок на подушке. Несколько кроватей в лазарете оказались заняты колдунами, полу-

чившими ожоги или раны на Боевой магии. Возле Водяной копошился Матвей. При виде Севы он ехидно улыбнулся.

– Я не специально, ты же понимаешь, – зачем-то сказал Сева, будто это могло его оправдать.

– Хорошо, что с ней не случилось приступа.

– Просто ушибы? – с надеждой спросил Сева, не зная, куда деть глаза. Ему казалось, что теперь все всё про него поняли.

– Не только. Удар был сильный. Густав осмотрит ее еще раз вечером. Я сумел только обработать разбитую кожу на затылке, а потом она заснула. И как ты умудрился?

Сева с трудом выдохнул и пожал плечами.

– Сам не понял. Какое-то необъяснимое колдовство. Я не хотел травмировать ее, честно.

– Ладно, не кори себя. – Матвей дружелюбно похлопал его по плечу. – Сможешь немного побыть здесь, вдруг она проснется? Остальных я осмотрел, пока никому помощь не нужна. – Он дождался кивка и направился к выходу.

Сева забрался на стул, уселся прямо с ногами и уткнулся лицом в колени, украдкой – из-под волос – поглядывая на спящую колдунью.

Он знал, что чем дольше будет смотреть, тем хуже и навязчивее станут сны: они-то и не будут давать ему концентрироваться на целительских практиках, особенно в те недели, когда требуется воздержание от всего: от сладкого, острого, молока, настоек Василия и любых телесных контактов. Отказаться от этого не составляло труда. Но избавиться от снов о Водяной колдунье было невозможно. И каждый подсмотренный им жест или случайно услышанная фраза, которую она бросала кому-нибудь из подруг, могли спровоцировать сон такой яркости, что наутро трудно было поверить, будто ничего из этого не происходило наяву.

Сейчас же перед глазами повторялась совершенно реальная сцена: Полина Феншо отрывается от земли и летит назад. Руки и ноги белые, как у фарфоровой куклы, выбившиеся из косы волосы закрывают лицо, платье взвивается тяжелыми складками. Секунда, и полет останавливает дерево. Водяная колдунья безжизненно сползает вниз.

Сева зажмурился. Да, маги, что были с ним в одной команде, тоже попадали: кто-то потянул ногу, кто-то расшиб локти. И Муромец успел метнуться на их половину и схватить трофей. Но главное было в другом: во время той странной вспышки колдовства Севу накрыло понимание того, что за связь возникла между ним и Водяной колдуньей. Накрыло так, как накрывает огромная волна. Яркое озарение осветило все вокруг: игроков, наставников, его истерзанную душу, годы, проведенные в Заречье бок о бок с Полиной, и время, что еще им осталось. Да-да, все стало ясно. Все случившееся с ними закономерно следовало друг за другом и могло привести только к одной развязке.

Он услышал свое имя: кто-то тихо звал его, но Сева так глубоко ушел в свои мысли, что он не сразу понял, чей это голос и откуда он доносится.

– Сева? – прозвучало еще раз, теперь вопросительно.

Он с удивлением различил на одной из кроватей Катю. В слабом свете кристалла ее глаза блестели. Он поднялся и подошел к ней, понимая, какой провальной была эта идея – начать общаться ближе. Он ведь знал, что сегодня на Боевой магии она тоже получила травму, но даже не вспомнил об этом. Едва переступил порог лазарета, как все в мире сузилось до одной точки: до Водяной колдуньи.

* * *

Это был первый дождливый день с начала осени. Небо заволокло, и редкие капли тяжело забили по крышам. Целительский дом на севере города первым попал под дождь, тучи хлынули дальше и накрыли весь Росеник. Севе пришлось спуститься со старого клена, где так

хорошо думалось. Клен печально зашелестел на прощание, но Сева к тому времени уже миновал лестницу и скользнул напрямик в кабинет отца. Сегодня Даниил Георгиевич должен был принимать кого-то из родовитых магов и, по мнению Севы, вряд ли захотел бы долго с ним разговаривать. В этом и состоял расчет.

Целитель застыл, держа перед собой книгу. Сева подошел ближе.

Даниил Георгиевич взял колбу с зельем, отмерил ложкой нужную дозу и вылил в котелок. От котелка тотчас повалил густой пар.

– Если рядом положить стебель кровохлебки, такой реакции не будет.

Целитель повернулся:

– Привет. А говорил, что на этой неделе останешься в Заречье.

Сева обошел столик и устроился в отцовском кресле. Начать было не так-то просто.

– Ты мне не рад?

– Я? Очень рад. Но ты обычно не жалуешь нас своим присутствием, вот я и удивляюсь твоему возвращению.

– Хотел кое-что спросить.

Даниил Георгиевич бегло взглянул на часы, Сева тут же воскликнул:

– Много времени не займу.

– Я и не против, но сам знаешь, скоро придут...

– Да-да, Юля меня предупредила. Итак, не будем тратить твои драгоценные минуты попусту?

Целитель отнес котелок в очаг и вернулся к сыну.

– Когда разговор начинают подобным образом, он чаще всего касается чего-то неприятного. – Даниил Георгиевич вытянул из-под стола табурет и уселся напротив Севы.

– У меня пара вопросов насчет Водяной колдуньи.

– Неожиданно! Если честно, не думаю, что знаю про нее что-то особенное. Ее колдовство почти не изучено...

– Скажи, до Купальской ночи, когда я нашел ее на реке, до того приступа... она не умела колдовать?

– А, ты об этом! Кажется, нет. Мсье Феншо как-то упоминал, что всегда ощущал ее силу, но сила эта будто спала.

– И проклятие на нее не действовало, верно?

– Нет, не действовало, – ответил Даниил Георгиевич. Внутри уже зародилась тревога, которая могла быть понятна только родителю. Что-то необычное было и в интересе Севы к Водяной колдунье, и в его магическом фоне, и даже в интонациях, с которыми он задавал эти вопросы.

– Проклятие проявилось только в ту ночь? Только после того, как я зачаровал воду?

– А-а, кажется, я догадываюсь, о чем ты. – На этот раз целитель усмехнулся. – Да, именно твое колдовство заставило проснуться и ее магию, и магию проклятия.

Сева кивнул и уставился на книжный шкаф. Там на полке стояла одна-единственная фотография.

– Но ты же понимаешь, что это ничего не значит?

– Разве? Проклятие заработало от моего колдовства.

– Скорее всего, оно заработало бы от любого колдовства.

– Да брось, неужели мсье Феншо не применял к ней никаких чар?

– Возможно, повлияло большое количество совпадений, – возразил Даниил Георгиевич. – Время, место и твои необычные силы, разбудившие магию Воды в реке и в теле Полины.

– Значит, в какой-то степени я все же виноват в том, что с ней случилось.

Даниил Георгиевич позволил себе коротко рассмеяться.

– И для чего тебе нужно чувствовать себя виноватым в ее проклятии?

– Это причина стать ее хранителем.

На комнату обрушилась тишина, она придавила к стулу целителя, заставила зелье в котелке перестать булькать, приглушила стук капель по оконному стеклу. Сева, не выдержав испуганного отцовского взгляда, начал перебирать остатки лекарственных трав, примостившихся на краешке стола в бумажном свертке.

Даниил Георгиевич подался к сыну и сжал его руки.

– Это ложное чувство вины, понимаешь? Ты ведь на самом деле не виноват в том, что она проклята, сынок!

– Чувство вины придает смелости, – пробормотал Сева, сбитый с толку словом «сынок», которым отец мог назвать его лишь в полном отчаянии. – Я должен стать ее хранителем. Это просто данность.

– Тебе мало того, что ты связан с ней из-за своего обряда превращения?

– Мало? Разве мы сейчас не о спасении жизни Водяной колдуньи?

– Это не так просто... Сева, боюсь, ты не до конца понимаешь... И потом! Ты же хотел стать хранителем Муромца.

– Я хочу стать хранителем Водяной колдуньи, – повторил Сева. – И опытный целитель должен помочь мне в этом.

– Не глупи, послушай хоть раз, что я тебе говорю! Ей не нужен хранитель!

– На ней смертельное проклятие. Как раз ей-то хранитель очень нужен. – Сева заранее готовился к этому разговору и теперь выуживал из памяти все аргументы, которые только успел придумать.

– Дело именно в ее проклятии. Никакой хранитель не сможет ее спасти!

– Ты не знаешь этого наверняка.

– Хранитель зря отдаст ей свою жизнь! Умрет сам, но не поможет. Проклятие – это не болезнь, это не смертельная рана и не потеря крови.

– Надо попробовать.

– Ценой жизни моего сына?! – воскликнул Даниил Георгиевич, вскакивая со стула. – И ты думаешь, я на это пойду? Помогу тебе стать ее хранителем?

– Я сам могу решить, что делать, – Сева тоже поднялся. – Ценность Водяного мага в нашем сообществе очевидна всем, кроме, кажется, тебя. Так что ты прав, я не к тому пришел за помощью.

– Постой! Ты что... влюблен в нее?

Сева нахмурился. «Влюблен» – что за пошлое слово! Обычно значащее что-то хорошее, теперь оно показалось Севе гадким и унижительным. Он подошел к отцу, холодно заглянул ему в глаза и прошипел:

– Я сирена, как и твоя первая жена. Или ты забыл? И я могу заполучить любую женщину. Любую. Так неужели ты думаешь, что ради этого я становился бы чьим-то хранителем?

– Но ведь на Водяную колдунью не действуют чары сирен, – ответил Даниил Георгиевич так быстро, будто тоже заранее готовился к разговору и уже имел несколько припасенных для сына возражений.

Однако Сева провел на старом клене больше времени, слушая свой внутренний голос, нанизанный на струны пролетавшего ветра да шепот листвы. Он знал, что ответить и на это.

– Да, но... мы же не простые целители, верно? – Он поднял тонкую веточку велесова шлема, которую нашел на столе в бумажном кульке. – Мы знаем, как заставить человека не поддаваться чарам нежити. И знаем, что с Водяными многое колдовство работает наоборот... Если бы мне так хотелось заполучить Полину, можно было бы добавить кое-какое зелье ей в чай... Так что видишь? Дело совсем не в чувствах к Водяной колдунье.

– А в чем тогда? – Голос растерянного целителя сорвался на шепот. Лицо его посерело.

– Ее надо спасти. Она нужна Светлой стороне.

- Ты тоже нужен, сынок.
- Я Воздушный. Нас таких сотни. А она одна.
- Сева... Поверь мне. Она умрет и утянет тебя с собой. Ее не спасти.
- Это все?

Даниил Георгиевич ничего не ответил и перевел взгляд на задымившийся котелок с зельем. Все поняв, Сева направился к выходу, но в дверях отец окликнул его:

– Постой.

Сева замер. Раздражение и страх перед собственным решением толкали его из кабинета, но крошечный проблеск надежды заставил остановиться.

– Я постараюсь помочь, – сказал Даниил Георгиевич, не глядя на сына. – Но все происходит не так быстро, как тебе кажется. Для начала тебе понадобится ее согласие.

– Его не будет, можно даже не надеяться. Полина Феншо и впрямь не ведется на чары сирен, да и симпатии ко мне не испытывает, но такого согласия она все равно не даст.

– Что ж... это немного затрудняет ситуацию. – Даниил Георгиевич покачал головой, отвернувшись к окну, и Сева не увидел, как тот улыбнулся. – Я узнаю, что можно сделать. И прошу тебя еще раз подумать. Не забывай, что есть люди, которые не вынесут твоей смерти.

– Спасибо! – оборвал его Сева и выскочил за дверь.

* * *

На этот раз воспитанники Заречья готовились к Боевой магии тщательнее – никому не хотелось оказаться на месте Водяной колдуньи и остальных ребят, попавших в лазарет с синяками, ранами или ожогами. Повсюду – на вечерницах, в столовой и даже на обрядах с Кошечевичами – все шептались о Китеже и Небыли, куда, по слухам, должны были отправить нескольких человек.

Маргарита как раз возвращалась с общей тренировки для непосвященных и сокращала путь к лазарету через поле, когда вдруг встретила на развилке Дарью Сергеевну. На плечи Лисы была накинута легкая куколка, и весь вид ее выражал нетерпение, словно она собралась в дорогу и опаздывала к назначенному времени.

– Письмо, – шепнула она. У Маргариты возникло ощущение, что Лиса знает, куда она направляется. Конечно, нетрудно было догадаться, что она пойдет навещать Полину, однако как можно было предугадать встречу именно здесь и именно в эту минуту? – Оно у тебя с собой или в избушке?

– Какое письмо? – переспросила Маргарита, не сразу собравшись с мыслями.

– Ответ, конечно же. Саше. – Дарья Сергеевна нагнулась к ее уху, во взгляде снова проскользнуло то нетерпение, которое Маргарита заметила с самого начала.

– Я-а, – замялась Маргарита, краснея. – У меня...

– Ты не написала?

– Нет! Не думала, что удастся передать...

Лиса порылась в карманах и вынула оттуда кусочек бересты.

– Пиши сейчас! Через минуту Вера Николаевна будет здесь и выведет меня в город. Я попробую отправить.

Маргарита схватила бересту и писало и застыла над ними. Что же написать? Какой из передуманных, прокрученных в голове вариантов выбрать? Ах, если бы она заранее знала, что сможет передать наставнику ответ! Если бы только... Нет, нужно сосредоточиться... Перед глазами замаячила ладонь, и Маргарита увидела, как Дарья Сергеевна требовательно машет рукой. Вдалеке действительно появилась главная наставница.

– Вера Николаевна не должна знать, что я связываюсь с Македоновым. Так что поторопись, иначе он останется без ответа.

Маргарита выдохнула и вывела: «Я по вам скучаю!» Завернула бересту в трубочку и передала Лисе, надеясь, что той хватит благородства не читать ее послание.

Дарья Сергеевна покачала головой, разочарованно глядя на Маргариту, и поднесла записку к лицу. Губы ее зашевелились, и берестяной свиток едва заметно сверкнул.

– Теперь оно заколдовано. Открыть его сможет только Саша. Если оно попадет в чужие руки, слова исчезнут.

– Спасибо, – проговорила Маргарита, поняв, что ее подозрения были видны как на ладони.

* * *

Раздался звонок колокольчика, Юля открыла дверь и увидела на пороге Дарью. Лицо той казалось осунувшимся, но колдунья привычно улыбалась, щуря глаза.

– Как я рада! – воскликнула Юля. – Ты прилетела на ковре? – Она покосилась на маленький ковер-самолет, свернутый у Дарьи под мышкой.

– Да, решила воспользоваться свободой чар в Росенике.

– Здорово, что ты приняла мое приглашение на чай! Я, если честно, думала, что... – Она осеклась, заметив Дарьино выражение лица.

– Прости... – поджала губы Дарья. – Я по делу. К Даниилу.

– Ох, ну все равно хорошо, что заглянула, – ответила Юля, не сумев скрыть досады.

– Не обижайся. – Воздушная колдунья приобняла ее за плечо. – Боюсь, сейчас я не в лучшем состоянии для добрых посиделок и светских бесед.

– Я знаю, Лиса. Знаю и именно поэтому всякий раз предлагаю дружбу. Я хочу помочь тебе выбраться из этого состояния. Мы могли бы сходить в театр, погулять в парке, заглянуть в магазины... Посетить потусторонний город, в конце концов – приключения бы нам не помешали.

Дарья снова улыбнулась. Юля всегда красиво одевалась, платья умела выбирать точно по фигуре, любила романтическое потустороннее кино и вместе с тем считалась сильной, серьезной целительницей. Она сама предпочла помощь мужу и воспитание детей блестящему будущему в области целительства, но никогда не упускала возможности получить удовольствие от жизни. Лисе она нравилась. Но сейчас действительно было не самое подходящее время для приключений.

– Когда-нибудь мы все это сделаем. Я обещаю, – сказала Дарья, чуть сжав ее плечо.

– Что ж, ловлю тебя на слове.

Сегодняшний день у целителя был свободным, поэтому он немало удивился, узнав, что в гостиной его кто-то ожидает.

– Дарья, какими судьбами? – воскликнул он. – Я надеюсь, ничего плохого не случилось?

Лиса вгляделась внимательней – что-то во внешности Даниила и в его голосе выдало волнение, словно встреча с ней его напугала.

– Ничего плохого. Извини, что пришла без предупреждения. Проснувшись на рассвете, я поняла, что, возможно, мне придется расстаться еще с одним обрывком воспоминания...

– Тогда я вас оставлю, – сказала Юля и вышла, прикрыв за собой дверь.

Лисе показалось, что Даниил Георгиевич облегченно выдохнул. Интересно, почему? Неужели он ожидал от нее каких-то новостей? Но о ком? Разве что о Севе?

– Помнишь, Даша, я уже говорил, что выбросить все воспоминания не получится? Ты не сможешь забыть все, что тебе не нравится, потому что в нашей жизни нет событий, изолированных от всего остального. Я бы не хотел оставлять на месте всех твоих воспоминаний тревожащую пустоту.

– Понимаю, я веду себя так, будто уже не могу остановиться. Но сколько бы я ни прокручивала в голове ту сцену, сколько бы ни проговаривала и ни убеждала себя, что не виновата, она постоянно всплывает в памяти. Впрочем, так было со всеми воспоминаниями, касающимися...

– Ну хорошо, – ответил целитель, прежде чем она успела закончить мысль. – Хорошо. Я помогу тебе с этим воспоминанием. Но могу ли вместо платы тоже попросить тебя о помощи?

– Да, конечно! Все что угодно.

– Договорились. Тогда приступим.

Несколько минут они сидели молча. Даниил попросил Дарью вспомнить вкус любимого напитка и любимой еды, представить ароматы сирени, скошенной травы, меда. И когда их органы чувств начали работать синхронно, Лиса принялась за рассказ.

– Тогда мы с Игорем уже жили вдвоем. Саша съехал, едва мы объявили, что хотим быть вместе. Он снял комнатку на окраине города, и я верила, что он неплохо устроился. Я никогда не была у него в гостях до этого дня... Кажется, таких маленьких комнат я еще не видела. Конечно, наш обветшалый дом тоже оставлял желать лучшего: и по размеру, и по состоянию, но это был целый дом! Две спальни, гостиная, кухня, кладовая. Запасами снабжал нас мой отец, потому что дела у нас не ладилась. Еще Саша каждый раз приносил с ярмарки что-то вкусное. Я не могла понять, откуда он берет деньги.

– Он работал? – уточнил Даниил Георгиевич, поняв, что совершенно ничего не знает о жизни Македоновых. Если для выходцев из древних – даже небогатых – семей все было предопределено и понятно, то что делают после Заречья остальные маги, Даниил представлял себе слабо.

– Да. Испытывал новые рецепты снадобий. Мог часами сидеть и смешивать ингредиенты, чтобы добиться нужного результата. Но платили ему гроши.

– Продолжай.

– Я впервые пришла к нему. Он никогда не приглашал, да мы и сами как-то не особо напрашивались – были заняты обустройством дома, а он заходил помочь.

– Сможешь описать обстановку?

– Это была настоящая каморка! Будто наша кладовая, в которую втиснули мебель! – сказала Дарья и вдруг почувствовала за словами прохладную пустоту. Так в последний раз в ее памяти вставляли картинки, чтобы навсегда исчезнуть. – В углу громоздилась кровать, спрятанная под темным покрывалом, кое-где истертым и даже заплатаанным. Обыкновенный стол со стулом были зажаты между кроватью и стеной, еще виднелись небольшой шкаф, сундук и полки на стенах. Стены тоже были темными, хотя их сложно было разглядеть – свет туда почти не проникал. Само здание оказалось старым и нежилым. Оно принадлежало колдуну, который собирался его перестраивать. Если честно, я теперь даже не знаю, правда ли Саша снимал эту комнату или же поселился в ней просто так, зная, что хозяин занят и в ближайшие месяцы там не появится.

– Я сегодня не ждал гостей, – раздался голос молодого Александра. Его смущение невозможно было скрыть. Он поспешно огляделся, словно от его взгляда что-то в комнате могло измениться. – Но ты располагайся. – Он пододвинул Лисе стул, а сам опустился на кровать.

Даниил Георгиевич видел все глазами Дарьи. Угол ее зрения изменился, а это значило, что она все-таки села и осмотрелась. Ей было неуютно и тревожно. По сравнению с этой комнатой их с Игорем дом казался настоящим дворцом.

– Что-то случилось? – Александр протянул ей чашку.

Даниил Георгиевич ощутил вкус липы. Сам он был равнодушен к ней, но раз в голову полезли ассоциации с тягучим болотом, можно было догадаться, что Лиса, скорее всего, липу не любила.

– Нет... то есть да. Не знаю. – Колдунья опустила чашку на стол, в окне мелькнул солнечный луч, он озарил комнату уютным медовым светом, но уже в следующий миг снова исчез, уступив место тусклому сумраку. – Ты давно видел Игоря?

Даниил Георгиевич почувствовал, как тяжело она повернулась: ей мешал уже сильно выпиравший живот.

– Он исчез? – взволнованно спросил Саша.

– Реже появляется дома. Утром уходит, а вернуться может дня через два. Говорит, много работы.

– Я тоже слышал, они работают над безопасностью пространственно-временных туннелей. Старообрядцы уже рассекретили несколько наших ходов – это может угрожать горожанам...

– Он врет, – перебила Лиса. – Я знаю, что он бывает в городах потусторонних.

– Откуда? Только не говори, что читаешь его мысли... – Молодой Македонов нахмурился.

– Когда маги находятся под воздействием дурманных снадобий, их контроль исчезает, – почти прошептала Лиса, – и мысли становятся словно бы видны.

– Даша, так нельзя!

– А врать мне и бросать одну можно?! – Она поднялась. Даниил Георгиевич понимал – она бы вскочила, если бы могла. Взмах руки – чашка с липовым чаем опрокинулась. Мягкий теплый свет за окном вспыхнул и снова погас. Комнату до краев заполнила вязкая тишина.

Даниил Георгиевич заметил, как Македонов потянулся было, чтобы коснуться ее руки, но в последний миг остановился.

– У нас с мужем был уговор: никогда не залезать в мысли друг друга, не пользоваться чужой уязвимостью, – проговорила та Лиса, что сидела сейчас перед ним. – Сашу мы тоже научили закрываться. У нас троих была настоящая дружба... и я не понимаю, когда она разбилась. Возможно, вместе с той чашкой противного чая.

– Что было дальше?

– Многое теряется. Кажется, Саша говорил, что Игорю сейчас тяжело. Много работы, мало денег. Он не справляется... я плохо помню его слова. В голове стоял гул, словно там поселился пчелиный рой. Кажется, Саша все же попытался взять меня за руку и успокоить, но я вырвалась.

– Не нужно! – Даниил Георгиевич услышал резкий голос молодой Лисы и сам удивился, сколько в нем было силы. – Ты тоже в этом виноват! Всегда защищаешь его!

Послышался стук захлопнувшейся двери, и перед глазами замелькала улица.

– Я даже не взглянула на него в последний раз. Просто сбежала. Хотелось скорее глотнуть свежего воздуха. Надо было отдышаться и признаться себе, что я осталась совсем одна.

– Ты сказала «в последний раз». Что это значит?

– В следующий раз я увидела его, когда он привел Звягинова на встречу с Ирвингом пару лет назад.

Даниил потер пальцами лоб.

– Это все, – подытожила Дарья. – Спасибо, что выслушал.

– Спасибо, что... поделилась. – Он протянул руку и ободряюще пожал ее ладонь. – Ты молодец, правда. Не удивлен, что Ирвинг сделал тебя наставницей. Людей такой силы духа мало. Тех, кто умеет любить несмотря ни на какие беды. Это дорогого стоит.

Дарья нахмурилась, в глазах ее мелькнуло любопытство:

– Что это за воспоминание я сейчас отдала, раз ты говоришь мне такое?

– О нет, даже не пытайся! – Он рассмеялся и встал, чтобы налить ей снадобье. – Лучше давай перейдем к моей просьбе.

– Точно, – спохватилась Лиса. – Это я еще помню. Но ума не приложу, что я могу для тебя сделать.

На лицо целителя набежала тень. Таким Дарья привыкла его видеть на приемах, где оказывалась по чистой случайности, или на общих праздниках в Белой Усадьбе. Строгий взгляд, отсутствие даже намек на улыбку, полная собранность и отстраненность.

– Это касается моего сына. И... Водяной колдуньи.

– Севы и Полины? – удивленно переспросила Дарья.

– Мне известно от сына, что часть воспитанников Заречья вскоре отправят в Зорник или Небыль для общих тренировок.

– Все верно.

– Прошу тебя сделать так, чтобы мой сын и Полина Феншо отправились в разные города, если главные наставники все же решат увезти их из Заречья.

– Хм... – протянула Дарья задумчиво. – Для чего тебе это нужно?

– Не могу объяснить.

– Я не понимаю, при чем здесь девочка, но... Ты же знаешь, Ирвинг пробует собрать Союз Стихий. Я не считаю это хорошей затеей, ведь Союз никогда не создавался подобным образом. Но Полина мало с кем умеет работать. Она хорошо колдует вместе с одной Огненной. А твой сын и Муромец очень удачно составляют недостающую пару стихий.

– Дарья, мы договорились, – сказал он все так же серьезно. – Какие бы ни были причины, сделай так, чтобы они оказались в разных городах и не виделись как можно дольше.

Лицо наставницы тоже стало настороженным и строгим, она подошла ближе к целителю и заглянула ему в глаза.

– Что происходит, Даниил? Тебе известно что-то, что неизвестно нам?

– Я не могу сказать. Но поверь, это мой долг – просить тебя об этой услуге. Сделай все, что сможешь. И, возможно, мы избежим чего-то плохого.

– Хорошо. Я сделаю то, что обещала. Но буду очень признательна, если ты найдешь в себе силы открыть эту тайну хотя бы мне.

Даниил покачал головой.

* * *

Маргарита замахала рукой, увидев подруг у входа. Они задержались возле доски с объявлениями, где какой-то шутник оставлял комментарии о блюдах. На этот раз там шла баталия за выбор темы следующей недели. Кто-то упорно вычеркивал все предложения о кухнях разных стран и вписывал «неделю Грузии». Девушки рассмеялись, зашли под красную крышу, расписанную петушками и маками, и наконец заметили Маргариту.

Полина вернулась из лазарета. Ее отпустили домой еще три дня назад, но по утрам она ходила на встречу с неофитом Жабы Матвеем, чтобы делать упражнения для разработки мышц. Сейчас ее можно было принять за потустороннюю спортсменку: волосы собраны в узел, ноги обтягивают плотные штаны, а дополняют образ самые настоящие кроссовки. Однако стоило всмотреться, и становилось понятно, что от потусторонней моды остался лишь силуэт. Остальные детали – ткань, крой свитера, плащ с капюшоном, перекинутый через локоть, – выдавали в ней жительницу совершенно иного места.

Василиса и Анисья встретили ее возле столовой. Василиса как раз доделывала на ходу четвертый венок с гроздьями рябины, так что, когда Маргарита заприметила их, у каждой на голове красовались резные листья и тяжелые алые ягоды.

– Это тебе. – Василиса надела венок на голову Огненной колдуньи. – О Перун, как тебе идет! Рябина идеально подходит к черным волосам.

– И, надеюсь, улучшает работу мозга, – отозвалась Маргарита. – Я теперь тоже мечтаю за минуту придумывать стратегии битвы, как это делает Полина.

– Но, Марго, не забывай, чем это может закончиться. – Полина вытянула ногу, напоминая о поврежденной мышце.

– Да уж, сообразительной нынче быть опасно. Даже самый безобидный целитель захочет с тобой разделаться. – Маргарита стрельнула глазами в Сева.

Тот направился было к Муромцу, но Митю уже окружили Марьянины подружки, а сама Марьяна устроилась напротив и что-то воодушевленно вещала про ведарей и Митину корову Гречку. Нерешительность стоила Севе дорого: Катя – девушка с добрыми глазами и длинной пшенично-рыжей косой – подхватила его под руку и повела прямо за стол к Водяной колдунье.

– Только посмотрите, кто это тут у нас! – воскликнула Маргарита, едва Сева с Катей опустили напротив. – Знаменитый убийца Водяных!

– Ты как? – Сева кивнул Полине.

Полина подняла большой палец. Ей бы хотелось, чтобы в его вопросе прозвучали волнение или хотя бы намек на заботу, но от этого равнодушного тона чуть не пропал аппетит. Зато Катя тут же бросилась к ней. Она заключила ее в объятия и затараторила.

– Я рада, что тебя выпустили. Мы переживали! Особенно Сева!

– Спасибо. – Полина попыталась высвободиться, но девушка крепко держала ее: оставалось только улыбнуться. Стало смешно от того, что Катя искренне верила в переживания Севы.

– Твое колдовство выглядело потрясающе! И как ты это придумала?

– О да! – подхватила Маргарита. – Я как вспомню барахтающуюся в траве Анисью, так разбирает смех. Хотя гораздо эффектнее выглядело то, что сделал Сева.

– Я не знаю, что это было, – нахмурился Сева, наконец обратив внимание на слова Маргариты. – Меня донимает этим каждый второй.

Он посмотрел на Водяную. Глаза ее снова были привычного серого цвета, но тот серебристый блеск – совершенно нечеловеческий, жуткий – теперь не шел у него из головы. Полину все так же обнимала Катя. Она гладила ее по плечам и по волосам. Водяная была похожа на бледный весенний цветок среди буйства осенних красок. Ее сизо-голубой спортивный наряд, румянец с лиловым оттенком, пепельные волосы напоминали о неизученной, непривычной магии.

Полина обняла Катю в ответ. Ей нравились и ее доброе лицо, и красивые густые волосы, и приятный голос. И даже то, что Катя стала Севиной девушкой, ее не смущало. Быть Севиной девушкой еще никогда не означало чего-то хорошего. И хоть с его стороны это было похоже на взрослый выбор – спокойная, мудрая и надежная девушка, а не очередная истеричная снежинка, – в реальности все выглядело точно так же, как и раньше: Катя просто таскалась за ним, но ничего не получала взамен. Словно его девушками становились те, кого он просто не в силах был прогнать, – самые настойчивые или наивные, ожидавшие, что случится чудо.

– Все нормально, – остановила Полина очередной выпад Маргариты, почувствовав, что та готовит новую колкость в адрес Заиграй-Овражкина. – Никто и правда не знает, как это произошло. Но главное, что не случилось приступа.

– Неплохо бы разобраться, каким образом ваши заклятия наложились друг на друга, – заметила Анисья. – И лучше понять это до того, как нас отправят в Китеж или Дивноморье.

– Думаешь, мы поедем вместе? – спросила Василиса.

– Конечно! Будет полной глупостью разлучить Марго и Полину, например...

– Да и Митя с Севой точно будут с нами, – добавила Маргарита. – Разве не заметно, как упорно наставники пытались создать из нас Союз Стихий на Боевой магии?

– И куда нас отправят, по-твоему? – спросил Сева у Анисьи.

– В Небыль, конечно. Дивноморье прячется в море, и это отличная среда для развития магии Полины. К тому же там много скал, мне это тоже пойдет на пользу.

– Я думала, у тебя ничего не вышло с коммуникативной магией... – подала голос Катя.

– Мне не хватило времени. Наставники не могут этого не понимать! Позавчера мы с Марго работали очень усердно, надеюсь, Вещий Олег заметил.

– Митя не переживет, если ему придется покинуть Заречье! Я слышала, у него только-только наметился эксперимент с Гречкой, – сказала Маргарита.

Полина украдкой следила за Севой. Он смотрел то на Анисью, то на Катю и думал о чем-то своем. Последняя Боевая магия показала совсем не то, что они ожидали. И правда, кто бы мог подумать, что сильная и с рождения одаренная Анисья окажется настолько же неспособной к совместному колдовству, как и Водяная? И две сработавшиеся пары – Полина с Маргаритой и Митя с Севой – не станут тем самым Союзом Стихий? А Союз Стихий без Анисьи представить было вообще странно! Только она собралась открыть рот, чтобы это озвучить, как в столовую вошла Вера Николаевна.

– Ну хорошо, пусть будет неделя Грузии, – сказала она следовавшей за ней Розалии Павловне, и кто-то из воспитанников радостно вскрикнул. – Главное, убедитесь, чтобы у вас хватило фасоли и кинзы. Не припомню, чтобы в этот раз мы их закупали.

Вера Николаевна протиснулась к столу в самом центре. Несмотря на ее небольшой рост, все собравшиеся сразу ее заметили и притихли.

– Друзья, кажется, никому сейчас не нужны длинные напутственные речи, верно? Я просто зачитаю списки тех, кто отправится в Китеж и Дивноморье и попробует там сработаться с колдунами других стихий.

– Мудрое решение, Верниколавна! – выкрикнул Зайчик и отсалютовал стаканом облепихового морса.

– Итак, Китеж ждет следующих воспитанников: Полина Феншо, Маргарита Руян, Ася Звездинка, Вера Синеглазка, Егор Рябинин, Ульяна Уточкина...

Полина с Маргаритой хлопнули в ладоши и принялись слушать дальше, ожидая, когда же назовут имена их друзей. Они переглядывались с Анисьей и Василисой, на чьих лицах застыли нетерпеливые улыбки. Но список подошел к концу, а заветных фамилий в нем не прозвучало.

– Что? – возмутилась Маргарита, но ее голос потонул в поднявшемся гаме. – То есть как? А Сева? А Митя? – она повернулась к Севе и тронула его за рукав, но Заиграй-Овражкин выглядел не менее удивленным, чем она сама.

– Ничего не понимаю, – сказала Полина. – А как же девочки? Я не хочу ехать без вас! – Она посмотрела на подруг: Василиса все еще настороженно прислушивалась к словам наставницы, а вот у Анисьи было такое расстроенное выражение, что она, казалось, готова была заплакать.

– Значит, нас отправят в Дивноморье, – ободряюще сказал Сева, тоже заметив реакцию Анисьи.

– Дивноморье открыло свои двери для следующих магов. – Вера Николаевна передала первый список кому-то из ребят, а сама развернула второй. – Денис Зайкин, Людмила Брюс, Дмитрий Муромец, Сева Заиграй-Овражкин...

Когда и этот список был озвучен целиком и в нем так и не появились имена Василисы и Анисьи, Маргарита повернулась к подругам. Полина потупилась, словно была виновата во всем, а Сева серьезно спросил:

– Как думаете, к чему это?

– Жаль, что меня оставили здесь! – воскликнула Катя, но парень смотрел вовсе не на нее.

– Нас разделили, – процедила сквозь зубы Маргарита. – Нас зачем-то разделили, и это очень глупо!

Анисья молчала, с трудом сдерживая слезы.

– С одной стороны, это вроде как ничего не значит, – тихонько сказала Василиса. – То, что кого-то отправили в Зорник или Небыль, не значит, что эти люди сильнее или талантливее.

вее. К нам ведь тоже приедут воспитанники из других городов, и мы сможем точно так же поупражняться с ними... Но... Но с другой, у меня такое чувство, будто случилось что-то неправильное.

Глава пятая

За горами, за лесами

Часы висели в самом центре унылой стены, секундная стрелка бодро плыла по кругу, но минутная как будто вовсе не двигалась. Время тянулось еле-еле.

Дима встал и раздвинул шторы. В образовавшуюся узкую щель пробился солнечный луч. Двор пригородной гостиницы выглядел аккуратно, но уныло. Внутри тоже было чисто, но настолько уродливо, что на пятый день ожидания стало невыносимо смотреть по сторонам. Однако уйти он не мог. Человек, которого он вытащил из подземелья в поместье Мертвой луны и который называл себя исключительно Волхвом – не сообщая по традиции Старообрядцев своего родового имени, – должен был забрать его именно отсюда.

Выходить наружу он не хотел и по другим причинам. Во-первых, Светлые наверняка пустились на его поиски и, кто знает, может быть, уже учуяли след. Он осмотрительно не использовал магию и захватил с собой только ту одежду, которая не привлекала внимания потусторонних. Пришлось изучить их манеру одеваться и вести себя. За эти пять дней наблюдений из окна он насчитал одиннадцать человек в синих штанах, а все попадавшие на глаза мужчины были подстрижены на один манер.

Второй причиной добровольного затворничества было желание втереться в доверие к Берендею. Наверняка за Димой следил кто-нибудь из его приспешников: нельзя было сеять подозрение, будто он пытается связаться со Светлыми.

Стрелка часов щелкнула слишком громко. Дима обернулся, но краем глаза успел заметить смутный промельк во дворе за окном: человек стремительно пересек подъездную площадку. Через минуту раздался стук в дверь, Дима открыл, не спрашивая, кто там. В коридоре стоял Волхв.

Дима кивнул, подхватил давно собранную сумку и последовал за гостем вниз. У стойки при входе он расплатился с приветливой девушкой, сунув ей в руку несколько новеньких цветных бумажек, которые ему передал Волхв.

– Мы уходим насовсем? – спросил он, когда они были уже за воротами.

– Да. Предводитель ждет тебя на ужин – полагаю, у него есть предложение для тебя.

Всю оставшуюся дорогу Дима молчал. Он пытался держаться непринужденно, хотя и сильно нервничал. На серенькой пыльной улице Волхв жестом руки остановил машину, назвал водителю адрес и уселся спереди, оставив Диме заднее сиденье. Тот прислушивался к непривычному рокоту двигателя и принимался к запахам. Собственная магия в теле ощущалась совсем иначе, она словно ушла на дно, затаилась, отзываясь на неизвестные раздражители легкими всплесками. Все вокруг казалось громким, мельтешащим, отовсюду приходили образы и мысли – чужие мысли, чужие страхи, чужие волнения. Дима сосредоточился на автомобиле и водителе. Был ли это случайный человек, решивший подбросить путников? Или за внешностью неприметного потустороннего прятался маг?

Резкий, но бесплотный удар выдернул Диму из глубины видений. Бок машины когда-то был смят в аварии, и кто-то из пассажиров прекратил жизненный путь. Но, кажется, это была давняя история, не связанная с тем человеком, который сидел сейчас за рулем.

– Вам точно сюда? – переспросил водитель, нелепо втягивая голову в плечи и бросая опасливый взгляд на окружающий пейзаж.

Вокруг высились красные кирпичные трубы и пустые чердаки, все остальное пряталось за бетонным серым забором.

– Да, спасибо! – как ни в чем не бывало ответил Волхв, но Дима догадался, что потусторонние по таким местам не ходят.

– Не приходилось мне еще никого везти до заброшенного завода... – словно отозвавшись на Димины мысли, пробормотал водитель.

– Нам тоже не приходилось еще здесь бывать. Но что тут скажешь – дела.

Водитель настороженно оглядел Волхва с ног до головы, но выглядел тот вполне безобидно. Мотор снова зарычал, едва за пассажирами захлопнулись двери, и автомобиль, чуть взвизгнув на повороте, рванул обратно к городу.

Дима молча прошел к калитке, укрытой широким листом фанеры. По территории заброшенного завода бегала стая худых собак, пустые черные окна равнодушно глядели на путников.

– Нам нужно попасть внутрь, но для этого придется обойти по полю.

– Странно, – подал голос Дима. – Если до вас так легко добраться, то почему потусторонние до сих пор не обнаружили ход?

– Потусторонние забрасывают свои постройки и больше не возвращаются. А стоит пустить леденящий душу слух да пожертвовать парочкой из них, чтобы его подтвердить, и они быстро начинают верить, что в этих стенах живет злой дух, убивающий невинных, или же бродит сумасшедший убийца. Больше они не приближаются к таким местам. Здесь бегают разве что псы да бесстрашные подростки.

– И что случается с подростками, которые по ошибке натываются на тайный ход? – спросил Дима, стараясь придать голосу холодное безразличие.

– Ничего. Никто ведь не поверит детям. Тем более таким, которые лазают по заброшкам.

К штанам цеплялись колючки. Трава подсохла и кое-где покрылась коричневыми пятнами. Но ее здесь было много: целое поле полыни, заячьего хвостика, львиного зева и люпина, который убаюкивающе гремел бархатными стручками. Кое-где валялись пластиковые пакеты, пестрела яркими буквами использованная упаковка. У крошащейся стены выстроился ряд бутылок. Словно в это забытое, никому не нужное место с огромным полем ценных лекарственных растений и буйных трав кто-то забредал поесть или выпить и бросал весь мусор прямо под ноги. Если так делали потусторонние, то они и впрямь были очень странными существами! Дима видел из окна гостиницы, как они ютятся в большом многоквартирном доме и ходят по делам одними и теми же тропами. Их не интересовали деревья, растущие во дворе. Никто из них не останавливался, чтобы взглянуть на дивный закат. А такое красивое, полное жизни поле и вовсе пряталось за забором и служило местом для складирования ненужных стройматериалов.

С торца здания располагалось крыльцо с широкими ступенями, но дверь выглядела заколоченной. Волхв подошел к ней и уверенно подсадил плечом. Доски с грохотом упали, створки разъехались в стороны.

Внутри оказалось еще страннее. Повсюду виднелись отпечатки грязных подошв, смятые алюминиевые банки, в одном углу лепились друг к другу огарки свечей, а на стене темнели ничего не значащие рунограммы, словно писавший их человек хотел подражать колдовскому письму, но не знал точных символов.

Волхв уставился на стену, усмехнулся и поспешил дальше.

– Это делают подростки? Те, о которых ты говорил? – не выдержал Дима.

– Возможно.

Они прошли несколько комнат, спустились в полузаваленный подвал, там снова повернули в неприметный коридор и долго двигались по нему почти на ощупь. Наконец заблестел холодный свет, который мог источать разве что кристалл-световик. Магическая сила в теле привычно развернула крылья и зашевелилась. Она отозвалась легким покалыванием на невидимую защиту, установленную в конце коридора. Дима понял, что его действительно ждут и не опасаются, но вот случайные потусторонние пройти сквозь барьер не смогут.

– Мы почти на месте, – объявил Волхв.

– Берендей знает, что ты придешь не один?

Волхв улыбнулся, но не ответил. Что-то в его поведении настораживало.

– Предводитель пригласил тебя на ужин, как я уже говорил. И ты сегодня встретишься с ним.

Дима кивнул, стараясь не обращать внимания на похолодевшую спину. Теперь он отчетливо ощущал, что магия тут витала совершенно другая, не знакомая ему. И сколько бы книг о ней он ни прочел, он не мог представить, что она ощущается именно так. Он вдруг вспомнил, как на одном из праздников снежинка из Ирвинговой дружины пересказывала спасение Водяной колдуньи. Она описывала бесстрашие Заиграй-Овражкина, в одиночку ворвавшегося в логово Темных и бросившегося на помощь Водяной колдунье. Она поражалась его отваге, а Анисья Муромец внимательно слушала ее рассказ и поддакивала с таким спокойным видом, будто его смелость была всем очевидна.

«И неужели тебе не было страшно?» – мысленно спросил он у все того же Овражкина, мельком вспомнив его лицо со злым самодовольным прищуром. Ответа, конечно, не последовало.

Наконец Волхв остановился перед дверью с ручками-кольцами и латунными переплетениями возле петель. Она походила на вход в зал торжеств в богатом особняке, и это вселяло уверенность. Дима вспомнил все, что знал и слышал о Берендее: в том числе то, что рассказывала о нем Полина Феншо его бабушке, – и приготовился ко встрече.

За дверью чувствовалось движение, слышались шаги. Димин спутник постучал, шаги стали громче, в щели под дверью мелькнула тень. Наконец, петли робко скрипнули. Перед Димой предстала большая комната, выдержанная в темных сине-зеленых тонах, отчего свет, попавший через окно, тут же мерк. Посреди комнаты возвышался стол, накрытый на несколько персон, а за ним сидели люди. Колдун, открывший дверь, теперь внимательно разглядывал гостей. Хитрый взгляд и копна некогда рыжих волос, которые теперь были подернуты сединой, делали его похожим на старого лиса.

– Добро пожаловать, – послышался низкий женский голос из-за стола.

– Я привел Дмитрия Велеса, как и обещал, – откликнулся Волхв. – Дмитрий. – Он повернулся. – Это и есть наш предводитель.

Дима замер. Он еще раз пробежал взглядом по собравшимся, но не заметил никого, похожего на Берендея. Тот должен был быть огромным. С темными длинными волосами, с густой щетиной, с хищным оскалом на широком лице.

– Растерялись? – рассмеялся встретивший их человек, предлагая занять место за столом.

Волхв тем временем раскланялся и выскользнул за дверь.

– Я...

– Волхв предупредил, что вы жаждали встречи с Берендеем, но понимаете... мы не могли так рисковать. Вдруг вы бы решили присоединиться к нему, но, поверьте, это не так уж просто.

Дима опустил на стул, стараясь не выдать нарастающей паники. Колдун обошел стол кругом и примкнул к остальным. Теперь все они сидели напротив. Перед ними выселись яства и кувшины с напитками, все выглядело так, словно несколько знатных семейств собрались на праздничный обед. Только чужака – то есть его самого – за этим столом поджидала опасность. Он чувствовал плотно запертую дверь за своей спиной и понимал, что бежать уже некуда.

– Кто вы? – спросил он, чуть ослабив контроль и позволив им увидеть его волнение – в этой ситуации такая реакция была логичной.

– Бетотур и Нельга. – Старый лис указал на пару по правую руку от себя.

Только тут Дима всмотрелся и вздрогнул. Бетотур лишь на первый – беглый, невнимательный – взгляд мог показаться обычным человеком со странной прической и ритуальной раскраской лица. Теперь же читались и слишком широкая переносица, и глубоко посаженные черные глаза, и маленький круглый рот, из которого при улыбке выглядывали заостренные

зубы. Бетотур! Это имя... Оно выплывало из детских игр с мальчишками и девчонками из других знатных семейств... Писклявый одуванчик Муромец хватал фломастер и малевал на лице страшный оскал. «Я Бетотур! Я захвачу твой терем! Ты знаешь, я кое-кого с собой привел!» Диме навязчиво захотелось протереть глаза и смахнуть наваждение.

Бетотуру, молча глядевшему из-под тяжелых, каких-то даже рыбьих век, должно было быть лет сто, но возраст у этих существ считывался не столь очевидно. Нежить. Дивьи люди. Дима знал об их существовании, но со временем начал воспринимать слухи о бывших при-спешниках Милонеге скорее как сказки.

Он перевел взгляд на Нельгу. У нее было тело хрупкой сутулой старушки – оно досталось ей от смертных и дряхлеющих предков-магов. Но необычная форма головы с раздвоенной макушкой, расставленные чуть ли не к вискам глаза и тугая сероватая кожа выдавали в ней гены дивьих людей. «Вот какую тварь я притащил!» – победно хохотал в его воспоминаниях улыбочивый крепыш и выволакивал из-за спины совсем крошечную девчонку с ворохом выгоревших кудряшек. Мордашка ее была точно так же разукрашена чернилами. «Рычи, ну давай же!» – и Анисья Муромец скрючивала пальчики на манер когтей и нелепо рычала, подражая не то льву, не то дракону. Да, по легенде Нельга и Бетотур держали в подземельях хтоническое чудовище, воплощенную в теле тьму: именно оно некогда помогало Милонеге подчинять себе колдунов. Дима толком не знал, кто это был. Тварь упорно виделась ему милой чумазой девчушкой.

После смерти Милонеге какое-то время эта чета верховодила Старообрядцами, а потом залегла на дно. Если они и хотели когда-то объединить Темных под властью одной семьи, то у них не вышло. Они только разожгли борьбу, позволившую их врагам – Светлым – выиграть время. Старообрядцы, слишком давно жившие вольно, без объединений и свода правил, отказывались подчиняться нежити. Они не испугались ни жестокости, ни странной силы дивьих людей. Но тогда что эти существа делали здесь?

– А это Вея, позвольте представить.

Вея считалась самой могущественной из Старообрядцев до того, как власть захватил Берендей. Она утверждала, что является потомственной колдуньей рода Милонеге, и за ней охотно шли остальные маги. Он посмотрел в серые глаза колдуньи, и она сухо улыбнулась. Скорее всего, она была почти ровесницей его бабушки, о чем говорили возрастные морщины, опущенные уголки губ и длинные седые косы. Темный стоячий воротник и узорчатый плащ на плечах придавали ей монументальность. Справа ютился странного вида старикашка с несимметричными глазами, очень длинной и очень тонкой бородой, волосы на его висках торчали в стороны и так и норовили вылезти из-под чудной расшитой шапочки.

– Мои верные помощники, – сказала Вея. – Колояр и Геша.

Геша оказалась совсем молодой – не больше двадцати лет – девчонкой, вальяжно развалившейся в кресле и поигрывавшей брелочком с мелкими черепушками. Туго стянутые волосы и крупноватый для ее лица, словно немного припухший рот не позволяли назвать ее миловидной, но что-то в ее внешности все же притягивало взгляд. Наряд ее был сдержанный, на шее – бархатная лента с чьим-то портретом, но в глазах так и плясали искры. Она облизала пухлые губы и усмехнулась, нагло глядя на гостя.

– А это Огнеслав, – произнесла она и так взглянула на колдуна, который встретил Диму, что стало ясно – у Огнеслава с этой девчонкой что-то есть. – И сейчас мы возлагаем на него большие надежды.

Огнеслав. Это имя точно не было настоящим – приставлять стихии к корням имен когда-то давно было распространенной затеей, пока всех магов не начали звать примерно на один манер. Это Дима тоже помнил из детства – сегодня совершенно неожиданно брат и сестра Муромцы всплывали в его воспоминаниях особенно часто. «Ты будешь Землеройка», – дразнил Муромец и хохотал вместе с остальными детьми, которые всегда с радостью играли по его

правилам. «Я буду Камнедара! – выкрикнула разозленная Анисья. – А Землеройкой будешь ты, потому что каменная магия тебе не досталась!» Интересно, Муромец и впрямь тогда обиделся и выбежал из комнаты, или эту сцену теперь достраивало воображение?

– Очень приятно. Велес. – Наконец Дима взял себя в руки и кивнул им всем, пытаясь выхватить из образов как можно больше деталей. Ему показалось, что взгляд уцепился за что-то знакомое, и пришлось еще раз пробежаться по лицам, столу и нарядам. Огнеслав сидел во главе стола. Дима не чувствовал никакой магии, изменившей его внешность, а это могло значить лишь одно – Огнеславу хватало мудрости принимать свой возраст и не скрывать его. Дима был уверен – чем больше правды демонстрируешь, тем менее уязвимым становишься. Подходило все: разбитое сердце, стыдный поступок, возраст, телесный изъян или отсутствие знаний. Оттого Огнеслав внушал больше страха, чем хтоническая тварь в подземелье дивных людей.

– Мы знаем, кто вы, – сказал Огнеслав. – Очень польщены визитом. И, конечно, хотим поблагодарить за то, что вызволили из плена нашего старого друга Волхва.

– Только вот никак не возьмем в толк, зачем вам это! – нетерпеливо воскликнула Геша, сверкнув глазами из-под густых бровей. Ее губы плотноядно блестели. Из-за ушей выползли тонкие линии татуировок.

– Дмитрию придется объясниться, ему никуда от нас не деться, – ответила Вея.

– Безумно любопытно, с какой стати наследник одного из самых известных магических родов идет на такой шаг. Вы богаты, уважаемы, в ваших руках власть и старинные сокровища. – Колояр закивал лохматой седой головой, отвисшая кожа на его морщинистой шее затряслась.

Дима выжидал. Он заранее подготовил речь для Берендея, но теперь нужно было выиграть время, чтобы рассказать о себе что-то такое, чтобы эти люди его приняли. Он протянул руку за кубком, и Огнеслав охотно налил ему вина.

– Мы знаем, что вы зовете себя Светлыми, – добавил Колояр, и за столом пронеслись смешки, особенно это развеселило молодую девицу.

– И считаете нас отбросами, верно? – вдруг прошипела Нельга. Это было похоже на то, будто огромная змея научилась выговаривать слова. Дима снова вздрогнул. – Так зачем же такому славному птенчику покидать родное гнездо и бежать к нам?

Дима поднял кубок и пригубил вино. Он делал все неторопливо, позволяя колдунам изучать его, раскладывая на составляющие его магию. И прежде чем ответить, пытался понять что-то про сидящих перед ним. Как так вышло, что все они собрались вместе? Он всегда думал, что они враждуют, подсиживают друг друга, борются за власть, мечтают убить... Почему же сейчас они вели себя как приятели?

– Я... – наконец начал он, стараясь придать взгляду серьезности. – Я состою в Вече Старейшин. Это совет, который управляет Светлым сообществом.

– А не слишком ли ты молод для старейшины? – спросила Вея. Она сохраняла серьезность, но Дима почувствовал, что маги за столом готовы вот-вот рассмеяться. Сначала это сбило с толку, но внезапно он вернулся к своей стародавней уверенности в том, что такое поведение – лишь внешняя защита. Они не знают, чего от него ждать. Они ему не доверяют. И, возможно, даже боятся. Светлые слишком долго держались особняком, и их магия наверняка тоже обросла целой россыпью небывалых легенд.

Дима сделал вид, что не заметил колкости, и продолжил:

– Я тоже кое-что знаю про вас. И оттого мне странно видеть вас за одним столом.

– Ах, это. – Огнеслав довольно рассмеялся, Диме даже показалось, что по-доброму. – Ну конечно. Светлые считают себя самыми умными и не замечают того, что происходит у них под носом. Мы скормили им сказочку о вражде, и они – то есть вы – в нее поверили. На самом же деле мы лишь удачно изображаем борьбу за власть, что позволяет вам расслабиться.

– То есть вы... всегда были вместе? – Дима обвел взглядом колдунов.

– Ты же понимаешь, что после этой новости не сможешь отсюда уйти? – ошерилась Геша, переходя на «ты». Видимо, вся эта игра в церемонии была ей чужда.

– Я не собираюсь никуда уходить.

– Он дерзкий! – одобрительно хохотнула она. – Мне нравится!

– Тогда, может, вы все-таки расскажете нам, зачем искали встречи? – продолжил Огнеслав.

– Я искал встречи с Берендеем, а не с вами, потому что думал, что сейчас он объединил под собой кланы Старообрядцев.

– Он пытался.

– Но не вышло, – притворно вздохнула Вея, обратившись к Геше. – Он допустил совсем крошечную оплошность.

– Так зачем вам был нужен Берендей? Почему не сидится со своими?

– Мне не нравится то, что происходит в Светлом сообществе, – сказал Дима, взвешивая каждое слово. – Слово мысли колдунов уходит от главного. От магии. Семьи погрязли в борьбе за имущество и богатства. Все только и думают о выгодных браках да о балах.

Геша заинтересованно подалась к нему и уперлась грудью в край стола, но Колояр не дал ей задать вопрос.

– Чего же ты хочешь?

– Я хочу найти союзников, чтобы восстановить колдовство на родной земле. Не подумайте, я вовсе не желаю причинять вред своим собратьям – даже не буду пытаться обманывать. – Дима миролюбиво поднял руки.

– Но мы тоже не хотим никому причинять вред, – кивнул Огнеслав, прислушиваясь к его словам так же внимательно и тщательно, как Дима их подбирал.

– У Светлых много потенциала. Много талантливых магов, готовящихся к Посвящению. Есть артефакты и Водяная колдунья. Но мысли их устремлены лишь к материальным ценностям.

– Не понимаю, к чему ты клонишь, – сказала Вея. – А вы, друзья? Вы понимаете, что этот милый змееуст имеет в виду?

– Нужно собрать всех одаренных колдунов вместе. Неважно, каким принципам магии они следуют. Надо дать им понять, что магия – превыше всего. И этому новому сообществу понадобятся люди, готовые им управлять. Колдуны вымирают, разве не так? Нас становится все меньше. А Светлые только усугубляют ситуацию тем, что охотятся на Старообрядцев, не вступают с ними в контакт, а частенько и уничтожают их.

– Так значит, они все же убивают?! – сжал кулаки Колояр, и его худая борода затряслась. Но Огнеслав остановил его жестом.

Дима взглянул на его руки и едва не подавился – на одном из пальцев тускло сиял алатырь, вставленный в грубый перстень. Вот что с самого начала показалось ему таким знакомым! Не чье-то лицо, не утварь на столе и не деталь костюма. Это было кольцо. Такое же, какое носил Звягинов. Кольцо, которое открывало...

– Я знаю, к чему он клонит. Это же ясно, как день! – воскликнула Геша. – Он сам хочет встать во главе нового магического сообщества.

– Что? – опомнился Дима. – Нет. Управлять сообществом я мог бы и у Светлых. Этого мне не нужно. Я хочу лишь справедливости и возрождения истинной магии. Я могу помочь вам наладить контакт со Светлыми... – Он на секунду замолчал, подбирая слова, и продолжил: – Или заставить их сотрудничать. Я знаю уязвимые места самых могущественных родов. А управлять можете вы, если вам это интересно.

– Значит, этот план ты хотел предложить Берендею? – Ироничная улыбка осветила лицо Огнеслава.

– Именно.

– И на какой ответ ты рассчитывал?

– Я незнаком с ним. Но мои идеи не нашли поддержки у Вече. Поэтому выбора не осталось – только попытать удачу у Берендея.

– Что ж, ясно. – Огнеслав сложил на груди руки. – Не могу сказать, что мы тебе верим. Но и наивный план твой мне нравится. Ты нас потешил, признаюсь.

– Хорошо, – сказал Дима, холодея от страха и плохих предчувствий, но изо всех сил это скрывая. – Значит, я остаюсь.

– Я же говорю, дерзкий! – снова расхохоталась Геша. – Разрешите мне оставить его себе? Моим колдовкам понравится!

– Понимаю, что выбор у вас небольшой. Вы можете либо отпустить меня, либо принять мой план, либо убить. Отпускать вы не станете, но и убивать меня пока не за что. Мне придется остаться с вами. Я изучал право и историю колдовских сообществ, поэтому держу в голове много важных деталей, которые могут нам всем здорово помочь.

* * *

Митя впервые видел так много зареченских воспитанников на улице Росеника. К портальной станции они шли тремя растянувшимися вереницами. Те, что направлялись в Китеж, под предводительством Ирвинга шагали к огромному дубу, внутри которого начинался пространственно-временной туннель до Зорника. Лису же и тех воспитанников, которых она сопровождала в Дивноморье, неподалеку от портальной станции ждал ковер-самолет. Следом за ними шли их друзья и несколько наставников.

Митя нашел глазами сестру: ее лицо было печально с тех пор, как объявили об отъезде ее подруг в Китеж. Уверенный, что решение наставников вовсе не значило, будто Анисю на Боевой магии списали со счетов, он все-таки попытался поговорить об этом с Верой Николаевной. Пришлось признаться ей, что Анися расстроилась, и спросить, нельзя ли ему взять ее с собой в Дивноморье.

– Анисю Муромец? В Дивноморье? – переспросила главная наставница.

– Да. Там скалистая местность, много камня. Это путешествие пойдет на пользу ее силам.

– Конечно же, нет. Анися останется в Заречье. Я и так отправила нескольких воспитанников, которых, по моему мнению, не следует отрывать от места. Но Анися нужна мне здесь.

Так Митя еще раз убедился, что Велес ясно представляла предназначение каждого воспитанника. Но и это не смогло убедить сестру.

Лиса раздавала указания по поводу предстоящего полета, Заиграй-Овражкин тащил свою сумку к коврику-самолету, какие-то девчонки обнимались и обсуждали, в какой день свяжутся друг с другом, ведари договаривались присматривать за чужими питомцами. Митя хотел было к ним присоединиться, чтобы напомнить об уходе за коровой Гречкой, но передумал и направился к сестре. Ее подбадривающе держал под локоть Нестор Иванович, словно дедушка, опекающий любимую внучку. Митя обнял ее. Ему всегда казалось, что сестра сильнее него. Стойкая, гордая, смелая и упрямая. Но сейчас под его руками очутились лишь худенькая спина с чуть выпирающими лопатками да ворох пушистых кудрей. Анися уткнулась носом ему в грудь и замерла, словно обратившись в камень.

В этот миг ему и самому расхотелось уезжать. Она была самым родным его человеком, и оставлять ее одну в такой печали казалось неправильным. Он хотел что-нибудь сказать, но слова не связывались в предложение. Ни шутка, ни пожелание, ни признание не приходили на ум. Тогда он просто поцеловал ее в макушку.

Сквозь светлые кудри, закрывшие обзор, он заметил взволнованное лицо, обрамленное двумя рыжими прядями. Василису тоже хотелось обнять, но сделать этого он не мог. В Заречье оставались все колдуньи, с которыми он был связан тесными узами, – хотел он того или нет.

Анисья, Василиса, Марьяна Долгорукая, Велес. С кем-то из них его объединял обряд, с кем-то – родство по крови... Но от всех сразу ему предстояло уехать на неопределенный срок, чтобы, быть может, стать частью Союза Стихий или понять, что в этот Союз ему никогда не войти...

– Я буду скучать, – сказал он на ухо сестре, продолжая пристально смотреть на Василису.

Та резко отвернулась, сделав вид, что не видела его взгляда и не разобрала слов.

– Тебе пора идти, – буркнула Анисья. – Поторопись. Я попрощаюсь с Марго и Полиной.

– Не потеряй свой зеркальник. В ближайшее Полнолуние выходи на связь.

– Если я окажусь в Росенике... – пробормотала Анисья.

– Ты окажешься в Росенике! И подругам передай, пусть к полудню выберут тихое место в Зорнике, чтобы все мы смогли поговорить.

* * *

Ровная гладь топей усыпляла. Тишина здесь стояла совершенно иная, не похожая на тишину ночного леса в Заречье. Все было словно мертво, но пряный аромат моршки полз вдоль деревянных настилов. Мягкий ковер мха оставался неподвижен. Ветра не было: ни травинка, ни тонкий стебелек пушицы не вздрагивали от шагов. Все было спокойно, вечно-спокойно... Так спокойно, что становилось страшно. И в этом крылась особенная магия. Полина ее чувствовала, как чувствовала бы бурлящую реку или море. Вода здесь пропитывала все, хоть и скрывалась от взгляда. Доски настила мягко и беззвучно пружинили, и казалось, что под ними не переплетение лишайников, а безмолвные черные воды.

Маргарита поежилась и замедлила шаг.

– Что там вдалеке? Холм? – прошептала она.

– Кажется... Похож на груды огромных камней.

– Китеж-град. Это он, – обернулся Ирвинг.

Холм действительно состоял из больших круглых валунов, покрытых светлым лишайником. Пока колдуны приближались, сам он почему-то не рос, а растекался в стороны, камни уже не выглядели наваленными друг на друга, они плотно сидели в болотной топи, обросшие кустами черники. Каждый из них был огромным и бархатно-гладким, хотелось их всех обнять, как живых. Маргарита даже дотронулась до одного рукой, чтобы убедиться, что это и впрямь не теплая спина огромного спящего великана, дышащего так медленно, что и не заметишь.

Между камнями был проделан узкий и с первого взгляда совершенно невидимый проход. Ирвинг поднял повыше кристалл-световик, обернулся к воспитанникам и поманил рукой. Цепочку замыкала Черная Курица.

На тропе, проложенной среди валунов, причудливо мелькали блики от двух светильников, под ногами стелился туман, оттого не было видно, что представляет собой земля. Маргарите мерещилось, что вот-вот под ступней блеснет трясина и затянет ее.

Впереди показались огни, их теплый свет заставил воспитанников улыбнуться. Они пришли. Достигли земель Китежа. Круглые камни остались за спиной, и тот, кто успел обернуться, заметил, что никакой тропы между ними уже не было.

Теперь перед воспитанниками Заречья лежала твердая земля, устланная сосновыми иглами, а впереди поджидали гостей жители Китежа. Первым с плоского камня, напоминавшего стул, поднялся Аристарх Назарович – главный наставник. Его Полина и Маргарита помнили еще с Русальего круга. Он был невысокий и коренастый, сам похожий на круглый валун. Сейчас он улыбался и с распростертыми объятиями встречал Ирвинга и Черную Курицу. Вместе с ним ждали две колдуньи. Первая – очень старая и худая, с волосами, похожими на туман. Она чем-то напоминала Ягу.

– Это наша Ябме, – уже представлял наставник Аристарх Назарович, обращаясь к новоприбывшим воспитанникам, но сам поглядывал на Водяную колдунью.

Полина смутилась и посмотрела на предводителя Светлых магов. От нее не укрылось, что он заслонял собой Маргариту. Неожиданная мысль вдруг озарила ее, но поделиться ей с подругой она пока не могла, поэтому вновь прислушалась к словам Аристарха Назаровича.

Второй колдуньей оказалась шаманка-нойда, кругленькая и улыбчивая. И если Ябме походила на родственницу Яги, то эта вполне могла оказаться сестрой Кассандры Степановны. Такая же черноволосая, она отличалась лишь разрезом глаз и более ласковым выражением лица. Но телосложение, возраст и даже наряд намекали на то, что если они и не родные сестры, то хотя бы дальние родственницы. Могло ли так получиться, что все наставники тут словно зеркалили своих зареченских коллег? Об этом тоже стоило поговорить с Маргаритой.

Пока Екатерина Юрьевна представляла наставникам ребят из Заречья, среди редких сосен выросла новая группа людей. Полина урвала момент и шагнула к Маргарите, но не успела ничего сказать: ее едва не сбили с ног и схватили в охапку. По взметнувшимся темным волосам и голосу: «Неужели! Неужели мы снова встретились?» – она узнала Айсулу и, отстранив ее от себя, с удивлением рассмеялась.

– Что ты здесь делаешь? – Теперь Маргарита оказалась в объятиях колдуньи, с которой они познакомились и провели целых две лунных четверти на Русальем круге. – Ты же должна быть в Небыли!

– Меня отправили сюда! Как я рада, что вы тоже в Китеже!

– Да уж, теперь нам точно будет спокойнее – хоть кого-то знаем.

– А как же Антон? Его вы не помните? – спросила Айсулу, и все трое рассмеялись.

– А разве он еще не стал Дружинником Ирвинга? Или председателем Вече? – пошутила Маргарита.

– Не поверишь, но его отправили в Заречье.

Они двинулись к домам, чтобы бросить вещи и успеть к ужину. Сначала по бокам тянулись редкие сосны, вскоре они зачастили, под ногами захрустел черничный ковер. На тропе появился большой указатель, согласно которому вся процессия направилась в сторону Черной вараки, оставив где-то в стороне Колоколову гору.

Между стволами стелился сырой запах грибов. Кое-где разноцветный лишайник покрывал землю, в нем уютно нежились камни со скользкими влажными спинками. Воспитанники Китежа выскакивали из-за сосен то тут, то там. Многие кутались в смешные лохматые накидки, украшенные птичьими перьями. Маргарита сразу отметила, что перья на них разные – черные вороньи, рябые с синими переливами – из хвоста сороки, рыжие ястребиные и, конечно, мягкий пушок, который легко можно было найти в курятнике. Значит, здесь тоже собирали птичьи перья и считали эти находки добрым знаком. Маргарита помахала магам, выплывшим из вечернего тумана, они ответили ей тем же.

Отсюда было слышно, как бодро и увлеченно Аристарх Назарович рассказывает Ирвингу о Боевой магии и своих воспитанниках, как по-доброму смеется кругленькая нойда, но Маргарите вовсе не хотелось сейчас вслушиваться в их речь. Тонкие, уходящие в небо сосны напоминали ей о доме, фигуры людей плыли словно во сне. Само пространство этого места ощущалось иначе. Оно не было похоже на просторное Заречье – ни по запаху, ни по виду, ни по магии, струящейся из-под земли.

Наконец сосны расступились, впереди показались всполохи огня и потянуло ароматом еды. Отчетливее донеслись шум голосов, смех и – к удивлению Маргариты – бой барабана. Очевидно, процессия приближалась к столовой, и кто-то планировал дать там концерт в честь приезда гостей. Но она увидела, что ошиблась, когда Аристарх Назарович вдруг объявил:

– Ребята, отведите наших гостей в их комнаты и скорее возвращайте к ужину.

Перед ними лежала широкая поляна, наполовину укрытая крышей на тонких изогнутых столбиках. В середине крыши виднелась круглая дыра, и ровно под ней горело несколько каменных очагов. На жаровнях, закрепленных над огнем, уже готовилась рыба. Вокруг суети-

лись воспитанники всех возрастов. Кто-то давил ягоды, кто-то заваривал чай с брусничным листом, одни резали овощи, другие несли откуда-то уже готовый румяный хлеб. Все они обернулись и дружно загомонили, едва Аристарх Назарович и небольшая толпа зареченских магов во главе с Ирвингом приблизились.

– Тут они едят, – зашептала Айсулу. – Почти всю еду готовят на огне. Есть еще небольшое помещение с печами, но, как мне показалось, местные весь день предпочитают проводить на улице.

– А зимой? Холодно же! – заметила Полина, поежившись. Здесь вообще было прохладнее, чем в Заречье, словно со спины подкрадывался ноябрь.

– Посмотрим. – Айсулу пожалала плечами. – После Дивноморья тут уже будто зима!

Прямо за поляной дорога раздваивалась.

– Теперь нам надо разделиться, – сказал один из парней, сопровождавших гостей вместе с наставниками. – Гнездо вон там, а Костяной дом – в другой стороне.

Полина и Маргарита вспомнили, как на Русальем круге Мила и Антон рассказывали о женском и мужском домах. Совершенно непривычно было думать, что теперь им предстояло жить не в крохотной уютной избушке, а в каком-то общем доме.

Гнездо – женский дом – пряталось в ветвях. Лес стал смешанным, несколько старых деревьев баюкали в лапах теремок с коньком на крыше и множеством пристроек. К нему вели две лесенки, кое-где приделанные прямо к стволам, но в некоторых местах нависавшие над пустотой. Крутой скат крыши был увенчан гирляндами из кристаллов. Терем празднично сиял.

– Это почти избушка на курьих ножках, только вместо ног – высоченные деревья, – улыбнулась Полина.

Девушки поднялись вслед за Екатериной Юрьевной. На входной двери висел венок из тонких прутьев, мха и засушенных ягод, а над косяком были вырезаны рунограммы. Черная Курица постучала, на порог выскочила юная колдунья. Личико ее было разрисовано знаками, на шее позвякивали бусы из косточек.

– Привет! – Она распахнула дверь.

Гостей ждала просторная комната с креслами и столом. Под потолком благоухали пучки засушенных трав. Повсюду были оставлены вязание, книги, рассыпанные руны, карандаши и амагили. Комната заполнилась длинноволосыми девушками: они выходили из дверей, расположенных с двух сторон.

– Принимайте гостей, – сказала Екатерина Юрьевна потеплевшим голосом.

Маргарита с Полиной обнимались со всеми, кто оказывался рядом, представлялись, пожимали руки и целовались в обе щеки. Наконец, когда с приветствиями было закончено, воспитанницы повели гостей по комнатам. Полина с Маргаритой так и остались в сопровождении Айсулу, но теперь к ним присоединились деловитая снежинка Аксинья и юная Матреша с добрым, улыбочивым лицом.

– Ваша спальня. – Аксинья отворила одну из дверей и вошла вслед за гостями.

Комната удивила необычной планировкой. Кровати находились на разных уровнях, отовсюду выглядывали лестницы и всевозможные тумбочки и ящички, на которые можно было опереться, чтобы добраться до спального места. Широкое окно выходило прямо на готовящийся к ужину двор. Дверь снова отворилась, и незнакомая девушка ввела в комнату Асю Звездинку и Синеглазку.

– Девочки точно будут жить... вместе? – по-хозяйски спросила Аксинья вошедшую воспитанницу.

– Рана так распределила, – словно сомневаясь, ответила та. – Смотрительница Гнезда, – пояснила она, повернувшись к гостям.

Маргарита с Полиной переглянулись. Они помнили, что рассказывала Мила о жизни в Китеже. Представители древних родов тут предпочитали не вступать в близкую дружбу с другими магами. Наверное, и в общих комнатах они не жили.

– Все в порядке, – ответила Маргарита, успокаивая растерявшихся колдуний. – Нас все устраивает. Да, Ася? – Она подмигнула Звездинке с самой дружелюбной улыбкой, которую только смогла изобразить.

– Да, конечно. Какие кровати свободны?

– Выбирай любую. Мы только вошли и еще ничего не заняли.

Пока Синеглазка с Звездинкой долго и придирчиво выбирали, где спать – будто в комнате действительно имелось какое-то самое лучшее место, – Полина и Маргарита выскользнули за дверь. Проще было вернуться после ужина и занять те кровати, что остались свободными, а не ждать целую вечность решения Аси. Заодно у них появилась минутка, чтобы поговорить.

– Знаешь, что я заметила, Марго? – начала Полина, тайно радуясь, что гостиная к этому времени опустела и никто их не слышит. – Пока Аристарх Назарович разглядывал меня и не скрывал своей радости от того, что наконец-то заполучил в Китеже Водяную колдунью, Ирвинг загоразживал от него тебя.

– Правда? Зачем? – Маргарита удивленно почесала подбородок. – Наверное, чтобы Аристарх не заметил серпа? Вдруг он знает что-то про Серп Мары?

– Возможно, но... Ты понимаешь, это же гениальный план! По-моему, все говорит о том, что ты не просто хранительница серпа. Ты – его хозяйка.

– Как это связано с тем, что Ирвинг закрывал меня от Аристарха? – нахмурилась Маргарита.

– Когда ты находишься рядом со мной, все обращают внимание на меня – на Водяную колдунью. Редкость моей магии – самое лучшее прикрытие для тебя. Тебе так не кажется?

– Хочешь сказать, что Велес настолько хитро все продумала? Поселила нас вместе, чтобы отвлечь внимание от серпа?

– Конечно! – воскликнула Полина.

– Ты опять недооцениваешь себя и свои способности. – Маргарита покачала головой. – Твоя важность неоспорима. А по твоей версии выходит, что серп и я – как его хозяйка – гораздо важнее тебя. И тебя можно выставлять напоказ, только чтобы обезопасить меня...

– Не совсем так, Марго! Я думаю, Велес прекрасно понимала, что я в любом случае буду выставлена напоказ, как ты выразилась. Даже если бы меня пытались всячески прятать... Знание людей о том, что я владею магией Воды, все равно рождало бы любопытство. Я обречена на их внимание. Тогда почему бы Ирвингу и Велес этим не воспользоваться?

– Хм... что ж. Признаюсь, хотя бы крошечная вероятность того, что серп проснется в моих руках, внушает облегчение, – сказала Маргарита. – Мне было бы обидно оказаться просто его хранительницей. Но сама мысль, что Велес и Ирвинг могли так обойтись с тобой, мне не по душе.

– Правда? А по-моему, дальновидно...

– Ох, Полина-Полина!

Они вышли из дома и очутились на лестнице, круто ведущей вниз между закрученных древесных стволов. Кора с глубокими бороздами образовывала причудливый рельеф, будто искусный мастер высек все ландшафты планеты. Ближе к земле деревья покрылись нежным голубым лишайником и теплым мхом. У корней тесными кучками ютились поганки.

– Не могу свыкнуться с мыслью, что сейчас мы не встретим Анисью и Васю. – Полина огляделась по сторонам.

– И здесь даже не будет Фаддея, который смотрел бы на меня с другого конца столовой и корчил томные физиономии... – с театральной горечью воскликнула Маргарита.

– Над чем это вы смеетесь? – Айсулу догнала их в двух шагах от женского дома. – Идем скорее, я умираю с голоду!

Под широким навесом теперь толпились люди. Все были возбуждены от приезда гостей из других городов, и Маргарита догадывалась, что сегодня не раз придется рассказать об укладе жизни в Заречье, об избушках на курьих ножках, наставниках, дружбе с Муромцами и всем остальном, что могло волновать местных. Разглядывая их, она наткнулась глазами на Женю Рублеву. Та узнала ее и коротко кивнула.

– Интересно, если жена Рублева откуда-то меня помнит, это значит, что я удостоена чести подойти и поболтать с ней? – язвительно прошептала Маргарита на ухо Полине.

– Богиня Смерти может подойти и поболтать с кем угодно, – ответила Полина.

– Ха! Если я так и скажу ей, это будет вежливо?

Ребята рассаживались на плетеные лежаки, укрытые толстыми колючими пледами, широкие пни и старые сани. Аристарх Назарович уже расхаживал между ними, заглядывал под крышки котелков и раздавал указания, куда нести запеченную рыбу.

– Кто сегодня ответственный за кухню? – недовольно вопрошал он, оглядываясь.

Полина произвольно поежилась, вспомнив, каким строгим он был на Русальем круге. Наверное, обитателям Китежа жилось непросто.

– Тоже мне, главный наставник! Не может запомнить, кто и когда отвечает за кухню! – вдруг ответила Аксинья, заставив Полино лицо вытянуться от недоумения.

– А что ты хочешь, я старый человек! – отмахнулся Аристарх Назарович и пошел к следующему очагу.

– Так вот и занимайтесь своими делами, а не кухонными, – обиженно воскликнул какой-то паренек, по всей видимости, поставленный следить за рыбой и сделавший что-то не так.

Маргарита с Полиной изумленно переглянулись.

Жизнь в Китеже начинала казаться совсем не такой, к какой они привыкли в Заречье.

Через пару минут их уже окружили, на большом подносе появились приготовленная с травами и специями рыба, густой грибной суп, овощи с хрустящей корочкой, горячий серый хлеб и плотные глиняные кружки с ягодным напитком. Маргарита, Полина и Айсулу налетели на еду.

– Это бабушка Ябме, Ябме Акка, – сказала круглолицая Матреша, указав на высокую сухую старушку с мутными, словно невидящими глазами. – Она рассказывает легенды старого мира и истории о потусторонних.

– Что за имя такое странное? – спросила Маргарита.

– Не страннее Яги, – пробормотала Полина.

– А это что за наставник, похожий на грустного моржа? – Маргарита разглядела в толпе рядом с бабулей Ябме такого же высокого и сухого старика с раскосыми глазами и длинными седыми усами, свисавшими до груди.

– Моржа? – Девушки и парни перемигнулись. – Это наставник по Огненной магии – Каврай Степанович.

– По Огненной? – удивилась Маргарита.

– Ну, не Македонов, конечно, но тоже ничего, – улыбнулась Полина, не заметив, как Маргарита вздрогнула. Почему-то шутить про Странника у нее больше не получалось. Каждое напоминание вызывало мысли о записке, что он передал ей, и ее ответе.

– Да, зареченский наставник просто красавчик! – подхватила Айсулу.

– Ты его знаешь? – воскликнула Маргарита.

– Марго, она видела его на Русальем круге. Он же был там, забыла? – Полина рассмеялась над странным выражением лица подруги. – Кстати, а кто такие нойды?

– Ведуньи, которые обитали в этих землях задолго до появления Светлого колдовства. Нойда Пуна – целительница, и еще у нее можно научиться старинным обрядам. Улььна и Ллель тоже выходцы из этого волшебного народа. Как и Каврай.

Полина снова принялась рассматривать местных. Ей казалось важным увидеть и запомнить как можно больше людей, особенно наставников. Так она смогла бы подготовиться к жизни в Китеже. После случившегося на Боевой магии ее все еще одолевал страх. Она ждала очередного приступа, хотя ни Жаба, ни Даниил Георгиевич, навестивший ее в лазарете, не нашли в ее состоянии ничего необычного. Она была уверена, что внезапная боль, непрошенная эмоция или чужое колдовство могут его спровоцировать. Казалось удивительным, что та атака Заиграй-Овражка ничего ей не сделала. Да, швырнула об дерево и лишила сознания, но не вызвала приступ. Порванная мышца на ноге и ушибы не шли с проклятием ни в какое сравнение. И тем не менее любопытство брало верх – что такое наколдовал Сева? Как у него это вышло?

Воспитанники Китежа тем временем расспрашивали Маргариту о дороге из Росеника, и та подробно описывала пространственно-временной туннель с креслами, летевшими прямо в темноте. Кресло то ухало вниз, словно срывалось в пропасть, то подскакивало и замедляло ход. В подлокотник был встроен кристалл-световик, но темноту он не рассеивал. Его четкий белый блик падал лишь на саму Маргариту. Тогда она достала из сумки книгу и попыталась читать, но ее почти сразу же укачало.

– Я никогда не пользовалась туннелем такого типа, – воскликнула Матреша. – Сколько длилось перемещение?

– А ты слышала какие-нибудь звуки по дороге?

– Все кресла ехали прямо друг за другом? Или рядом? Или это какая-то сложная временная магия и все они находились на одной и той же колее в одно и то же время?

– Дурак, такое невозможно!

– Говорят, такое под силу только сильному Водяному колдуну, за время же отвечают именно они.

До Полины долетали обрывки фраз, взгляд блуждал по лохматым накидкам, толстым вязаным пледом, которыми укрывались ребята, котелкам с грибным супом. Возле двух девушек она с изумлением разглядела скелеты кошки и волка.

– Здесь, на севере, есть костяные маги, – объяснила Матреша. – Они буквально везде находят кости и могут по ним колдовать: предсказывать будущее, читать прошлое, а иногда и воссоздавать временных волшебных помощников. Этот кошачий скелет уже год таскается за Лёллем. Если интересно, можете порасспрашивать его самого. Здесь этому специально не учат, считается, такие способности передаются только детям некоторых семейств.

– Обязательно расспрошу, – загорелась Маргарита.

Полинин же взгляд зацепился за еще одну необычную фигуру. На другом краю поляны верхом на белом олене сидел парень и пристально глядел прямо на нее. Волосы его были так белы, что казались припорошенными снегом, на лице не выделялись ни брови, ни ресницы, а направление взгляда бледно-голубых глаз угадывалось лишь по их блеску.

– А это... кто? – прошептала Полина.

– Ёгра. Он уже прошел Посвящение, но все еще живет в Китеже. Сильный друид.

– Редко встретишь его на общем ужине, – подхватила младшая девчужка, чьего имени Полина пока не знала. – Он одиночка. Общается только со своей белой важенькой, и все.

– И он входит в Союз Стихий, – с придыханием закончила Матреша.

– В Союз Стихий? – оживилась Маргарита. – В какой-такой?

Полина тоже повернулась к девушкам, но теперь не могла отделаться от неловкого ощущения, что этот парень продолжает на нее смотреть – пылливо и внимательно.

* * *

До Небыли ковер-самолет летел несколько часов. Иногда он нырял в пространственно-временной туннель, а появлялся снова уже через сотню километров. Вместо того чтобы предвкушать морской воздух и теплое солнце, Митя почти всю дорогу думал о сестре, лишь изредка отвлекаясь на разговоры. Сева спал. Несколько раз он беспокоило вздрогнул под плащом, но Митя видел, что веки его плотно сомкнуты. Сам же он возвращался мыслями к Анисье, а после по цепочке вспоминал Заречье, Василису, Полину с Маргаритой и свой разговор с Велес. Идея с обменом воспитанниками между городами, с одной стороны, была любопытной, но с другой – все же виделась ему странной. Выбор наставников явно не был логичным, или же Митя руководствовался совершенно иной логикой. Дивноморье представляло собой соединение двух сил: Камня и Воды, но ни Каменную ведьму, ни Водяную туда не отправили. Полина уже, должно быть, достигла Китежа, а Анисья печалилась дома, считая себя несправедливо обиженной. Он не сомневался, что Вера Николаевна вообще не разделяла идею этих перемещений. Было ощущение, что она пошла на уступки двум другим главным наставникам и потому согласилась отправить своих воспитанников в Китеж и Дивноморье.

Когда ковер-самолет стал снижаться, Сева снова вздрогнул и открыл глаза, почувствовав изменившийся ветер. Зареченцы свешивались вниз, разглядывая проплывавший под ними город. Воздух пах солью и водорослями, а еще выжженной зноем листвой. Ковер опускался все быстрее и наконец приземлился на каменистом пляже: там уже ждали трое. Митя узнал забавного Августа Адамовича и нашел взглядом лысую кошку, пригревшуюся на камнях. Справа от главного наставника сдержанно улыбалась Ирина Романова, местная целительница и дальняя

родственница Митиной матери. Митя кивнул как можно дружелюбнее, и она просияла, узнав его среди воспитанников. Слева же от Дивномора хитро шурилась колдунья, чей возраст с трудом можно было определить. Поначалу она показалась совсем молодой, как Елена Рубцова. Но когда она подала руку Дарье Сергеевне и помогла той спуститься на берег, внешность ее словно бы поменялась. Митя взгляделся. Темные с медным отливом волосы спадали по плечам крупными завитками. Было в ее облике что-то роковое и смущающее и вместе с тем такое привлекательное, что трудно было оторвать взгляд. Через секунду он был уже уверен, что женщина – ровесница его родителей, а то и старше. Дивномор представил ее воспитанникам.

– А-а, – протянула она вопросительно: голос у нее был грудным, мягким, хотелось к нему прислушаться. – Кто же это у нас? Заиграй-Овражкин! Знаем-знаем такого.

Она подошла ближе и повернулась к Мите.

– Здравствуйте, Дмитрий. Неожиданно и приятно видеть вас в нашей деревне. Баба Луца.

– Простите? – поперхнулся Митя, с которым реальность снова сыграла злую шутку: колдунья опять походила на едва прошедшую Посвящение девчушку.

– Баба Луца. Так меня зовут.

– А... Ясно.

– Я сестра Яги, вы же знаете? Как там поживает моя старшая?

Тут в разговор вклинился Дивномор и заторопил ее, что-то тараторя про лодки. Баба Луца пронзительно свистнула.

Слева начиналась гряда скал. Они выползали из моря и прыгали к небесам, образуя крутой отвес. Оттуда уже двигалась вереница пустых лодочек. Лодки подплыли к берегу, и волна выкатила их прямо к ногам.

Митя с Севой прыгнули в просторную лодку вслед за Бабой Луцой. Она вытянула ноги, оперлась спиной о борт и прикрыла глаза, подставив лицо теплomu ветру. Она знала, что несколько пар глаз ее разглядывают, но не шевелилась. Наконец, Юна, сидевшая между Митей и Севой, спросила:

– Извините, пожалуйста, вы сестра Бабы-яги, верно я услышала?

– Да.

– У вас тоже можно научиться готовить снадобья?

– Ах, нет. – Тут она улыбнулась, поправив полупрозрачные юбки, которые разлетелись от ветра. Под платьем ноги ее были обтянуты тугими темными штанами, но подступившая осень не мешала ей ходить босиком. – Я наставница по женской магии.

– По женской магии? – переспросила Юна.

– Вы делите магию по полам? – не понял Сева.

– Не совсем. Я считаю, что женские круги, которые у вас собираются в Полнолуние или Новолуние, нужны гораздо чаще. И что все мы – сестры – можем делиться своими тайнами друг с другом не только в дни крови.

– И что вы делаете на этих кругах? – уточнила Юна.

– Узнаешь, дорогая! – засмеялась Баба Луца. – Завтра. Когда придешь ко мне вместе с остальными девушками.

– А мы? Как мы узнаем, что это за женская магия? – подал голос парень с другого конца лодки.

– А нужно ли тебе это? – спросила Баба Луца и снова прищурилась. Митя заметил, что смотрит она почему-то на него, а не на Сашу, который задал вопрос, и глаза ее сверкают лукавством.

– Мужская магия у вас тоже есть? – спросил Сева. В ее словах сквозил подвох, но Сева не смог бы объяснить, в чем он состоит – мысли наставницы были надежно защищены.

– Нет надобности, – лукаво ответила Луца.

– Несправедливость какая-то!

– Не совсем так. – Теперь она наклонилась вперед, словно желая, чтобы все присутствующие ее точно услышали. – Мы зовем это женской магией не потому, что женщины Дивноморья решили из вредности объединиться и делать что-то отдельно от мужчин. А потому что сила, нужная для этих практик, есть чаще всего только у женщин. Не скрою, иногда ею обладают и мужчины, но это случается крайне редко. Если такой найдется среди вас, он обязательно узнает, что мы там делаем.

– А остальным остается только умереть от любопытства! – не выдержал Митя, и ребята в лодке рассмеялись.

– Для остальных это отличная возможность пережить неопределенность и да, любопытство. В этой жизни мы узнаем далеко не все, что нам хочется.

– Слушай, Муромец. – Сева понизил голос до едва различимого шепота. – Я тут вот что подумал. Раз ты выбрал верность старым традициям и твоя свадьба теперь не за горами, давай сделаем так, чтобы эта поездка в Дивноморье нам запомнилась. Наполним ее развлечениями!

– Какими развлечениями? – уточнил Митя, не в силах сдержать улыбку. Его обрадовало, что хмурый и сонный Сева вдруг подал голос и более того – предложил идею, которая хоть немного примиряла с действительностью. Ему и в голову не пришло, что друг на самом деле беспокоится не только о нем, но и о самом себе.

– Какими? Посмотрим по обстоятельствам. Но пообещай, что не станешь избегать местных красоток, которые проявят к тебе внимание.

– Ну, хорошо, – согласился Митя. Кто знает, может быть, это и впрямь поможет. Поможет не думать о Василисе, не сомневаться ежесекундно в правильности своего выбора...

Лодки привезли гостей к отвесной скале. Волны били о камни у ее подножия грозно и оглушительно, соленая пена разлеталась каплями, но не долетала до людей. Лодки упорно шли носами прямо в стену, и лишь в самый последний миг перед столкновением стал заметен узкий проем, ведущий в грот. Своды пещеры блестели от влаги и соли, здесь резко пахло йодом, но вдыхать этот тяжелый запах почему-то было приятно. Лодки ползли по спрятанному в пещере озерцу. Их целью был каменистый берег, таинственно подсвеченный единственным солнечным лучом. Спрыгнув на хрусткие камни вперемешку с ракушками, Митя огляделся. Свет шел из глубины скалы и несколько раз преломлялся. Август Адамович что-то весело напевал себе под нос, его кошка юркнула за ближайший осколок камня, и все гости цепочкой потянулись за наставниками. Лиса пропустила своих воспитанников вперед, дотронувшись до каждого по очереди, словно оставляя невидимую метку.

Спустя четверть часа узкий проход между влажными стенами скал начал светлеть и расширяться, вновь подул морской ветер и послышались крики птиц.

«Чайки», – понял Митя.

Он прислушался к их веселому хохоту, но эти звуки перекрыли восхищенные возгласы друзей, которые шли впереди и уже успели вынырнуть из каменного ущелья. Он оглянулся на Севу, улыбнулся, но не встретил никакой реакции. Заиграй-Овражкин выглядел все таким же отстраненным и задумчивым, будто его мучила какая-то опустошающая мысль.

Через мгновение все залил розовый свет и наверху распростерлось небо с пушистыми периковыми облаками.

– Добро пожаловать в Дивноморье, – приговаривала Ирина Романова, кивая каждому воспитаннику, который появлялся из каменного туннеля.

Впереди лежала деревня, которая больше походила на старинную крепость. Вверх бежали крутые утесы, увитые тропинками, вниз скатывались сады и беседки. На разных уровнях высились узкие расписные башни с флагами и лентами. Море лизало остров со всех сторон, и в одном месте над поверхностью торчала поломанная мачта старинного корабля.

Митя обернулся: ну конечно, за ним уже не было никакой огромной скалы, только на фоне массивных камней выделялся округлый дольмен, а дальше снова тянулось спокойное

море. Если можно было на время отвлечься от мучивших проблем, то это место было самым подходящим. По крайней мере, так ему казалось.

– Так это остров! – воскликнул кто-то из зареченских воспитанников.

– Остров, которого нет... на картах!

Для гостей дивноморцы устроили настоящий пир. Не успели Митя с Севой разместиться на первом этаже одной из башен (верхние этажи занимали девушки), как их разыскали Мила и Майя – старые знакомые по Русальему кругу – и братья Романовы и повели в столовую. Она располагалась в недрах того самого затонувшего корабля, который Митя заметил раньше. На берегу уже собралась толпа голодных и воодушевленных ребят.

– Чего мы ждем? – наконец подал голос Сева, чуть оживившись. – Чтобы добраться до корабля, нам нужен какой-то транспорт? – Он озадаченно глядел на покачивавшийся над водой обломок грот-мачты и пытался представить себе столовую в трюме разбитого судна.

– Да, кельпи, – ответила Майя.

– Кельпи? – воскликнул Митя. – Не может быть!

Он уже заметил на вершущке ближайшего утеса резвящихся единорогов и взмахи широких крыльев пегасов, слышал доносившееся до берега лошадиное ржание и очень хотел в первую свободную минуту отправиться на конюшни. Но кельпи! Кто бы мог подумать, что дивноморцы раздобыли и их!

– Откуда здесь взяться этим существам?

– О, ты же знаешь, здешние любят все необычное! – отозвался Николай Романов, старший из братьев. – Кельпи завезли давненько.

Воды у берега вздыбились, и в вихрях тягучей пены показались белоснежные лошадиные головы.

– Это же Водяная магия, да? – спросила Сева, чуть нахмурившись. – Как лошади повезут нас под водой? Ладно меня, Воздушного... Но как не задыхаются остальные?

– Кельпи доставят тебя к кораблю за несколько секунд, – отозвался Николай. – Ты просто не успеешь наглотаться воды. Но в целом ты прав, кельпи – духи морей, они связаны с Водяной магией.

– То есть прийти на ужин в мокрой одежде тут нормально? – уточнил Митя, наблюдая за другими воспитанниками: те погрузились в соленую воду по грудь, оседлали кельпи и исчезли в пучине.

– Раньше все сушили одежду с помощью колдовства, прежде чем войти в зал, – пояснила Майя. – Но теперь для этого появился специальный работник – Огненный маг! Он колдует, пока ребята проходят мимо, и одежда высыхает в два счета. Иногда, правда, остаются соляные разводы. – Она бросила взгляд на темную Севину рубашку, прикидывая, как та будет выглядеть после встречи с морем.

Пена снова зашипела и превратилась в лошадиную голову. Хищные глаза напоминали глаза пегаса. Митя шагнул в воду, штаны его сразу намокли, ткань отяжелела, холодной влажной змеей обернулась вокруг ног. Он вытянул руку, нащупывая под водой спину лошади. Под пальцами заструилось что-то гладкое, больше похожее на чешую, чем на короткий мех. Существо смиренно колыхалось в легких волнах, позволяя незнакомцу ощупать его и забраться верхом. Как только это произошло, кельпи выскочила из воды, дав всаднику шанс набрать побольше воздуха, и нырнула – только мелькнул на фоне закатного солнца раздвоенный рыбий хвост.

Ощувив давление воды, Митя открыл глаза и от удивления разом выпустил из легких весь воздух. Море на глубине переливалось драгоценными оттенками изумрудов, сверху же сыпались медово-красные блестки раздробленного солнца. Вокруг затянутого бархатистыми водорослями корабля сновали стаи мелких рыбешек, а с обеих сторон мчались ко входу извивающиеся белые кельпи: не то кони, не то змеи, не то чудо-рыбы. Отчаянно захотелось вдохнуть,

и как раз в этот миг кельпи взбрыкнула и скинула седока точно к распахнувшейся двери старого судна. Митя кубарем перекатился через порог, услышал хлопок двери и, не сдержавшись, сделал вдох. К счастью, вокруг уже никакой воды не было. Перед ним лежала просторная комната, оббитая деревом, на потолке покачивался фонарь, а с пола поднимались еще несколько человек.

– Проходим-проходим, не толпимся! – раздался бодрый и такой знакомый голос, что Митя не поверил своим ушам.

Он обернулся и оторопел. У двери, к которой стекались промокшие до нитки дивноморцы, стоял Егор Маливиничок. Он с важным видом двигал руками, создавая потоки теплого воздуха, и одежда магов, проходивших мимо него, высыхала.

– Теперь вы, – деловито сказал Маливиничок, обращаясь к Мите, и снова замахал руками. Митя не спускал с него глаз, не в силах справиться с удивлением. – Ну все, гото... – Бывший зареченский наставник поднял голову и осекся. – Муромец?!

Казалось, он тоже не мог поверить своим глазам. Он растерянно заморгал.

– Муромец? Что вы здесь делаете? – И, не дождавшись ответа, нервно огляделся, будто видел эту комнату впервые. – Где... где я?

– Не волнуйтесь, вы в Небыли, – раздался над Митиным плечом голос Севы.

– Тогда что вы...

– Мы здесь в гостях, – пояснил Заиграй-Овражкин.

– Фу-у-ф! – Маливиничок шумно выдохнул. – А то я вдруг подумал... Мне показалось, что... Ладно-ладно, проходите. Задерживаться нельзя.

Друзья оказались в огромном зале. Стены пестрели иллюминаторами, сквозь которые просачивался таинственный подводный свет. Потолок украшали массивные люстры. За дубовыми столами рассаживались воспитанники – они с любопытством разглядывали новичков, прибывших из других городов.

– Поверить не могу! Они спрятали Маливиничка! – воскликнул Митя.

– Просто лучшее место – затопленный корабль! Ему никогда не выбраться, – подхватил Сева. – Зачем его так тщательно скрывают?

Дверь распахнулась, на пороге появились Мила и братья Романовы. Митя с Севой присоединились к ним и пошли за стол. Через минуту их догнала Майя.

Корабль наполнился людьми. Дивномор производил тост за тостом, несколько девушек в струящихся платьях бесконечно подливали всем вина. Митя пытался запомнить по именам хотя бы кого-нибудь, про кого наперебой рассказывали Романовы. Мила только ухудшала ситуацию, то и дело вплетая в объяснения Николая новые имена и вопросы – она спрашивала про чьих-то возлюбленных, двоюродных братьев, бывших девушек и лучших подруг. В конце концов в голове осели только обрывки историй и отдельные факты. Например, где-то рядом сидели семь родных сестер Глазатых, трех героев общего рассказа звали Никитами, некую Агату все считали чудачкой, но она умела плести завораживающие колдовские сказки, которые открывали слушателю особые тайны; а еще все наперебой советовали поискать Козу и Ворону. Митя знал, что наутро вспомнит только о количестве выпитого вина и подивится, что здесь можно выпить прямо в столовой. А все эти Агаты, Никиты и Глазатые выветрятся из головы вместе с историями про них.

Он разглядывал просторный трюм: кроме добротных столов на толстых ножках в центре по углам располагались плетеные топчаны и низкие круглые столики, на которых громоздились блюда с фруктами и кувшины с высокими тонкими горлышками. На топчанах полусидели воспитанники, обложившиеся подушками. Они хохотали и болтали, обнимались и кормили друг друга с рук. Митя наконец смог отодвинуть на второй план удивление и прислушаться к иным ощущениям. Тут царил совсем другая атмосфера. Жители Дивноморья даже двигались как-то иначе. Они выглядели немного медлительными, но при этом шумными, словно чайки.

Общались они друг с другом ближе, чем это было принято в Заречье. Теперь тут и там Митя замечал обнимавшихся колдунов. Они сидели тесными группками, сплетая пальцы с соседями по столу, кладя головы друг другу на плечи. При разговоре они дотрагивались друг до друга, словно общаясь не только словами, но и телами. Точно так же Николай Романов касался его плеча каждый раз, когда хотел о чем-то спросить.

В этом царстве всеобщих прикосновений Заиграй-Овражкин смотрелся еще более бесчувственным, чем обычно. Уже освоившаяся Мила трогала и его, но он никак не откликнулся. От его неулыбчивого лица веяло холодом, хотя в голосе слышалось вежливое дружелюбие. Мите захотелось предупредить его, сказать, что эта сдержанность привлечет к нему только больше взглядов, а женское внимание станет невыносимым. Но он промолчал – Сева ведь не просил советов. Его глаза только наливались и наливались тьмой.

– Друзья, спешу напомнить вам главное правило! – послышался бодрый голос Августа Адамовича вместе со звоном хрустального бокала, по которому он стучал ложечкой. – И оно касается мужчин!

– Да что такое? Магия для женщин, правила для мужчин! – пробурчал Сева.

– Наши дорогие гости-колдуны, не забудьте! Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не плавайте в море в одиночестве. Если захотите искупаться, позовите с собой какую-нибудь барышню!

– Ну и дела! – Митя озадаченно обернулся к другу: перед тем как разбрестись сегодня по своим комнатам в башне, они условились, что сразу после ужина пойдут купаться и исследовать остров.

Сева в ответ только неопределенно дернул бровью и обратился к Николаю:

– Нежить? – Он произнес это со знанием дела, сразу догадавшись, чем может быть вызвано такое странное правило.

– Скорее всего, – пожал плечами тот. – На этом острове пропадают мужчины. Девушки – никогда. Зато история знает нескольких неудачливых колдунов, которые словно испарились. Вероятно, кто-то топил их или пожирает.

– И впрямь, похоже, нечисть, – кивнул Митя. – Кто здесь может водиться?

– Раньше наверняка жили сирены, – сказал Сева. – Но если бы они были тут до сих пор, их бы точно увидели другие маги.

Митя глянул на Майю. До этого она старалась первой ответить на все их вопросы, теперь же молча ела печеные овощи и смотрела по сторонам, будто обсуждаемая нечисть ее не интересовала.

* * *

Оказалось, что ванных комнат в Гнезде нет, поэтому перед сном и поутру все ходили в баню. Рана – главная женщина Гнезда – истопила баню для девушек сразу после ужина.

– Рана живет здесь испокон веков и присматривает за домом, – сказала круглолицая Матреша, увязавшись за Полиной, Маргаритой и Айсулу.

– Она выглядит моложаво, – заметила Маргарита.

– Да, только проседь в волосах, – отозвалась девочка.

Баня оказалась просторной и крепкой. Неподалеку стояла еще одна – для парней, и сквозь мутное окошко Полина увидела ночной отблеск небольшого озера между двумя постройками.

– Если успеем раньше парней занять озеро, то будет здорово, – зашебетали девушки, вошедшие следом. – Побежим купаться!

– Да холодно же, – недоверчиво передернула плечами Маргарита.

– Тебе-то? Ты же Огненная!

– Да, но ледяную воду переносу плохо. Сомнительное удовольствие.

Ароматный пар тяжелым облаком висел уже в предбаннике. Колдуньи быстро сбрасывали накидки, шали и халаты, снимали с полок склянки с маслами, толчеными ягодами и разноцветными пахучими шариками и, задержав дыхание, вбегали в горячий зал. Маргарита и Полина сложили свои вещи в уголке и тоже оказались в жарком мареве. Со всех сторон на них полилась ледяная вода. Это местные колдуньи с хохотом приветствовали гостей.

Полина взмахнула рукой, и вдруг из бочки с ключевой водой взвилась волна и обдала рассеявшихся по полкам девиц. Те захохотали пуше прежнего и тоже перешли на визг.

– И вам привет из Заречья! – Маргарита высунулась из-за Полины.

– С Водяной шутики плохи! – загомонили девчонки. – Ну, давайте знакомиться.

Полину, Маргариту и Айсулу окружили со всех сторон. Через минуту в баню зашла Ася Звездинка под руку с Синеглазкой. Их – осторожнее и вежливее, – но тоже втащили в центр круга. И, как и предполагала Маргарита, вскоре все уже слушали истории о жизни в Заречье. Какая-то девушка передала Полине баночку с ягодным скрабом, другая наносила на Маргаритину косу душистое масло. Казалось, что в один вечер они вдруг обзавелись двумя десятками веселых сестер. И вот уже Звездинка посмеивалась над Маргаритиными историями про Фадея и Маливиничка, а Синеглазка пыталась вызнать что-нибудь про выходцев из древних семей.

– Вера, давай ближе к делу! Ты хочешь узнать, есть ли тут свободные парни? – подсказала ей Маргарита.

Синеглазка фыркнула, а Звездинка вновь покатила со смеху – ей вторили остальные девушки.

– Правда, что ты замужем за наставником? – спросила Матреша у Аси, и та кивнула. Выражение лица ее ни капли не изменилось, будто Матреша спросила о какой-нибудь ерунде, а не о том, что она навсегда связала свою жизнь с малознакомым человеком.

– И как это? – засуетились девушки.

– Что как? – удивилась Ася.

– Он молод. Ну... относительно, – снова встряла Маргарита.

– И хорошо выглядит, – сказала Полина.

– Благородный человек. – Ася пожала плечами.

– Оу, какая прелесть! Значит, ты счастлива?

Полина вспомнила, что Вещий Олег приходил проводить Асю в путешествие. Он покровительственно держал ее за плечо и то и дело наклонялся, чтобы что-то ей сказать. Он так старался и был так взволнован, словно у него внезапно появилась дочь, о которой надо было позаботиться, а не самостоятельная колдунья-жена.

– Не понимаю, – сказала тогда Маргарита, тронув за локоть стоявшего рядом Митю. – Говорят же, что к Посвящению колдуньям лучше прийти девственницами.

– Да, есть такой совет, – отозвался Митя. – Но что тут непонятного?

– Асю выдали замуж так рано... и ведь первая брачная ночь явно расходится с этим советом.

– Какая еще первая ночь? – удивился Митя.

– Ну... – Маргарита с Полиной переглянулись. – У потусторонних есть такая традиция... Сейчас ее, конечно, не соблюдают, но, когда браки заключались подобным образом, она была важной частью церемонии. В ночь после свадьбы молодожены должны были спать вместе...

– А если кто-нибудь из них не захочет? – перебил Митя, поняв, куда она клонит.

– Ну... надо было потерпеть, наверное... – предположила Полина.

– Потерпеть? – Митя поморщился. – Что за варварство. Не могло быть у потусторонних такой дикости. Вы меня дурите, да?

– Нет.

– Но как же муж и жена станут уважать друг друга, если их с самого начала к чему-то принуждают? Нужно время, чтобы привыкнуть!

Полина вновь глянула на Звездинку и представила, что Вещий Олег советует ей тепло одеваться, плотно обедать и не засматриваться на других молодых наставников. Положение Аси сразу же перестало казаться таким уж странным – она просто заполучила еще одного покровителя, вот и все.

Водяная колдунья моргнула и вернулась в реальность. Ася как раз рассказывала, каким необычным ей поначалу казалось поместье ее мужа.

Голова начала немного кружиться от запаха сладкого масла и трав.

– Я схожу окунусь в озеро, пока там никого нет, – сказала Полина.

– Если противные мальчишки успеют раньше тебя, то возвращайся назад, – велела одна из девушек. – Ближе к Черной вараке есть еще вода, но туда не ходи! Они обязательно начнут тебе советовать там искупаться, но ты не слушай.

– Почему?

– Это гиблое место. Единственное в деревне, где не властны наши чары. Там живет всякая жуть.

– Да, мы иногда ходим туда на обряды или сидим на утесе над прудом. Но купаться там нельзя – утащат арруквы или мереки.

– Ясно. – Полина кивнула, натянула прямо на голое тело чью-то лохматую накидку и вышла вон.

Воздух был студеный. Ночи здесь стояли совсем холодные – не то что в Заречье. Она сделала несколько шагов и разглядела в темноте блестящее озеро. Поспешила, но уже слышала гомон парней, с ревом бегущих от мужской бани. Они кричали и хохотали от холода и предвкушения прыжка в воду. Полина даже не успела дойти до озера, как ее обдало фонтаном брызг и новая волна диких криков прорезала ночную тьму.

– Ну а ты что стоишь? Давай прыгай! – заорал ей какой-то взлохмаченный незнакомец.

Полину охватило смущение. Если в Заречье она еще могла выйти голой на речку, то купаться в одном пруду с толпой незнакомых ребят ей совсем не хотелось. Она помотала головой и попятилась.

– Отстань от нее, – крикнул другой парень. – Веди себя прилично!

– Не слушай его, милая!

– Да, если стесняешься, иди дальше, там на вараке есть еще пруд.

Полина улыбнулась. Пареньку показалось, что глаза незнакомки блеснули серебристой дымкой, но в следующий миг наваждение спало.

– Эй, стой! Я пошутил!

– Не ходи туда, глупая! Он пошутил, купаться там нельзя.

Но Полина шла, чувствуя спиной их изумленные взгляды, и посмеивалась. Она ощущала, что вода ей нужна. И знала откуда-то, что нежить, которой пугали ее девушки, ей больше не страшна.

Вода манила. Подземная, темная, болотная и тягучая. Только она могла раскрыть ей истинную магию этого места. Только она могла избавить от нараставшего страха перед зав-трашной Боевой магией.

– Не дай проклятию меня одолеть, – шептала она, обращаясь к воде. – Не дай, пожалуйста!

Впереди зиял черный провал. Синее небо с колючими звездами и белесые мертвые стволы только оттеняли его. Наверное, его здешние и звали Черной вараккой. Кверху поднимался угольно-черный холм, будто жирная земля была покрыта хлопьями сажи. Темные корни вились по местам небольших обвалов. Куски земли съехали вниз и застыли на границе с водой. Полина присела и коснулась ее пальцами, до сих пор слыша сзади оклики перепуганных парней, которые почему-то не решились ее преследовать. Вода оказалась вовсе не болотной. На глубине били ключи – Полина ощутила их знакомую вибрацию. Возле берега раскинулись бар-

хатистые волосы водорослей, по поверхности бежала легкая рябь. Колдунья поднялась на ноги, скинула лохматое одеяние и коснулась босой ступней самой кромки пруда.

– Не трогай! – раздалось сзади.

Она обернулась, поняв, что прятаться поздно.

Возле ближайшего высохшего дерева в темноте отчетливо виднелась огромная белоснежная важенка. Наездник спрыгнул с ее спины и подошел к Полине. Его необычное бесцветное лицо с широкой переносицей и пухлыми губами оказалось совсем близко. Полина отступила на шаг. Ёгра пристально ее разглядывал.

– Не тронь воду. Там зло.

– Нежить – не зло, – ответила Полина, вскинув подбородок.

– Ну, образно выражаясь, – ответил парень.

– Так выражайся прямо. Не то на дне омута тебя услышат.

– Ты Водяная колдунья? – наконец догадался он.

– Да.

– Ёгра. – Он протянул ей руку.

Но Полина продолжала прикрываться и поэтому не пошевелилась.

– Здесь глубоко? Или у берега мель?

– Говорят, глубоко. Но прыгать туда нельзя, – строго сказал он.

Полина кивнула, начиная совсем замерзать, опустила руки и нырнула. Холод сжал внутренности. Сердце бухало неистово, кровь пульсировала прямо в ушах. И странное лицо парня все стояло перед глазами, будто они не перебросились парочкой фраз, а провели вместе день. Его прилипчивый взгляд как будто все еще блуждал по телу, от этого становилось жарко, хотя лед черных вод вновь обжег кожу. Рядом что-то зашипело, мертвенно-бледная рука с пальцами-крючьями скользнула по ее ноге. Но Полина не стала брыкаться, а подалась навстречу и коснулась своей теплой рукой уродливого тельца. Существо, похожее на мавку, фыркнуло и оскалилось. Полина улыбнулась ему под водой. Она медленно выпустила воздух и осмотрелась. Все ее чуть светившееся от магии тело постепенно опутывали мягкие водоросли, по коже мазками проскальзывали холодные тельца змей или других гадин. Самым важным было не впускать в сердце страх.

«Просто рыбы, – думала она. – Просто змеи. Просто морские черти».

И если страху не удавалось просочиться, то все нутро заполняло торжество. Речные черти, вылезшие из-под коряг, сбились в кучу и с любопытством уставились на нее.

Маргарита со всех ног бежала к берегу Черной вараки – направление ей указали парни, которые вломились в женскую баню с испуганными воплями.

– Твоя подруга совсем сдурела? – возмущенно кричали они. – Зачем она туда потащилась?!

Еще издали Маргарита заметила белую олениху и высокого парня, пристально глядящего в черноту.

– Она там? Она что, правда прыгнула? – без предисловий спросила Маргарита.

– Ее нет уже несколько минут, – задумчиво проговорил он.

– И ты не полез за ней?

– Она же Водяная колдунья, что ей будет, – держась отстраненно, проговорил парень. –

А ты вообще кто такая?

– Я смерть во плоти! И тебе не поздоровится, если с Полиной что-то случится! – отмахнулась Маргарита и, путаясь в полах халата, припала к краю берега. – Полина! Эй!

– Смерть? Очень смешно, – отозвался парень. – Тогда я ...

– Да знаю я, кто ты! – прошипела Маргарита, засовывая руку в воду по самое плечо.

– У тебя это в порядке вещей – перекладывать ответственность за действие бестолковой подружки на других?

Внезапно что-то цапнуло Маргариту под водой, она вскрикнула. Ёгра бросился к ней, но не успел обхватить, как из-под воды показалась мокрая Полинина голова.

– Фуф, дурочка! Ну и напугала, – рассмеялась Маргарита. – Из-за тебя я обругала этого... Полина не обратила внимания на лицо Ёгры и потянула Маргариту за руки.

– Иди сюда, – прошептала она. – Только тихо! Набери побольше воздуха. Я кое-что покажу.

– Вы обе рехнулись? – презрительно отчеканил альбинос и зашагал к своей важенке, но в самый последний миг все-таки обернулся. Было что-то завораживающее в этой картине: Водяная дева затащила в черный омут свою подругу, обняла, и они вместе скрылись в глубине. От вида и от голосов обеих по коже его бежал мороз, и он никак не мог понять, почему.

Полина быстро вела Маргариту сквозь толщу воды к разлапистой коряге.

– Смотри! – Она указала пальцем во взбаламученный ил.

Едва муть осела, в темноте проступила скрюченная фигурка мерек. Кряжистый хвост с бороздками и бугорками колотил по дну, а вокруг копошились силуэты поменьше. Маргарита присмотрелась: это сновали туда-сюда крошечные детеныши речного черта. Они казались умильными карапузами с гладкими животиками и большими доверчивыми глазами. Маргарита зажала ладонями рот, чтобы не рассмеяться. Вытащить такого на поверхность, не навредив ему, было невозможно, а потому вживую подружки еще ни разу не видели маленьких чертенят – Нестор Иванович никогда их не показывал.

Полина схватила ее за плечи и увлекла наверх. Выплыв из пучины, Маргарита закашлялась. Парень все еще ждал их возле мертвых берез.

– Ты знаешь, что там опасно? – спросил он.

– Нечисть ничего мне не сделает, – ответила Полина, ежась под водой и не зная, как при нем вылезти. Маргарита выползла на берег в мокром халате, а вот у Полины ничего не было.

– Прекрасно, если так, но твоя подруга не Водяная колдунья. – На этот раз взгляд его переметнулся на Маргариту. Полина видела, как та собралась сказать в ответ что-то остроумное, но почему-то стушевалась.

– И тем не менее... – Полина взяла себя в руки, быстро выскользнула на берег и подхватила накидку: – ...она тоже не простая колдунья.

– Ага, смерть во плоти, – усмехнулся парень, забираясь на важенку.

– Вижу, вы познакомились. Тем лучше. – От Ёгры хотелось отвернуться. Но отвечать уверенно, будто ничего такого не происходит, все же удавалось. Пришлось признать, что навык этот выработался за несколько лет общения с Севой, в присутствии которого можно было легко расплакаться от бессилия и осознания собственной никчемности, но приходилось держать лицо.

Глава шестая

Коза да Ворона

Митя открыл глаза – скрипнула дверь, и этот звук его разбудил. Здесь жили по трое в комнате, и Митины соседи – братья Романовы – еще спали. Митя приподнялся на локтях и выглянул из-за занавески – такие в комнатах отделяли эркеры с кроватями: в дверь просунулась голова Севы.

– Я загляну в местную библиотеку, – сообщил он. – Увидимся на завтраке.

– В библиотеку?..

Судя по свету за окном, час был ранний. Слишком ранний для похода в библиотеку. Но если бы Овражкину срочно понадобилось сходить куда-нибудь еще, он не стал бы выдумывать про библиотеку. Только вот это кардинально расходилось с его предложением развлекаться и общаться с девушками. Кого он собрался охмурить утром в библиотеке? Митя упал на ворох подушек и попытался заснуть, но сон больше не шел.

В последние дни с Севой творилось что-то странное. Он и так часто бывал задумчив или хмур, теперь же вовсе стал замкнут и подолгу таращился в одну точку, не замечая окликов. Возможно, всему виной был какой-нибудь очередной «обет», придуманный Жабой, во время которого целителям не только строго-настрого запрещалось употреблять настойки Василия, но и вообще улыбаться. Однако ни о чем подобном Сева не упоминал.

Митя повернулся в кровати и наконец понял, что заснуть больше не удастся. Он решил пройтись по приморской деревне и осмотреться, но, как только спустил с кровати ноги, услышал за стеной женские голоса.

Сева тем временем миновал поросль кипарисов, где были подвешены разноцветные гамаки со спящими в них парнями и девушками, и мощенную булыжником улочку: по одну сторону высилась новая россыпь башен, по другую – беседки, увитые виноградом. Наконец он добрался до библиотеки. Там скучающий Морской дядька любовно расставлял на подоконниках пузатые аквариумы с рыбами. Он был очень удивлен появлением гостя, да к тому же чужеземного, и с радостью вывалил на стол все книги, которые только могли пригодиться Севе.

– А зачем тебе столько лекарственных пособий и историй про проклятия? – поинтересовался Черномор, со свистом сдув зеленовато-седой ус.

– Я неофит целителя в Заречье. Знаете такую деревню?

– А, лесные детки, ну, конечно! – закивал старик.

– Так вот, мы там как раз разбирали один случай с проклятием, но меня отправили сюда и... – Он развел руками.

– И? – не понял намек Черномор. Глаза его вдруг налились опасной синевой.

– И я не успел ничего толком узнать, – закончил Сева наобум.

– Мне показалось, ты лжешь...

Сева вздрогнул и уставился на Черномора: тот задумчиво накручивал на палец несколько волосков из бороды, волочившейся по полу.

– ...Но-о похоже, что нет. Знаешь, обычно сюда приходят в такую рань, да еще и в одиночестве, чтобы поискать книги, которые не хотят читать при всех...

– И что это за книги? – Сева не смог сдержать усмешки. Первым на ум приходило неприличное.

– Ну! – всплеснул руками Черномор. – Например, о приворотях! Кто же захочет, чтобы его застукали за их поиском?

Сева фыркнул и покачал головой, не веря в то, что колдун с самого начала имел в виду именно это.

– Мне показалось, вы собирались сказать что-то другое, но-о похоже, что нет.

Он какое-то время не мог прийти в себя, все еще ощущая пронзительный взгляд Морского дядьки – словно в глазах того всколыхнулась пучина. Он открыл первую книгу и пробежал пальцем по оглавлению.

– Но есть ли в книгах то, что я ищу?

Ответ назойливо лез в голову. Если даже он узнает обряд, с помощью которого можно стать хранителем и взять на себя проклятие, как он сможет это повернуть? Не подойдет же к Полине с таким предложением? Она совершенно точно его прогонит. Единственную верную мысль высказал Микоэль Феншо, даже не подозревая, какие двери открывает своей личной историей. Его девушка замаскировала ритуал под любовную игру – как ловко! Вот только этот трюк с Водяной колдуньей не пройдет. Она его к себе не подпустит.

Сердце заныло. Мерзко. Как же это мерзко и несправедливо! Ночь, проведенная с Водяной колдуньей, казалась самым подходящим вариантом. Или просто самым желанным. И от этих образов совершенно невозможно было отделаться: они лезли в голову, обступали, нежно затыкали голос разума, плавил все нутро. Да, Микоэль Феншо рассказал ему очень важную историю, нужную! Надо было найти способ поступить так же, как сделала его подружка.

Спустя два часа, когда пробило девять, ему все-таки пришлось вернуть книги и признать, что работы предстоит еще очень и очень много. Он дожевал овсяные хлебцы, допил кофе, который два раза приносил ему библиотекарь, вышел на улицу и потянулся. Нежный свет проглядывал сквозь ветви и заливал округу. Южное солнце было совершенно иное: по-другому грело, совсем иначе светило. В прохладном ветерке осень тоже чувствовалась, но казалась такой ласковой и светлой, что не наводила грусти.

Он прошелся до беседок, утопающих в виноградных лозах, и кивнул нескольким Воздушным магам. Удивительно было видеть тут ребят разных возрастов: на утреннюю встречу с наставником должны были являться сразу все.

– А-ап! – раздался откуда-то бодрый бас.

Ребята расступились, и вперед легкой трусцой выбежал здоровенный детина с широкой улыбкой. На нем были светло-серые тренировочные штаны и мягкая рубаха с закатанными рукавами.

– Все собрались? – пробасил он, четко ударяя по «с», а «р» произнося раскатисто и длинно. – Новички? Здрас-с-сьте! Я ваш наставник. Доброе утро! А где малютка Леля?

Сева с нескрываемым удивлением разглядывал наставника. Для Воздушного мага он имел очень несвойственное телосложение. Только тонкие пепельные волосы, свисавшие забавным чубом, да прозрачные глаза могли навести на мысли о Воздухе. Обычно же такой горой мышц никому из Воздушных обзавестись не удавалось, сколько ни старайся.

Из-за двери ближайшей башни показалась тоненькая бледная девчушка с такими же бесцветными волосами, как и у наставника. Она неловко улыбнулась куда-то в пустоту и тихо замерла на пороге.

– А вот и наша пташка! Ну, все в сборе. А теперь бе-е-гом!

Наставник неожиданно сорвался с места и затрусил по тропинке, ведущей круто вверх, мимо башен, на каменистый холм. Вся толпа последовала за ним. Севе ничего не оставалось, как подстраиваться под общий ритм, то и дело оборачиваясь: Леля оказалась слепой, он сразу понял это по ее отсутствовавшему взгляду. Долг целителя разыграл над всем остальным, и Севе стало казаться, что в любой миг колдунья может споткнуться о камень и полететь кубарем вниз. Но Леля бежала как ни в чем не бывало и даже не отставала от остальных. Иногда смешно подскакивала, нелепо вскидывая руки, и Сева не сразу понял, зачем она это делает. Но наконец и на него налетел порыв морского ветра и на мгновение оторвал от земли. Следующее дуновение Сева уже готов был поймать и сам подпрыгнул, зависнув в воздухе на пару секунд.

Они поднимались все выше и выше, оставляя позади себя деревеньку в ущелье. Куда ни глянь, виднелось только море да пушистые облака. Поросший охристой травой склон превратился в ровное плато.

– Тарас Иванович, давайте здесь! – крикнул кто-то с тяжелым вздохом, и наставник свернул на плато, продолжив бег на месте.

Воспитанники распределились по площадке. Ветер тут дул сильнее, трепал волосы и ленты в волосах девушек, наполняя место своей магией.

– Ать! Оп! – приговаривал Тарас Иванович, пробегая по рядам магов и отодвигая их друг от друга. – А теперь р-р-руки-и!

Он резко остановился, расставив ноги, поднял руки, закрыл глаза и замер. Все повторили за ним. Сева чувствовал, как еще дрожит грудная клетка, вибрирует неостывшее тело от подъема в гору, и на фоне этого отчетливо ощущал силу ветра, пронизывающего воздух. Следующие упражнения оказались знакомы: Воздушные всегда учились чувствовать стихию с помощью изменения положения тела в пространстве. Они были гибкими и ловкими, а еще тихими, бесшумными, чего нельзя было сказать о Тарасе Ивановиче. Каждое упражнение он сопровождал бодрым восклицанием, а когда подходил к воспитанникам и поправлял им то руку, то ногу, приговаривал себе под нос: «А-ап, крас-с-савица!» или «Ну, другое дело!»

До утеса доносился плеск моря, и Севе слышался в нем смех Водяной колдуньи. Да, вот она бы точно сейчас хохотала над наставником Воздушных, и они с Маргаритой еще долго повторяли бы эти «о-оп» и «а-ать» в разговорах с друзьями.

Он старательно отогнал от себя мысль о Водяной. Точнее, не о ней самой, а своим решением ее спасти. Решение он принял, но старался не падать в пучину страхов и, когда сегодня

выискивал записи о проклятиях в лекарственных книгах, пытался убедить себя, что делает это лишь из любопытства.

Шум моря нарастал, и поэтому участливое «Ну что, соколик, загрустил?» Сева расслышал не сразу и очнулся только тогда, когда рука наставника аккуратно надавила ему на грудную клетку.

– Вот так, давай! Не выгибайся! – сказал Тарас и потопал к следующему воспитаннику.

Налетел ветер, Севины руки ловко поймали эти потоки, тело стало невидимо и снова появилось в солнечных лучах.

– Так, а тепе-е-ерь, – затянул наставник, уже стоя на краю утеса. – Зарядка для хорошего настроения! Музыкальные инструменты взяли?

Сева обернулся. Какие еще музыкальные инструменты? Он увидел, как с десятков воспитанников полезли в заплечные сумки, с которыми бежали, вынули оттуда кто барабан, кто тамбурин, а кто небольшие гусли. Глаза его пробежали по толпе и заметили Дарью Сергеевну.

– Ура, – послышалось со всех сторон. – Танцуем! Мы уж испугались, что сегодня до этого не дойдет!

– Танцуем? – Сева не поверил своим ушам.

Воспитанники с музыкальными инструментами выстроились в ряд, все остальные разбежались по плато. Дарья Сергеевна в это время уже разговаривала с Тарасом Ивановичем, и, когда грянули первые аккорды веселенькой мелодии, наставник взял ее за руку и закрутил. Музыка была хорошо всем знакома, и через мгновение несколько человек выкрикнули хором слова песни. Наставник двигался очень смешно, театрально изображая балетные па. Дарья Сергеевна танцевала, подобрав длинные юбки.

Вокруг Севы образовался кружок из девушек, томно изгибавших спины и заходящихся в смехе. Бой барабанов задавал ритм. Воспитанники прыгали и припадали к земле, задирали ноги и крутились. Кто-то танцевал красиво и слаженно, кто-то просто дурачился. Но вокруг не осталось никого, стоящего без дела, кроме Севы. Наконец он пришел в себя окончательно, выпутался из рук симпатичных барышень и взял за руку Лелю. Она весело улыбнулась и принялась резво скакать, Севе ничего не оставалось, кроме как вторить ей.

– Как прошла встреча Воздушных? – Митя подловил друга прямо перед поздним завтраком на берегу моря, где Сева ждал кельпи. К ним присоединился Николай.

– Не поверишь, мы танцевали! Вон там, на утесе.

– Их наставник не выглядит танцором, – рассмеялся Митя.

– Что, Тарас Иванович? – закатил глаза Николай. – Да вы что, ему только дай поплясать!

А если не хочешь, он найдет способ тебя заставить.

– Как можно не хотеть танцевать? – отмахнулся Митя. – Особенно в такую погоду.

– Ну а Земляные тебе как? – спросил Сева. – Что вы делали?

– Планы внезапно поменялись, – признался Муромец. – Я не ходил на встречу. Собирался, но в последний миг меня перехватила Баба Луца.

– Наставница по женской ворожбе?

– Да, она. Забрала меня на свою практику.

– Подожди! – Подоспела свободная кельпи, но Сева схватил Муромца за плечо и не дал оседлать ее. – Но ведь мужчин на женские практики не пускают!

– Иногда это случается, – встрял Николай, наблюдая, как на кельпи ускакала девушка из Заречья. – Бывает, Луца выбирает одного счастливого и уводит с собой. Но никто не знает, для чего им нужен парень.

– Может, просто у них спросить? – Сева перевел взгляд с Мити на Николая.

– Нет, парни не рассказывают. Молчат как рыбы.

– Муромец, – строго проговорил Сева. – Что было на женской магии? Зачем ты им понадобился?

– Не могу сказать. – Митя покачал головой.

– О Меркурий, да ладно! Они наложили заклятие неразглашения?

– Хуже, – выдохнул Николай. – Неразглашение перестает действовать через несколько месяцев. Это же колдовство вечно.

– И надо же, выбрали не абы кого, а Муромца, – посетовал Сева. – Как они тебя использовали? Как анатомическое пособие?

Митя рассмеялся и покачал головой.

– А как?

– Не... небезопасно ходить одному к морю...

– Что?!

– Бесполезно, – покачал головой Николай. – Он не расскажет.

– Это несправедливо! – воскликнул Сева. – Может, удастся выведать под пытками?

– Если бы... и самое обидное, что девчонки хитрят и тоже ничего не рассказывают, хотя уж их-то вряд ли околдовывают.

– Хитрят, говоришь? – вдруг оживился Сева, глаза его на миг потемнели. – Ну посмотрим, кто кого! Идем завтракать, Муромец. И выберем мне жертву. – Последнюю фразу он не стал произносить вслух. Он прекрасно знал, что пользоваться своими чарами по такому случаю было бы недостойно и подло, но любопытство оказалось сильнее.

* * *

С тех пор как уехали брат, Сева и Полина с Марго, Анисья казалось, что деревня опустела. Конечно, это было не так, ведь из Дивноморья и Китежа прибыло много новых колдунов, но Анисья все равно не находила себе места. Внутри скреблась гадкая обида, будто ее несправедливо бросили. Хотелось, чтобы Митя вступился за нее, попросил Велес забрать в Небыль. Или же подруги... и Сева! Но в спор вступал голос разума: то, что она осталась в Заречье, вовсе не означало, что ее посчитали слабой или неспособной. У нее будет столько же шансов испробовать совместное колдовство с воспитанниками Китежа и Дивноморья. Но настроение не улучшалось. Не в силах ни о чем думать без слез, Анисья решила сконцентрироваться на Боевой и коммуникативной магии.

Просторная светлица терема, где проводила встречи наставница по языкам, была забита до отказа. Анисья с Василисой пришли сразу после обеда и заняли удобные кресла в углу, отгороженном книжным стеллажом. Густав Вениаминович нагрузил непосильной задачей – придумать собственный наговор, останавливающий кровь. Василиса несколько раз видела, как Сева с легкостью заговаривал кровь, прошептав над ранкой несколько слов, и надеялась, что однажды Жаба раскроет им эти таинственные слова. Но надежда оказалась пустой. Перед Посвящением целитель должен был научить их справляться с ранениями, но оказалось, что каждому для этого потребуются собственные магические инструменты. Потому Василиса вот уже четвертый час просиживала в укромном уголке, то припадая к раскрытым словникам, то закрывая глаза и отбивая ритм ладонью по краю стола. Правильные слова должны были прийти изнутри, наполнить звуками этот ритм.

Сквозь поредевший строй книг на стеллаже Василиса иногда ловила любопытные взгляды небыльцев. Пристальней всех смотрел один парень – с темными кудрями и выразительным носом с горбинкой. Василиса не помнила, чтобы виделась с ним на Русальем круге, а значит, незнакомец, скорее всего, разглядывал Анисью Муромец.

Наконец, в Василисиной голове родилась строчка наговора.

– Что-то есть, – сказала она, и Анисья протянула руку.

Василиса поднесла к ее коже обрядовый нож и сделала надрез. Анисья поморщилась, но тут же вернулась к чтению, насупив светлые брови и прикусив губу.

Василиса взглянула на выступившие рубиновые бусинки и наклонилась. Тонкий металлический запах ударил в ноздри, наполнил голову и окрасил слова, которые она собиралась произнести. «Вышла в ночь из дома прочь бруснику искать, клюкву собирать, сок давить, землю поить. Землю окропила, кровью напоила. Проросла трава, горе забрала. Хворь уймись, кровь остановись».

Она все еще помогала себе ладонью, тихонько хлопая по столу, когда зачитала получившийся наговор. С раной ничего не произошло, бусинки собрались в большую каплю и скатились прямо на стол.

– Дергать перестало, кстати, – сказала Анистья, снова подняв голову.

– Ясно. Извини, придется попробовать еще раз, – сказала Василиса, приложив к ране смоченную в зелье повязку. – Сними через минуту, следов не должно остаться. Ты решила не делать задание?

– Пока что я хочу остановиться на Боевой магии. Уверена, мне не помешают собственные наговоры, помогающие приструнить каменные чары.

– Есть продвижение?

– Нет, – призналась Анистья. – С тех пор как я решила настроиться на работу с помощью начертания Вести Семи Богов, меня мучает глупый вопрос. Он не дает сосредоточиться на главном.

– И что же это?

– Смотри. – Анистья повернула кусочек бересты, на котором час назад аккуратно нарисовала рунограмму. – Одна из Рун называется Меч-крест Буса.

– Да, все верно.

– Но с какой стати?

– Бус был известным героем легенд. Могущественный боевой маг...

– Да, но не бог. То есть... мы и насчет остальных не можем быть уверенными, конечно. Вон, Перун и вовсе превратился в сумасшедшего старика. Тем не менее шестеро происходят из какой-то общей праэпохи. Но Бус – колдун, который жил не так уж и давно, всего несколько сотен лет назад.

– Ну, наверное, это не столь важно для рунограммы.

– Это важно для карты, Василиса. Для карты подземных ходов. Что за дар скрывается в этом месте?

– Интересно. Вот только как нам найти что-то об этой руне? Может, история жизни Буса привела бы к разгадке? Хотя какая разница, мы ведь не собираемся идти искать этот дар.

Анистья внимательно посмотрела на нее, прищурившись, и какое-то время ничего не отвечала.

– Про Буса я знаю вот что, – произнесла она, откинувшись на спинку стула. – Его род был древним и сильным и однажды достиг настоящего расцвета. О, это рассказывают всем детям древних родов, сейчас поймешь почему. – Она улыбнулась. – Говорят, главный его дом располагался в Росенике, но были и другие – в Зорнике и в Небыли. Он так увлекся идеей объединения магов, что перестал чтить древние традиции и пережил своих дочерей и сыновей на тех, на ком они хотели. В этом роду всегда было полно детей. По пять – шесть братьев и сестер. Кто-то из отпрысков связал свои жизни с незатянутыми семействами. Некоторые и вовсе сбежали к потусторонним. То же произошло с внуками Буса и с правнуками. И вот теперь нет такого рода – Бусов. Исчез, остался лишь в воспоминаниях да сказках. Все эти толпы детей и братьев – где они?

– Да, – покачала головой Василиса. – Понимаю.

– Я не хотела задеть тебя этой историей.

– Знаю. – Василиса усмехнулась.

– Подземелье под домом Буса и дар, который там хранится, могли уцелеть до наших дней. Возможно, что на месте его дома возвели новый терем и кто-нибудь там до сих пор живет.

– Я думаю, выяснить это будет не так уж сложно, раз Бус – не совсем уж былинный герой. Вот только зачем? Мы же... туда не идем? – Василиса повторила свой вопрос.

– Нет. Пока не узнаем хотя бы примерно, как называется оставленный там божественный дар, – отозвалась Анисья и протянула Василисе руку. – Давай, режь. Ты стала отбивать другой ритм, пока мы говорили. Возможно, это то, что нужно.

* * *

С тех пор как Сева решил выведать все о женской магии, он старался оказываться там, где собирались девушки. Он выбрал небольшой кружок девчонок и таскался за ними по полдня. Его сопровождали Муромец и старший Романов, и девушки не были против такой компании. Несколько колдуний собирались ради ежедневных ритуалов, а когда заканчивали магическую практику, некоторое время полулежали на топчанах в беседке и тихонько напевали, а потом расходились. В такую компанию было легко втереться – Сева всегда мог подыграть им на каком-нибудь инструменте или выправить мотив старой баллады. Ему оставалось только использовать свои чары, чтобы в конце концов разговорить одну из них.

Когда он сидел вместе со всеми, дело шло отлично, если не считать ревнивого взгляда Милы: колдуньи укладывали ему на плечи головы или перекидывали через его колени легкие ножки, но стоило ему повстречаться где-то с одной из них, сирена внутри него внезапно пряталась. Пока невинный флирт был общим на целую компанию, он чувствовал себя свободно, но стоило лишь подумать о том, чтобы вскружить голову одной колдунье, он понимал, что не готов. Перед глазами вставало другое лицо, и оно словно напоминало о том, что он сбился с цели, – вовсе не тайны женских кругов он должен был сейчас разгадывать, а искать факты о проклятиях.

Но любопытство не унималось. В Дивноморье нашлось немало парней, которые побывали на таинственных женских практиках: все они рассказывали небылицы о моряках, потопленных кораблях, исчезнувших юношах и каких-то огромных камнях. Сева снова заводил об этом речь, и девушки начинали хихикать.

– Неужели ты так хочешь попасть на наш круг? – спрашивал кто-нибудь из них.

– Конечно, хочу!

В ответ они только звонче смеялись, словно специально дразнили.

– А не боишься, что пожалеешь?

– Муромец, ты пожалел? – Сева обернулся к другу, и тот замотал головой.

Новый взрыв смеха разлился звоном колокольчиков.

Севу злила эта невозможность что-либо узнать. Он снова принялся рассматривать каждую девушку, подыскивая себе жертву. Мила не годилась – она уже была к нему равнодушна, но почти ничего не знала об этом месте. Майя все еще поглядывала на Муромца, вспомнив свою былую влюбленность. Незрячая Леля своей бледностью иногда напоминала Водяную колдунью, и от этого становилось совсем не по себе. Подошла бы Яна – с крутыми бедрами, нежными полными ручками и волнами мягких каштановых кудрей до пояса, но у той был парень, и ставить под сомнения их отношения Сева не собирался. Нонна, хоть и смотрела на него томно и сладко, выходила из старинного рода, и Сева почему-то опасался, что, прояви он к ней чуть больше внимания, его начнут вынуждать на ней жениться. Оставалась Агата – сестра-близняшка Лели. Она была такой же белокожей и высокой, только волосы пылали на солнце рыжим золотом, а почти прозрачные русалочьи глаза с крошечным, едва видимым зрачком смотрели лукаво. Это про Агату Николай говорил, будто ее магия – в словах, будто она умеет заговорить

живое и неживое, а еще рассказывает пророческие сказки. За все это время Сева пока ни одной сказки не слышал. С этого он и решил начать.

Он передал гитару Муромцу, который уже минут десять рассматривал ящерицу, пригравшуюся на столбе беседки, а сам прилег на топчан и положил голову Агате на колени.

– Ну ничего себе! – воскликнула она, но скорее от неожиданности, чем от возмущения, и прохладными пальцами пробежалась по Севиному лбу. – Что тебе нужно, чужак?

Она с самой первой встречи звала его так.

– Вроде бы он не такой уж и чужак! За две недели мы тут стали почти как родные, – пошутил Митя.

– А он по-иному чужак, – отозвалась Агата, тепло глянув на Муромца. – Правда ведь? – Теперь ее взгляд снова вернулся к Севе.

– Не знаю, о чем ты. Сказку расскажешь?

– Сказку? Конечно! А какую тебе?

– Чтобы мне подходила. – Сева попытался поймать ее взгляд: после того как он установит эту связь, надо будет вложить в слова особый смысл. – Лично для меня. – Голос его чуть изменился, стал ниже и тише.

Агата пристально смотрела на него несколько секунд.

– Ну хорошо. Про колобка знаешь?

– Про колобка? Конечно, знаю. Я думал, ты придумаешь новую сказку! Специально для меня!

– Ах, ну коль знаешь про колобка, то, считай, знаешь, самую главную мудрость. Зачем же тебе новая сказка?

– И какой же мудрости должен был научить меня колобок? – спросил Сева, чувствуя, что чары сирен опять его подвели и ничего путного сегодня не выйдет.

Агата наклонилась к его лицу, ее волосы защекотали ему шею.

– Остерегайся красивой женщины. Она тебя погубит.

– Лисы?

– Ну, в сказке это лиса. А кто за маской лисы, уж тебе самому искать.

Сева был готов ответить, но мороз вдруг прошелся по коже, вздыбил каждый волосок на теле, страх кольцом сдавил горло. Агата отпрянула и рассмеялась.

– Да ну, неправда это, – отозвался Митя, поддерживая веселье. – Это женщинам его надо остерегаться! Вы только посмотрите, как он втерся в ваше доверие.

Но Сева молчал, не в силах даже выдавить улыбку. Он понимал, что Агата сказала правду. Сказала все как есть. И не нужно выдумывать для него новых сказок, он разыграет ту, что уже давным-давно написана, – как множество людей до него разыграло этот сценарий. Он сделает то, что должно. И рыжая русалка только еще раз уверила его в том, как все закончится.

– Ну, что задумался, чужак?

– Думаю, раз сказку ты поленилась придумывать, может, хотя бы расскажешь, что вы делали с Муромцем на вашей женской магии?

– Ты все о своем! Ну, расскажу, может быть.

– Правда? – Сева аж подскочил и сел возле Агаты.

– А косы ты плести умеешь? – спросила она, будто разговор все это время был о другом.

– Косы? Ну... немного.

– Откуда, коли волосы короткие?

– У меня младшая сестра есть, ей плел как-то, – пожал плечами Сева.

– Прекрасно! Тогда заплети мне косы! Хочу прическу как у сказочных царевен! Заплетешь – узнаешь кое-что о женском круге.

Агата скользнула вниз, уселась прямо на песок и протиснулась между его коленями. Нонна вручила ему гребень и ворох лент. Николай закатил глаза, словно уже видел подобную сцену.

– Что страдаешь, Коленька? – улыбнулась Нонна. – Давай и тебе заплету.

– Будете с Агатой вместе как сказочные царевны, – закончил Митя, и все расхохотались.

Сева осторожно перебирал золотые волосы. С непривычки сложно было удержать сразу несколько прядей и не спутать их. Сирена снова начала пробуждаться. Сева выпустил свои собственные пряди и нежно прошелся пальцами по голове девушки.

– Волосы, – вдруг начала Агата, – прячут силу. У зверя – звериную. У человека – человеческую.

«Говори еще», – думал Сева, опять касаясь ее головы и вытягивая новую прядь волос. Три пряди заструились между пальцами и начали сплетаться.

– На всем теле волосы имеют силу. На каждой части – разную. Одних магов волосы защищают, других напитывают яростью. – Она неожиданно запрокинула голову и уперлась макушкой Сева в живот, желая заглянуть ему в глаза. – Как думаешь, чужак, если вырвать у тебя прядь волос да вплести мне в косу, станут мои глаза такими же черными?

– Карими. У меня карие глаза.

Она снова наклонила голову, позволяя ему плести дальше, но Севины чары в который раз сбились. Творилось что-то неладное – теперь он начал это понимать.

– Ах, я бы попросила пару волосков у Водяной колдуньи, если бы она приехала к нам из Заречья! Интересно, как бы это на меня повлияло?

Его горло сдавили невидимые пальцы. Девушка эта и впрямь была непроста. Почему она заговорила о Водяной?

– Разве можно сплести волосы разных магов, чтобы получить новую силу? – скептически заметил Николай. – Если бы это было правдой, так бы все делали.

– Верно говоришь! А нам не надо, чтобы все так делали, поэтому сейчас же забудь об этом. Ну что? Как там моя царская прическа?

– Не готова, – буркнул Сева. – Сиди и не двигайся.

– Как прикажешь. Так на чем я остановилась? Ах да, вот посмотрите на Митю Муромца. Какие волосы у него! Рожь да золото. Сила солнца и матери-земли.

– Это ты еще на ногах не видела, – заметил Митя, и девчонки опять покатались со смеху.

– А может, видела, откуда ты знаешь? Сила в тебе, сын Муромцев, совершенно особенная. Сам ты не злой, не резкий, не... каменный. Сила твоя в том, что тебя все защищает – и солнце, и земля, словно ты их любимый сын.

Митя молча уставился на Агату.

– А вот Коленька? Так посмотреть, волос темный, русый, как льняное семя, а если голову повернуть – серебристый, как кора ольхи. Вверх тебе надо расти, словно дереву. Вверх твой путь. Птица-лебедица на твои ветки присядет, вот тебе и сила. Ну, прическа там как?

– Почти, – отозвался Сева. Он успел сплести пять не очень аккуратных кос, перевязать лентами и теперь пытался разложить их на Агатиной голове: две вокруг лба, а три вензелем на макушке. – Не знаю, какая царевна осмелилась бы с такой пойти, но моя сестра просто умерла бы от восторга.

Агата выхватила из рук слепой Лели зеркальце и принялась крутить головой.

– Вот это красота! Раз твоей сестрице понравилось бы, значит, и впрямь хорошо! Чую, сила ее будет в том, чтобы преображать других. Ну, спасибо!

Она вскочила на ноги и повертелась перед остальными девушками, чтобы они оценили Севин труд.

– Пора нам расходиться, – напомнил Николай. – Ужин скоро.

– Эй, стой. – Сева поймал Агату за запястье. – Ты про женские практики обещала рассказать. Я жду.

Она повернулась к нему, и на этот раз ее глаза оказались спрятаны за странными очками, словно сделанными из тонкого перламутрового стекла – такого материала он еще ни разу не видел.

– Обещала и рассказала! Ты чем слушал? – засмеялась Агата, подхватила под руку сестру и выпорхнула с ней из беседки.

* * *

Новолуние в Китеже было свободным днем. Маргарита захотела навестить бабушку, и Черная Курица согласилась их с Полиной проводить. Девушки рассчитывали по дороге полюбоваться городом, но оказалось, что Долина Гремящих Ветров и Зорник располагались далеко друг от друга и из Китежа туда вел совершенно иной путь.

Маргарита услышала лязг металла, в следующий миг перед ней открылась дверь и в глаза ударил яркий свет. Она зажмурилась и шагнула в проем. Едва она оказалась на свежем воздухе, ее чуть не снес в сторону порыв ледяного ветра, так что пришлось схватиться за хлипкую дверцу, жалобно скрипнувшую петлями. Оказалось, что они только что вышли из неказистой серой будки с глухой дверью. Такие, насколько Маргарита помнила, встречались на заправках вдоль шоссе, и в детстве всегда вызывали у нее вопросы – для чего нужна эта небольшая металлическая коробочка, приткнутая сбоку к магазинчику? Что в ней хранят? И почему на двери висит такой большой замок? Вот и сейчас она обнаружила за спиной пустынное шоссе, правда, никаких заправок или магазинов поблизости не было. Впереди простирался редкий сосновый лесок, сквозь который просвечивали песчаные дюны.

Черная Курица захлопнула дверцу безымянной кабинки, послужившей им порталом, и направилась прямо к соснам.

– Дальше пешком, – объявила она. – Здесь уже недалеко.

– Недалеко? – удивилась Маргарита. – Вы хотите сказать, что Долина Гремящих Ветров так близко к трассе? Здесь ведь ездят потусторонние!

– Сейчас не так-то просто найти место, удаленное от потусторонних.

– Мне кажется, стоило попробовать поискать в тайге! – воскликнула Маргарита, и Черная Курица, к ее удивлению, рассмеялась.

Под ногами зашуршал мелкий песок. Он лежал волнами, повторяя изгибы видневшейся вдалеке воды, кое-где по нему даже бежала рябь. Полина с Маргаритой закутались в шарфы, потому что ветер вздымал настоящие песчаные бури, и песчинки забивались в нос и в рот. Воздух здесь пах водорослями и солью. Черная Курица решительно шла навстречу чуть выступающей каменной гряде. Сизый хребет древнего окаменевшего великана прорывался сквозь горы песчинок, и, судя по уверенным шагам наставницы, Долина Гремящих Ветров располагалась где-то там. Минут через десять все трое приблизились к первому гранитному выступу и взобрались на него. И действительно, теперь перед ними лежало небольшое плато с редкими карликовыми березками, гнущимися от ветра, и россыпью одинаковых новеньких домишек. В рекламном проспекте, который как-то попался Маргарите и Полине на глаза, говорилось, что Долина Гремящих Ветров построена по последнему слову физимагии. Но наконец попав сюда, Маргарита смогла выдать только:

– Какой шутник додумался назвать этот закуток Долиной?

– Дарья Сергеевна сейчас бы тебе ответила, что он точно был Огненным, – рассмеялась Полина. – Она говорит, Огненные любят все масштабное и звучное.

– Хотелось бы, чтобы их названия соответствовали правде, – сказала Маргарита.

– Это только начало, – возразила Черная Курица. – Когда-нибудь Долина Гремящих ветров разрастется. Потусторонние забросят пролегающую дорогу, их поселки, что стоят по соседству, опустеют и исчезнут...

– И Звездинка разойдется и наклепит еще штук тридцать теремов! – закончила Маргарита, потирая ладони. – И я даже не знаю, хорошо это или плохо. Далеко ли до бабушкиного дома?

– Нам туда. – Черная Курица указала почти на самый край обрыва, где, не сдаваясь под натиском ветра, ютилось четыре белых домика с голубыми ставнями в красных узорах.

Они заметили Мариетту Юрьевну издалека – та махала им с крыльца. Морской ветер остервенело трепал подол ее юбки, а плащ порывался сорваться с плеч и унести к заливу.

Вблизи Полина различила на ставнях нарисованных морских коньков, на крылечке каким-то чудом держался пушистый голубой коврик, а прическа Маргаритиной бабушки после атаки ветра вовсе не напоминала растрепанное гнездо, чего нельзя было сказать о ее собственных волосах.

– Ну наконец-то! Как же я рада вас видеть! – Мариетта Юрьевна легким шагом спустилась и заключила Полину с Маргаритой в объятия. – О, Сварог, да вы, наверное, продрогли. Заходите скорее в дом! И вы, Екатерина, – она кивнула Черной Курице, – проходите и выпейте с нами чаю.

– Спасибо, но у меня нет времени. Я здесь по делам. Вернусь за девочками через пару часов, а до этого никуда их не отпускайте.

– Как знаете, дорогая. Двери моего дома всегда открыты. – Мариетта Юрьевна улыбнулась Черной Курице.

Подруги проскользнули в дом, готовые променять любезности на тепло. Маленькая приходящая плавно перетекала в гостиную, окна которой выходили на залив – и это было лучше любых картин, хотя и картин в комнате оказалось немало. Маргарита узнала любимое бабушкино кресло, которое когда-то стояло в ее квартире в Суздале. И чашки, и пузатый чайник с красными петушками, знакомые Маргарите с детства.

– У вас уютно! – воскликнула Полина, рассматривая вышитый плафон торшера и заглядывая в корзину с рукоделием.

– Спасибо! Потихоньку обживаюсь.

Маргарита, пробежав глазами по картинам, скрылась в следующей комнате, с интересом рассматривая и цвет стен, и полки с книгами. Полина же задержалась у сундука, придвинутого к стене и расписанного цветами.

– Его сделал еще Маргаритин дед, – пояснила Мариетта Юрьевна, заметив ее любопытство. – Ох, как рисовал! Расписывал все, что попадется под руку. И все сразу становилось такое веселое, яркое! Лучше, чем новое. А говорят еще, что потусторонние не способны к магии. Да разве это был не чудесный дар?

Полина улыбнулась. Она приблизилась к комоду с зеркалом. Улыбка сползла с лица, стало Полине увидеть сбившиеся в колтун волосы и обветренные щеки.

– Не возражаете, я причешусь? – спросила она. – Мне бы тут явно потребовалось специальное колдовство, чтобы ветер не превращал прическу в стог сена.

– Пока что от этого действительно помогает только магия, – засмеялась Мариетта Юрьевна, подавая ей расческу.

Маргарита вернулась в гостиную как раз в этот миг, но выражение ее лица теперь было скорее встревоженным, чем довольным.

– Ба, – подала она голос, – а у тебя не возникает здесь странного ощущения?

– Какого же? – Мариетта Юрьевна удивленно вздрогнула.

– Мне как-то не по себе. Не в самом доме, а во всей Долине. Я почувствовала это, едва мы отошли от шоссе.

– Я понимаю, что тебя гложет, Рита. Первое время мне тоже было здесь непривычно. Это место не зря называют Долиной Гремящих Ветров. Слышишь?

На несколько мгновений в домике воцарилась тишина, и Полина с Маргаритой действительно услышали, как за большим окном гроыхает ветер.

– Так все дело в нем? – спросила Полина.

– Не совсем. Нужно много времени, сил и желания, чтобы превратить дикий клочок земли с сильной магией в место, благоприятное для жизни. Это как с домом, – Мариетта Юрьевна обвела руками гостиную, – уют создается постепенно и не только из предметов, купленных хозяевами или подаренных добрыми гостями. Важна энергия людей, которые приходят в этот дом. Так и с городами. Росеник, Зорник и Небыль не всегда были благополучными. Многие поколения колдунов старались сделать их такими, какие они есть сейчас.

– Так значит, здесь пока слишком мало колдовской силы жителей? Место не успело ею... напитаться?

– Похоже, да, – согласилась Мариетта Юрьевна. – Но и ветер постарался на славу. Здесь не хватает нашей магии, Огненной, – обратилась она к Маргарите. – А вот Водяной – в достатке. Полина?

– Я понимаю, о чем говорит Марго, но... мне тут хорошо. – Полина не отводила взгляда от гладкой поверхности моря, видневшейся сквозь окно. Оно представлялось ей мудрым и все понимающим старцем. Морская пена – как густые брови, голубые глаза искрятся бликами солнца, а запутанные водоросли под водой похожи на бороду. Полина точно знала, что морской старец ей улыбается. Вот только в глубине его глаз проклевывалось и что-то черное, тревожащее.

– Я как раз об этом! Мой сосед – Воздушный, и ему с самого начала тут было комфортно. Поэтому мы и сдружились: он помогал мне обустроить дом, а я принесла ему огненную чашу.

– Огненную чашу? Это какой-то намек или стоит понимать буквально? – усмехнулась Маргарита.

– Здесь почти в каждом доме есть такие. – Мариетта Юрьевна указала на полукруглую чашу на подоконнике. – Она сделана из специального сплава – любой из Огненных может наполнить ее пламенем. Такие чаши помогают сохранить баланс стихий в местах, подобных этому. В Долине не хватает Огненной и Земляной магии, колдуны этих стихий могли бы уравновесить Воду и Воздух, если бы их стало хотя бы в два раза больше.

– А почему в этой чаше сейчас нет огня? – спросила Полина.

– Мне он не нужен, дорогая. Зато у меня много растений, которые приносит Земляная колдунья из соседнего дома, Роксана. Только сообща мы можем превратить это место в пригодное для жизни.

– Это кажется... очень сложным, – отозвалась Маргарита. – И немного печальным.

– Правда часто кажется нам безрадостной, не то что сказки и выдумки. Но мы забываем, что самая волшебная сказка – это правдивая история со счастливым концом. Так что у нас есть шанс. – Бабушка улыбнулась, глядя на внучку.

– Когда-нибудь я буду рассуждать так же мудро.

– Надеюсь, что не скоро, – рассмеялась Мариетта Юрьевна. – Мудрость приходит с возрастом. А пока садитесь-ка лучше за стол. Я приготовила ватрушки с морошкой и заварила чай. Надеюсь, он поможет тебе, Риточка, справиться с тревогой, которую породил ветер Долины. Но все это только после того, как попробуете мою уху. Я приготовила ее по рецепту Раны из Китежа. Пока не могу привыкнуть, что на севере так часто едят рыбу.

Алые петушки призывно глядели с чашек на гостей. Мариетта Юрьевна принесла из кухни кастрюлю, приподняла крышку, и оттуда повалил душистый пар.

– И не страшно ли тебе здесь живется после того нападения? – вдруг вспомнила Маргарита. Полина поняла, что за разговорами совсем позабыла о том случае, когда кто-то неизвестный пробрался в дом Мариетты Юрьевны и оглушил ее заклинанием.

– В первые недели после возвращения из здравницы было не по себе, – призналась бабушка, нарезаая серый хлеб с отрубями и травами на пушистые ломти.

– Неужели так и не узнали, кто это сделал? – воскликнула Полина.

– Может, и узнали, да не говорят, – пожала плечами пожилая колдунья. – Вся наша надежда на Екатерину Юрьевну. Она стала появляться здесь чаще и, говорят, без стеснения допрашивает представителей знатных родов.

– Да уж, Анисья рассказывала, – подтвердила Маргарита. – Подозрения падают на Звездинку, потому что он строил этот район. Но что-то никто не может прижать его к стенке.

– О, это не так просто, дорогая!

– Вам здесь нравится больше, чем в Суздале? – вдруг перевела тему Полина.

– Пока не поняла. Там все было такое родное, привычное, безопасное... Но колдуны должны держаться вместе, так я считаю. Поэтому и согласилась на этот переезд.

– Колдуны должны держаться вместе? – удивилась Маргарита. – А зачем же ты тогда в молодости сбежала в Суздаль?

– Ох, жизнь – такая сложная штука, Маргарита. Иногда нам приходится уезжать с насыженных мест... Ну что же вы так тянете с супом? Ватрушки остынут! Они очень вкусные...

– Бабушка. – Маргарита не дала Мариетте Юрьевне договорить. – Не уходи от темы. Ты как-то рассказывала нам, что уехала из Росеника, потому что познакомилась с моим будущим дедом... Но где ты могла с ним познакомиться, если он был потусторонним?

Стало заметно, что хозяйка дома недовольна таким поворотом разговора.

– Это старая история. Неправильно ворошить прошлое, – наконец произнесла она с неохотой.

– Какая еще история?

– Ох, девочки, и почему же вам, молодым, хочется все знать? – Она тяжело вздохнула, но продолжила: – Хотя я вспоминаю себя в ваши годы... Да, я была такой же. Неугомонной, любопытной, во всем ищущей смысл.

Бабушка снова замолчала и замерла, устремив взгляд в окно, за которым кружили чайки.

– Тогда многие покидали волшебные города. Что-то происходило... Мы не чувствовали себя в безопасности.

– Почему?

– Вы слышали про Дары Богов? – спросила бабушка.

Девушки переглянулись.

– Хм... нам говорили про них на Легендологии, – первой нашлась Полина, решив, что сейчас совсем не к месту будет рассказывать историю о том, как Анисья с Василисой пробрались в особняк Велес и читали Ярилину рукопись. Или как Митя с Севой заявили на кладбище к Вещему Олегу в поисках такого дара и застали наставника за некромантским обрядом... Проще сделать вид, что Дары Богов для них – просто красивая легенда... Вот только что-то не сходится... Ах, ну конечно! Маргаритин серп!

– Серп Мары – одно из них, – угадав ее мысли, сказала Мариетта Юрьевна. – Но есть и другие. И их не так уж и мало. Считается, что основные Дары принадлежат самым древним родам. Но есть артефакты и поменьше, их находили в самых разных местах. Все они наделены уникальной силой. Что-то раскрывает способности Друидов, что-то позволяет заглянуть в будущее. С помощью одних можно влиять на время, с помощью других – на природу или людей. Какие-то Дары делают человека сильнее, какие-то – обаятельнее или опаснее. Неудивительно, что многие колдуны хотели бы обладать ими.

– Темные? Ты говоришь про Темных?

– К сожалению, не только. Среди Светлых магов тоже немало таких, кто ослеплен тщеславием, жадной властью или богатством. Просто они не готовы переступить черту... По крайней мере, не все. Но Дары влияют и на них. Вскрывают все человеческие слабости...

– Бабуль, давай не будем ходить вокруг да около, – сказала Маргарита. – Кто-то пытался заполучить Серп Мары, когда ты жила в Росенике?

– Понимаешь, посвященные маги чувствуют, когда рядом появляется вещь, излучающая необычную силу. Когда я попала в Заречье с серпом, активизировались и другие артефакты, менее сильные, но все равно – это были Дары, оставленные самими Богами. Рядом с таким мощным древним сокровищем они словно ожили и завибрировали, заряжая воздух своим колдовством.

– И что произошло потом?

– В Заречье тогда был один наставник... Он грезил мечтой собрать все дары, которые только сможет найти.

– Кто? – Маргарита успела представить Вещего Олега, но поняла глупость своего предположения – он тогда даже не родился. Но, может, это был кто-то из его родственников?

– Наставник, обычный наставник. Он был выходцем из древнего рода, но мы звали его просто по имени – Симеон. Он прекрасно рассказывал легенды и был очень популярен среди воспитанников Заречья.

– И он пытался украсть у тебя серп?

– Он многое знал про Дары, рассказывал нам про них на встречах. Постепенно вокруг него образовался кружок тех, кому эти рассказы и истории были особенно интересны. Среди них оказалась и я. Сама пришла к нему с Серпом Мары. Тот достался мне в наследство, и никто не объяснил мне, в чем заключается его ценность. Но легенды об утраченных сокровищах завораживали меня, словно каждое слово наставника складывалось в чарующий наговор, притягивающий меня к его избушке.

Маргарита бросила на бабушку многозначительный взгляд, но не стала перебивать. А Мариетта Юрьевна тем временем продолжала ворошить те уголки своей памяти, в которые раньше старалась не заглядывать.

– У меня хватило ума понять, что это не простой серп: в нем ощущалась какая-то сила, но я не осознавала, какая. Тогда я и пошла к Симеону, чтобы он объяснил.

– И он?.. – Полина с Маргарита спросили это почти хором.

– Он был очень возбужден, увидев серп. Просил оставить серп ему, чтобы он мог изучить, что за силу тот скрывает. Но меня как будто оберегали силы природы. Я поняла, что надо уходить. Не помню, что я наговорила ему тогда, но ушла вместе с серпом. В одночасье перебралась из Заречья в Росеник, а потом и дальше...

– Но почему нужно было прятаться? Ведь можно было рассказать Велес... или кто тогда был главным наставником в Заречье?

Мариетта Юрьевна долго не отвечала, пристально глядя на девушек. Полине казалось, что внутри пожилой колдуньи происходит какая-то борьба, от исхода которой зависит ответ.

– Велес была главной наставницей. Но я не могла прийти к ней. Боялась... Сейчас понимаю, что может, и стоило, но тогда казалось, что она ни за что мне не поверит. Думала, вдруг... вдруг она тоже захочет заполучить серп? Это только потом я узнала, что вскоре Симеон сгинул – перешел от слов к делу и выкрал один из артефактов у проходящего Посвящение колдуна. И Велес жалеть его не стала.

– Что она сделала?

– Не знаю, дорогие, не спрашивайте. Светлые колдуны своих врагов не лишают жизни, но прежней жизни у Симеона точно больше не было.

Теперь и Полине стало не по себе. Холодом и отчаянием веяло от истории, словно самый жестокий и самый Темный маг жил не где-то за рекой, а внутри каждого человека, и ждал лишь подходящего часа, чтобы проявить себя...

– Что-что, а стремление к безграничной власти Велес зарубает на корню, чтобы никаких побегов больше это дерево не дало, – продолжила Мариетта Юрьевна. – А вот смотрите, как судьба-то в итоге распорядилась...

– О чем ты, ба?

– Ох, и так я вам уже много всего рассказала. Но раз начала, надо заканчивать: Симеон был мужем Велес и дедом Димы. И смотрите, как наследственность сыграла. Один за дарами богов охотился, другой решил власть на Темной стороне искать: знал, что среди Светлых никогда бабушку свою по могуществу не обойдет.

* * *

Похолодало. С моря налетели тягучие влажные ветра. Мариетта Юрьевна проснулась поздно: утро давным-давно наступило, за окном плясали волны, березки вытянули веточки-волоски вдоль горизонта, а ночная рубашка промокла от холодного пота. Само пробуждение Мариетты Юрьевны было странным: она очнулась рывком, с судорожным кашлем, будто вынырнула из морской пучины, и в первые секунды пыталась вспомнить, где она и кто. Придя в себя, она ощутила прилив страха, взмахнула рукой и щелкнула пальцами – из них послушно посыпались искры, пусть и едва видимые в дневном свете.

Пошатываясь, Мариетта Юрьевна доковыляла до зеркала, убедилась, что выглядит не хуже обычного, и заторопилась на кухню – заварить укрепляющего чаю. Она по привычке взглянула на огненную чашу, но обнаружила, что огня в ней нет, хотя еще вчера вечером она собственноручно там его наколдовала. После ухода Маргариты и Полины переизбыток Водяной магии ощущался особенно остро, поэтому пришлось самой прибегнуть к ритуалу, который спасал ее Земляных соседей. Однако сейчас чаша пустовала. От изумления колдунья остановилась на пороге и долго стояла так, разглядывая холодную посудину.

Вечером заглядывала соседка Роксана. На весь день она куда-то отлучалась, а потому пропустила встречу с внучкой Мариетты Юрьевны. Узнав, что здесь побывала и Водяная, Роксана принялась сетовать на свое невезение и отмахнулась от известия, что ее пыталась разыскать для разговора Черная Курица. По словам Кати, Роксана была одной из немногих, с кем так и не удалось обсудить таинственное нападение в Долине.

Добрая соседка принесла растение в горшочке – сейчас оно стояло как раз перед огненной чашей и наполовину ее закрывало. У него было всего три круглых листика, но Роксана уверяла, что оно обладает огромной силой – надо лишь тщательнее за ним ухаживать. Быть может, ставя его на подоконник, она как-то случайно потушила огонь?

Мариетта Юрьевна потеряла виски. В памяти всплыли сны, что всю ночь заставляли ее сдерживать крики. Ей снилось, что море подползло к ее домику совсем близко. Что из его черных вод вдруг полезли щупальца, которые свивались кольцами, хватали все на своем пути и утаскивали в ледяную глубину. С каждой новой волной сердце замирало от ужаса, хотелось завизжать, но она не могла: знала, что нельзя. Щупальца дотянулись до ее двери, затарабанили по стенам, задержали ручку. Мариетта Юрьевна видела их, хотя и пряталась в доме. Она сдерживалась изо всех сил, но в конце концов закричала во все горло, и тогда началось ужасное: в стылой воде заворочалось что-то грозное, неведомое, оно надвигалось, стало выкарабкиваться на берег, поползло по ступенькам... Чудище выглядело как мертвое, полуистлевшее тело ее мужа, в провалах глаз шевелились рыбы, меж ребер струилась морская пена. Она кричала, а он, шамкая челюстью, шипел: «Ты обманула меня! Ты обманула! За это отдашь мне свою силу! всю свою силу отдашь!»

Мариетта Юрьевна схватилась за сердце, отдышалась, прогоняя морок, и снова шелкнула пальцами. Магическая сила действительно уменьшилась, словно и впрямь утекла в сам сон, но все же еще теплилась. Оставалось поскорее выпить восстанавливающий отвар, понаблюдать, что будет дальше, и тогда сообщить кому-нибудь.

* * *

Предчувствие говорило Севе, что в библиотеке он ничего не найдет, и тем не менее он сходил туда еще три раза, чтобы не корить себя за бездействие. Было ясно, что рассказы о темных проклятиях вряд ли оказались бы в Дивноморье – разве что в художественной литературе. Морской дядька, впечатленный его усердием, пытался помочь как мог, но больше отвлекал. Он все травил небылицы о каких-то женщинах по прозвищу Ворона и Коза, о чудовищах, выходящих из морских глубин, а в последний раз снова намекнул на приворотную магию, которую якобы Сева мог захотеть изучить, и даже предложил взять книжку. Сева отмахнулся и ушел ни с чем.

Их с Муромцем план по развлечениям почти не продвигался. Да, они ходили на все вечерние посиделки, на которые их приглашали, купались в море, пили местное вино, но даже после того, как Нонна весь вечер намекала Севе, что не прочь прогуляться с ним вдвоем, а Мила делала ему массаж, Сева прилег в гамак и отключился. Сон его был тяжелым и сладким, похожим на воздух Дивноморья. Сквозь дрему он чувствовал прикосновение Милиных рук, но только во сне они превратились в руки Водяной колдуньи. Это ее пальчики пробегали по коже под кофтой, ее лицо виделось все ближе. Сновидение разыграло какой-то бессмысленный и глупый диалог, и в конце Сева наклонился и поцеловал ее.

Вся надежда выведать что-то о проклятиях или о том, как стать хранителем проклятого человека, ложилась теперь на местного лекаря, который прибыл из Шамбалы и временно заменял Ирину Романову, наставницу по целительству. Иностранец наверняка обладал особыми знаниями, и втереться к нему в доверие можно было незаметно, не вызвав лишних вопросов. Во время нескольких первых встреч сделать это не удалось – Сева был слишком увлечен новыми практиками, а в конце встречи наставник сразу же исчезал.

Но оставалась еще одна загадка – женская магия.

– Если ты просто подумаешь о том, что там было? – спросил Сева у Муромца, а сам настроился на Митины мысли. – Нет, какая-то белиберда...

Митя остановился, схватил Севу за руку и оттащил в тень беседки. Лицо у него было сосредоточенное и очень серьезное.

– Ночью... – начал Митя и вдруг сморщился, будто мышцы свело судорогой. – Ночью, – повторил он, вновь собравшись с силами. – Один моряк на корабле увидел землю. И разбудил остальных.

– Что? – удивился Сева.

– Нет-нет! – Митя вцепился в его рукав. – Не совсем так! Подожди. Моряк, он... закричал. Люди на корабле проснулись. Корабль взял курс на остров. Но... Вода... ее духи тоже не спали. Они ждали корабль. Она ждала корабль с моряками.

– Так, Муромец, это...

– Нет, стой, стой! Морякам нельзя было смотреть, понимаешь? Камень!

Тут он обессиленно выдохнул и рассмеялся.

– Вся ясно, – проговорил Сева. – Ты рассказываешь нелепые истории вместо того, чтобы сказать правду.

– Да!

– Возможно, стоит просто поискать другой способ. Например, задавать тебе наводящие вопросы. Девушки проводили какой-то обряд, в котором должен был участвовать мужчина? Им для чего-то понадобилась твоя магия?

Митя в отчаянии скрипнул зубами и ответил:

– Рыбак... Однажды рыбак увидел деву, выходящую из морской пучины. Прекрасная дева была облачена в сверкающие одежды и корону из ракушек...

Митя схватился за голову и на этот раз по-настоящему расхохотался.

– Черт, да ты и впрямь не можешь сказать...

Сева попытал удачу в библиотеке. Морской дядька обрадовался его появлению, но в ответ на вопрос о женской магии только принялся повторять истории про морских чудищ, которые Сева уже слышал.

Покинув библиотеку, Сева шел по взгорью. До Боевой магии оставалось еще немного времени, и он хотел обо всем подумать, разложить в голове то, что услышал от Муромца и Морского дядьки, возможно, найти что-то общее в их историях. Но тут вдалеке показалась Дарья Сергеевна. Сегодня утром Сева видел ее в столовой в компании бабы Луцы. Луца расчесывала ей волосы костяным гребнем, и обе они смеялись.

Сева догнал наставницу.

– А! – Лиса приветливо погладила его по плечу. – Как поживаешь? Понравился целитель из Шамбалы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.